

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. В.И. АБАЕВА –
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА «ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ

ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Вып. 21, 2019

Владикавказ 2019

**ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ
ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

Научный журнал
Гуманитарные науки

Главный редактор
З. В. Канукова

Редакционная коллегия:
Е. Б. Бесолова,
Э. Ш. Гутиева (ответственный секретарь),
Е. Б. Дзапарова, И.В. Мамиева, Ф.О. Абаева

Учредитель:
СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. В.И. АБАЕВА –
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА "ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК"

Адрес редакции и учредителя:
362040, РСО-Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10
e-mail: soigsi@mail.ru

*Мнения, выраженные в статьях, отражают личные взгляды авторов
и не всегда совпадают с точкой зрения редколлегии
и редакции журнала*

ISSN 2310-578X

© СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

I. МАСТЕР-КЛАССЫ

Айларова С.А. О жизни и творчестве первого осетинского историка Александра Кодзаева	5
Туаллагов А.А. Данные сфрагистики по истории алан.....	21
Рахно К.Ю. Оружие из метеоритного железа в Царциатском эпосе осетин	31
Дзаттиаты Р.Г. О женских погребениях Даргавса	39

II. ИСТОРИЯ

Абаева М.Ш. Освобождение зависимых сословий в балкарском социуме	49
Чеченова Л.Р. Организация жилого пространства в хуламском обществе в конце XIX века	57
Баззаев Н.А. Аграрная политика советского государства в 20-ые гг. XX в.: региональный аспект (на примере Юго-Осетинской Автономной области)	65
Афаунова Д.Ф. Наделение земель феодальной элиты народов Терской области в XIX веке	73
Пазов И.С. Зольское восстание 1913 года: причины и последствия	81
Амелян В.В. Организационно-правовое регулирование молодёжного движения в Российской империи.....	93
Элимханов И.А., Оздомирова Э.М. Чечня в революциях 1917 года	104
Салихова Л.Б. К вопросу о выборах в Учредительное собрание (Дагестан)	111
Пухова Л.К. Студенчество Северной Осетии в 20-30 гг. XX века	115

III. ИСТОЧНИКИ. ИСТОРИОГРАФИЯ

Журтова А.А. Российско-чеченские отношения в XVI – XIX вв. в современной отечественной историографии	120
Загазежева М.Х. Проблема черкесско-российских отношений в научном наследии адыгских просветителей первой половины XIX века.....	128
Тахушева И.С. Специфика Кавказской войны в корреспонденциях российского офицерства (по материалам дореволюционных журналов «Современник» и «Отечественные записки»)	135

IV. АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Багаев А.Б. Охотничьи обычаи осетин	145
Дауева Т. Т. Нормы обычного права осетин о положении женщины, браке и разводе	155
Бедоева И.А. О технологии приготовления вина у осетин	166
Гуважиков Д.Х. О значении символа крест в мировоззрении древних обитателей Кавказа	174
Загазежев Т.Р. Пережитки позднесредневековых погребальных обрядов у адыгов	181
Худалова М.Т. О некоторых терминах кузнечного ремесла в нарттовском эпосе осетин	188

V. ФИЛОЛОГИЯ

Дзапарова Е.Б. Н.Г. Джусойты – переводчик поэзии К.Кулиева на осетинский язык	195
Бритаева А.Б. Репрезентация темы «войны и детство» в рассказах В. Малиева	209
Абаева Ф.О. О названии люльки-качалки в осетинском языке.....	217
Цаллагов И.Н. Словообразовательные и лексико-семантические особенности терминологической лексики дигорского диалекта (на материале зоонимов и фитонимов).....	225
Гогичаева Л.Ю. Эсхатологические мотивы в современной прозе («Слезы Сырдона» Н.Джусойты, «Плаха» Ч.Айтматова)	233
Алборты Т.А. Ёгъдауы темæ ирон фольклор æмæ литературæйы	245

VI. ПОЛИТОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

Янадамов А.М., Абдулвахабова Б.Б.-А. Социально-экономические, общественные и культурные процессы в Чечне в 1990-1994 гг.	255
НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ.....	262

I. МАСТЕР-КЛАССЫ

**С. А. Айларова,
дин СОИГСИ им. ВИ. Абиева
(г. Владикавказ)**

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПЕРВОГО ОСЕТИНСКОГО ИСТОРИКА АЛЕКСАНДРА КОДЗАЕВА

Творческое наследие Александра Николаевича Кодзаева – общественного и церковного деятеля начала XX века – включает публицистические статьи, проекты образовательных реформ, выдающийся исторический труд «Древние осетины и Осетия». Его проект реформы был направлен на модернизацию системы духовного образования в Осетии, развитие церковно-приходских школ, их адаптацию к изменяющейся гражданской обстановки в регионе. В развернувшейся общественной полемике вокруг церковно-приходских школ, публицист отстаивал исторические заслуги этого образовательного института в Осетии. В первой специализированной исторической монографии А. Н. Кодзаев рассматривает историографию изучения Осетии, традиционную религиозную систему, эпос и мифологию, историю древнего аланского православия. В исследовании обобщен огромный массив научной литературы и источников. Историк опирался на теоретические и методологические положения академических трудов В. Ф. Миллера, М. М. Ковалевского, Ю. А. Кулаковского, В. Б. Пфафа. Первый осетинский историк стремился рассматривать в единстве историю аланского православия и аланской государственности. А. Н. Кодзаев настаивал на укоренённости христианства на осетинской почве, православии как определяющей части национальной духовной традиции.

Ключевые слова: Северная Осетия, А. Н. Кодзаев, просвещение, церковно-приходские школы, историография, аланское православие.

Creative legacy of Alexander Nikolaevich Kodzaev, a public and church leader of the early 20th century, includes journalistic articles, educational reform projects, and the outstanding historical work Ancient Ossetians and Ossetia. His reform project was aimed at modernizing the system of religious education in Ossetia, developing parochial schools, and adapting them to the changing

civil environment in the region. In the unfolding public controversy around the parochial schools, the publicist defended the historical merits of this educational institution in Ossetia. In the first specialized historical monograph A. N. Kodzaev considers the historiography of the study of Ossetia, the traditional religious system, epos and mythology, the history of ancient Alanian Orthodoxy. The study summarizes a huge array of scientific literature and sources. The historian relied on the theoretical and methodological provisions of the academic works of V. F. Miller, M. M. Kovalevsky, Yu. A. Kulakovskogo, V. B. Pfaff. The first Ossetian historian sought to look at the history of Alanian Orthodoxy and Alanian statehood in unity. A. N. Kodzaev insisted on the rootedness of Christianity on the Ossetian soil, Orthodoxy as a defining part of the national spiritual tradition.

Keywords: North Ossetia, A. N. Kodzaev, education, parochial schools, historiography, Alanian Orthodoxy.

Александр Николаевич Кодзаев – один из самых ярких представителей осетинской интеллигенции начала XX века, однако его творческое наследие, включающее целый ряд публицистических статей педагогической направленности, а также замечательную книгу «Древние осетины и Осетия» [1], где освещается христианская история алан-осетин – мало исследовано. В советский период фигура А. Н. Кодзаева трактовалась как однозначно одиозная, а его труды не переиздавались. Крайне негативно оценивалась деятельность этого представителя осетинской интеллигенции в советской историографии, вынесшей вердикт, что А. Н. Кодзаев является по своим «общественно-политическим взглядам деятелем реакционно-монархического направления», «одним из наиболее видных идеологов буржуазного национализма в Осетии», придерживавшимся «открыто монархических взглядов» [2, 54-55].

В постсоветское время первым обратил внимание на этого просветителя С. Р. Чеджемов, писавший о нем как о видном представителе осетинской интеллигенции, внесшем большой вклад в развитие педагогической мысли края [3]. Этим же автором изданы публицистические труды А. Н. Кодзаева, а также рассмотрены его общественно-педагогические взгляды [4]. Сведения о просветителе были обобщены в его монографическом исследовании [5]. Об общественно-педагогической деятельности А. Н. Кодзаева писали также Н. О. Блейх [6] и В. В. Авдолян [7].

Александр Николаевич Кодзаев родился в селении Гизель Северной Осетии 16 сентября 1874 года (по старому стилю) в крестьян-

ской семье, глава которой владел крепким хозяйством, деревянным домом с пристройками и усадьбой. Юный Александр Кодзаев начал обучаться в церковно-приходской школе селения Гизель, а затем перешёл в Кадгаронскую церковно-приходскую школу (1887-1889 гг.). В 1890 году способный мальчик поступает в Ардонское осетинское духовное училище (при этом следует уточнить, что обучался он на средства Общества восстановления православного христианства на Кавказе) [8, 344]. На средства Общества в 1895 году он поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, которую окончил в 1902 году со степенью кандидата богословия.

В июне того же года он направил прошение на имя епископа Владикавказского и Моздокского Владимира (Синьковского), где писал, о своем желании работать в Осетии, о стремлении «...служить в одной только Владикавказской епархии по духовно-учебному делу: преподавателем или наблюдателем осетинских церковно-приходских школ, если окажется таковое место вакантным». Очевидно, ещё не дождавшись положительного ответа и официального приглашения от архиерея на работу, он приехал на родину, где и начался трудный период самостоятельной жизни просветителя [9, л. 32-33].

С 1903 по 1906 гг. А. Н. Кодзаев – наблюдатель церковно-приходских школ Владикавказской епархии. В течение своей административной и учебной деятельности А. Н. Кодзаев работал в гимназиях Владикавказа в качестве преподавателя, помощником инспектора в Ардонском Александровском училище, ставшем к этому времени Александровской духовной миссионерской семинарией [10, л. 2], активно публиковался в периодической владикавказской печати. В 1908 году он стал членом педагогического совета городской мужской гимназии [11, л. 1] и учителем истории второй женской гимназии [12, 34]. Помимо педагогической деятельности А. Н. Кодзаев был приглашен на должность цензора в газету «Хабар» [13, л. 18-25]. С 1911 по 1912 гг. Александр Николаевич преподавал в Темир-хан-Шурином и Темрюкском реальных училищах [14, 235-236].

Результатом административной деятельности А. Н. Кодзаева стала ситуация, которая спровоцировала не только его уход с любимой работы, но и отъезд просветителя из Терской области и Кавказа. Позднее он переехал в Петербург, где был назначен директором

гимназии, а также служил в Департаменте инославных исповеданий Министерства внутренних дел. Ушел из жизни А. Н. Кодзаев в 1924 или 1925 году.

Активная общественно-педагогическая деятельность А. Н. Кодзаева началась сразу после его приезда на родину. Вернувшись в Осетию летом 1902 года после получения диплома, он стал почетным членом Михаило-Архангельского церковно-школьного попечительства, однако уже в конце января 1903 года получил новую должность наблюдателя церковно-приходских школ Осетии. На этом посту молодой человек проявил себя как приверженец реформирования начального образования детей, проживающих в горах, при сохранении прежнего финансирования учебных заведений.

Важнейшим условием прогресса просвещения в Осетии Кодзаев считал совершенствование системы начального обучения. В августе 1903 года он представил в Ардонское отделение Епархиального Училищного совета задуманный им проект модернизации начальных церковно-приходских школ в образовательном пространстве Осетии путём превращения одноклассных школ в двухклассные. В этом проекте он поделился своими мыслями о необходимости введения представленных инноваций. Кодзаев обосновал своё предложение тем фактом, что люди, проживающие в горной местности, стремятся дать детям не только начальное, но и профессиональное образование, так как просьбы об этом достаточно часто поступали в различные ведомства от «общественных приговоров» [9, л. 32-33].

Кодзаев предполагал, что в результате внедрения предложенного им проекта система церковно-приходского образования станет более рациональной. Дело в том, что молодёжь после окончания начальных одноклассных школ, расположенных в горной местности, не имела возможности поступать «в первый класс семинарии наравне с учениками двухклассных школ» [9, л. 32-33]. В то же время А. Н. Кодзаев считал неправильным, что в приготовительную школу при семинарии поступает небольшое количество учеников, проживающих в горных сёлах. В результате этого многие учащиеся таких школ остаются без дальнейшего образования. Его целью стало воплощение идеи о возможности реорганизации обучения учеников из горных сёл при помощи реформы начальной церковной школы. Теперь дети должны были учиться в течение шести лет (как это и

происходит в светских, министерских школах, расположенных на плоскости).

Занимая административную должность, А. Н. Кодзаев в своём обдуманном и взвешенном проекте высказал мысль о том, что структура церковно-приходских горских школ устарела и не вписывается в современную ему образовательную систему. Это подтверждает нижеприведённый текст, в котором мы цитируем ведущие положения проекта просветителя: «Во-первых, все горские школы, как это ясно видно из официальных документов, страдают малолюдством. ... Горцы живут небольшими отселками, поэтому отсело, в котором находится школа, не в состоянии давать достаточного числа детей школьного возраста... Во-вторых, в одноклассных горских школах занятия ведутся с тремя отделениями с четырехгодичным курсом обучения, но нередко случаи обучения в школе в продолжение целых 6-8 лет. Во все это время учитель и ученики вращаются в пределах школы одноклассной. В-третьих, дети их не могут поступать в первый класс семинарии наравне с учениками двухклассных школ, а в приготовительную школу при семинарии попадает из них чрезвычайно малый процент и потому ученики остаются без всякого дальнейшего образования» [9, л. 33].

Как следует из текста, особенностью горских школ, в отличие от двухклассных учебных заведений, находящихся на плоскости, он считал небольшое число учащихся (обычно в горской школе учились от 20 до 35 учеников) и «непроизводительность», то есть, говоря современным языком, их непродуктивность. Далее читаем: «Ясное доказательство сказанному только что дает Даргавская двухклассная школа с своими 43 учениками при двух учителях с законоучителем с расходом от казны в 800 рублей в год, и Тибская с 48 учениками при таких же условиях. Горские школы должно преобразовать в двухклассные с одним учителем таким образом: сделать продолжительность обучения шестилетней, как в двухклассных школах на плоскости, с разделением на три отделения, как в одноклассных школах, с двухгодичным курсом обучения в каждом отделении и с производством приема и выпуска через год» [9, л. 33]. Кодзаев понимал, что двухклассные школы в горах с двумя учителями и ежегодным приемом учеников чаще всего будут пустовать, но дать детям возможность учиться дальше необходимо.

В соответствии с проектом в течение шести лет ученики должны пройти программу двухклассных (с тремя отделениями) школ, которые будут делать выпуск учащихся через год. По мнению А. Н. Кодзаева, при условии осуществления предоставленного проекта для процесса обучения будут получены позитивные результаты:

«1. Делая прием и выпуск чрез год, отделения школы будут многочисленнее, так как в два года может набраться достаточное число детей школьного возраста.

2. Ни казна, ни сельские общества не вовлекаются в новые расходы.

3. Жители гор получают крупную выгоду возможностью дать детям своим вместо одноклассного двухклассное образование.

4. Учебное начальство имеет возможность улучшить качественную сторону дела.

5. Учитель поставляется в необходимость вместо прежнего продолжительного повторения программы одноклассной школы пройти интересную программу двухклассной церковной школы.

6. Труд учителя при этом не осложняется, так как занятия по-прежнему ведутся с тремя отделениями, как в одноклассных школах с заменой одних предметов другими, не вносящих ровно никаких препятствий к ведению занятий»¹ [9, л. 33].

Однако, несмотря на его благое начинание, реализация которого помогла бы выжить церковно-приходским школам в новых условиях, на имя епископа Владимира была написана жалоба на наблюдателя. Причиной её стало закрытие Кодзаевым в мае 1903 г. штата учителей и второго класса школы селения Тиб [15, л. 47]. Хотя его деятельность считалась «весьма полезной», у него сложились напряжённые отношения с осетинской педагогической общественностью.

С начала XX века престиж церковно-приходских школ в Осетии продолжал падать, и этого не мог не опасаться такой сторонник церковной системы образования, как А. Н. Кодзаев. Говоря о необходимости улучшения системы начального обучения горцев, позднее (в 1906 г.) он вспоминал следующее: «С 1903 г. я неотступно провожу мысль о необходимости увеличения и расширения горских школ. В

¹ Автор выражает признательность исследователю А.А. Горобцу, впервые выявившему эти уникальные документы

то время как богатое сравнительно с горским плоскостное население Осетии имеет в достатке казенные школы, горцы довольствуются одноклассными школами или большею частью ее не имеют совершенно. Между тем, Общество восстановления православия на Кавказе первоначально раскинуло сеть своих школ на плоскости, а Ардонское отделение, за исключением последнего четырехлетия, обращало главное внимание на развитие плоскостных школ, почти игнорируя просветительские запросы горной Осетии. Таким образом, получилась картина полной неравномерности числа плоскостных и горских школ» [9, л. 218-218 об.].

Деятельность А.Н. Кодзаева вызвала неоднозначную реакцию и была осложнена начавшимся противостоянием с ним радикально настроенной части учителей Осетии, придерживавшихся мнения, что все церковно-приходские школы надо закрыть и как можно быстрее преобразовать в светские министерские. Вспомним, что это было сложное и тревожное время, вызванное предреволюционными волнениями и революцией 1905 года.

Кодзаев понимал, что его проект может не стать «успешным», как и «проведение мер, направленных на поднятие значимости церковных школ». Открытой защитой церковно-приходской системы обучения в образовательном пространстве Осетии он вызвал противодействие радикальной педагогической молодёжи. Всё, что ассоциировалось с церковью, воинствующие учителя отвергали, считая, что в осетинской среде религиозного воспитания в образовательном процессе быть не должно.

А.Н. Кодзаев, несомненно, являлся последовательным сторонником существующего общественного строя и был обязан в качестве чиновника выполнять свои должностные обязанности. В период революции 1905 года произошло окончательное расшатывание общественных и профессиональных устоев: часть революционно настроенных учителей манкировала своими профессиональными обязанностями, студенты и школьники срывали занятия и также участвовали в многочисленных митингах. Будучи чиновником, А.Н. Кодзаев справедливо требовал, чтобы учителя не уклонялись от работы, не понимая, почему во время общественных волнений нельзя поддерживать дисциплину учащихся и проводить положенные занятия. По этой причине он издал приказ об увольнении за-

нимающихся распространением прокламаций и не пропускавших митинги учителей. Как администратор, отвечающий за уровень образования в Осетии, он вынужден был принять адекватные проступкам подчинённых меры. Понимая опасность возникшей ситуации, «... в начале 1905 г. А. Кодзаев разослал всем революционно настроенным учителям извещения о том, что они будут уволены и могут искать себе другую работу; одновременно он предлагал священникам осетинских приходов принять на себя обязанности учителей в школах их приходов» [2, 55].

Законные требования Кодзаева к заведующим вверенных ему учебных заведений тогда не поддерживали не только учителя школ, но и руководство Владикавказского отделения Епархиального Училищного Совета, что стало одним из оснований для разгоревшегося позднее достаточно длительного и серьёзного противостояния. Руководство во время конфликта не защитило репутацию Кодзаева, так как церковное начальство опасалось протестов со стороны радикально настроенной молодёжи, считая, что это ещё сильнее «настроит массы против церкви». После ухода со службы по собственному желанию в августе 1906 года Александр Иванович преподаёт в учебных заведениях Владикавказа.

Накануне и после революции 1905 г. в связи с ростом антиклерикальных настроений в российском обществе, в публицистике и исследованиях прочно утвердился критический подход ко всему, что осуществлялось православной церковью, в том числе в области просвещения. В общественном мнении получили широкое распространение негативные оценки функционирования церковно-приходских школ; деятельность данного типа учебных заведений определяли как воплощение стремления правительства ограничить участие общества в образовании народа [16, 13; 17, 9]. Подобный настрой ощущался и в северокавказской прессе.

А. Н. Кодзаев принял участие в развернувшейся газетной полемике, которая в целом демонстрировала различные взгляды на церковно-школьное дело, участие общественных сил в сфере народного просвещения, социально-экономическое и правовое положение учителей. В дискуссии участвовали известные осетинские педагоги и публицисты либерально-демократического направления Г. Б. Дзагохов, М. К. Гарданов, Х. А. Уруймагов, Г. М. Цаголов и др. [18-23]. По-

водом вступить в полемику явилась статья Г.М. Цаголова «К вопросу о народном образовании», где автор отказывал в будущем этому образовательному институту в Осетии ввиду несовременности, несоответствия педагогическим требованиям, игнорирования национального языка.

Прежде всего, А.Н. Кодзаев потребовал объективно оценить исторические заслуги церковно-приходской школы в культурном развитии осетинского общества. «Существование в Осетии церковной школы – факт крупной исторической важности, к решению которого надлежало бы поэтому подходить весьма осторожно» [24]. Приходская школа основательно «перепахала» традиционный осетинский социум, сформировав в нем категорический образовательный императив, – «...там где не было школы, народ не только не имеет самостоятельности, чистой любви к знанию, трезвого взгляда на окружающее и др., а напротив, поныне тормозит общественное развитие своим невежеством, отсталостью, фанатизмом, своею приверженностью к мнимым привилегиям. Рядом с этим замечается значительный прогресс селений, издавна испытывших на себе благотворное влияние церковных школ, такой или иной взгляд на которые обуславливается живой действительностью, результатами этих школ, их плодами: а каковы плоды, – известно всем» [24]. Отвергал Кодзаев и однозначные утверждения оппонентов, что министерские школы отличались от церковноприходских лучшей постановкой учебного процесса, более широкой и приближённой к интересам народа программой обучения, высокой квалификацией педагогов.

Особо значима была деятельность церковно-приходских школ в горах, где бедность жителей, отсутствие коммуникаций были огромным препятствием на пути образования. «Для развития школы наши горы предоставляют все неблагоприятствующие условия, и вследствие этого здесь не было бы никакой школы, если бы духовное ведомство не шло на помощь тёмному и бедному люду. Оно создало прежде всего ту любовь к просвещению, которую уже ныне проявляют горцы...» [24].

Нисколько не отставали церковно-приходские школы от министерских и по части преподавания разных ремёсел, рукоделия, «практических познаний по разным отраслям сельского хозяйства».

«Всё это делается в пределах программы церковной школы, и всем этим церковная школа приближается к народной жизни, – подчеркивал Кодзаев. – Поэтому несправедливо обвинение церковной школы в том, будто она стоит от народной жизни несколько далее, нежели школа министерская. Та и другая школа может стоять далеко от народной жизни, но не должна стоять» [24]. Обвинять церковно-приходскую школу, в рамках которой изучалось «чтение и письмо местного письменного языка» – было также несправедливо. «Мне не пришлось ещё встретить выпускных учеников церковной школы, которые не умели бы писать и читать по-осетински, – писал просветитель. – К великому удовольствию должен отметить и то, что многие о.о. законоучители приучают даже писать рассказы из священной истории, а учителя – народные сказки, пересказы прочитанных статей и др. Больше этого требовать от народной начальной школы и нельзя» [24].

Проблема церковно-приходских школ, их будущего в осетинском образовательном пространстве, была частью более фундаментальной проблемы – укорененности христианства на осетинской почве, православия как определяющей части национально-культурной традиции [25-26].

И в этом отношении особый интерес представляет научная часть творческого наследия и деятельности А. Н. Кодзаева. Речь идет о известном труде «Древние осетины и Осетия». У этой книги была сложная драматическая судьба (как и у её автора). Прочно забытая на столетие монография была, между тем, очень значимым, рубежным для своего времени исследованием. Хотя большей частью современной автору общественности она воспринималась как грамотная компиляция, не более. В 1906 году в «Этнографическом обозрении» в небольшой заметке отмечалось: «Данные по истории Осетии, известные до сих пор в науке, изложены полно в недавно вышедшей книге» [1, 174]. Да и сам Кодзаев подчеркивал, что при подготовке труда руководствовался прежде всего миссионерскими и популяризаторскими побуждениями – «соображением возможно сжатого выражения и приведения в известность путём цитаций лучший пособий». Между тем, современный исследователь обосновывает её глубоко «содержательный» характер, подчеркивая, что «А. Н. Кодзаев представил не компиляцию дилетанта, а самостоятельное исследование» [27].

дование, выполненное на довольно высоком для своего времени научном уровне» [28, 28-29]. Как первая специализированная монография, посвященная истории Осетии, книга разнопланова и многоаспектна. В ней рассматривается историография изучения Осетии, традиционная религиозная система, эпос и мифология, история Осетии и история древнего аланского православия. Используя и обобщив огромный массив существовавшей на тот момент научной литературы и источников, А. Н. Кодзаев опирался на теоретические и методологические положения академических трудов В. Ф. Миллера, М. М. Ковалевского, Ю. А. Кулаковского, В. Б. Пфафа. Сама задача обобщения в цельном труде масштабного корпуса источников и исследований была, конечно, *научной задачей* (курсив мой – С. А.), но Кодзаев поставил и ряд самостоятельных проблем. Но и задача популяризации имеющихся данных была не последней, не случайно, автор собирался распространять свой труд как учебное пособие в школах Осетии [9, л.47]. Академическую научную информацию предполагалось сделать доступной самому широкому кругу читателей, и интерпретировать как общепризнанный ментальный факт древность, историчность и укоренённость в Осетии аланского православия.

Именно этим стремлением сформировать некий общественный консенсус, общественное мнение о глубокой историчности христианства в Осетии и в соответствии с этим выстроить культурную политику, эта работа вызвала такое неприятие и негатив со стороны лево-радикальной интеллигенции. В советской историографии оценки ужесточились и констатировалось, что «работа имеет ряд отрицательных моментов, которые сводят на нет её научное и познавательное значение». Это прежде всего «буржуазно-национальный» характер работы, отсутствие «строгой методологии в расположении и изложении материала», «наличие ... многочисленных антиисторических положений по ряду важнейших вопросов осетинского исторического процесса» и т.п. Далее подытоживалось: «Указанные отрицательные стороны книги Кодзаева были причиной тому, что она среди передовой (т.е. лево-радикальной – С. А.) части осетинской интеллигенции не нашла поддержки и распространения в народе» [29, 355-356]. Эти оценки господствовали в историографии до последнего времени.

Итак, труд А.Н. Кодзаева посвящен вопросу генезиса этноса и роли христианства в истории Алании-Осетии. В соответствии с этим текст распадается на два смысловых, тематических блока. В первом освещается проблема этнической и культурной идентичности осетин, во втором – собственно история христианства алан. В первом блоке, включающем проблему этногенеза осетин (иранскую этническую традицию), анализ монотеистической религии осетин, семейный и общественный быт – автор опирается на академические разработки В.Б. Пфафа, В.Ф. Миллера, М.М. Ковалевского. Много здесь и собственных замечаний и собственных наработок автора – особенно в области мифологии и народной религии осетин, религиозного синкретизма разных верований. Второй блок – несущий, это собственно цельный очерк христианской истории Осетии-Алании. Здесь, безусловно, главная историографическая опора – блестящие исследования Ю.А. Кулаковского, сравнительно недавние для того времени и ещё не ставшие «общеизвестными» для общественного сознания. И здесь уместно указать на самостоятельную задачу, поставленную автором – рассмотреть социально-воспитательное влияние христианства на жизнь народа на протяжении многих веков бытования православия. Этой задачи не ставил Ю.А. Кулаковский – его интересовала событийная канва и официальные институты христианской истории алан [30; 31]. Замечательно у Кодзаева это стремление увидеть влияние христианства на живую и динамичную этнокультурную среду, внутри которой происходили эти события, и которая имела дальнейшее историческое развитие. Сам автор пишет об этом следующее: «Нам нужно было не только показать, что существовала в Осетии проповедь христианства (внешняя сторона дела), но и то – какие были плоды этой проповеди, не забывая при этом постепенность роста» [1, IV]. Отметим в качестве методологического принципа исследования строгий историзм, системность и многоаспектность изложения. Работа «требовала от нас, – писал Кодзаев, – во-первых, последовательного, без скачков, изложения естественного исторического роста народа в христианстве, – во-вторых, всестороннего рассмотрения жизни под влиянием данного фактора... В такой постановке тема является совершенно новой во всей литературе об Осетии, именно – в своём требовании последовательности во времени и всесторонности в объеме» [1, с. IV].

Еще один плодотворный тезис, который историк последовательно провёл в своей работе: единство истории аланского христианства и истории аланской государственности. «Историки последовательно игнорируют при объяснении событий гражданской истории явления церковной жизни, уделяя им едва заметное, так сказать, мимоходное место. Между тем, сама жизнь выставляет факты обратного свойства: мы замечаем, что рядом с постепенным усилением политической силы Осетии развивается и церковное дело; высший расцвет политического могущества в лице единодержавного царя Осетии ознаменовался и церковным торжеством, выразившимся в открытии особой митрополии. Падение царского могущества сопровождалось также закрытием митрополии и медленным вымиранием христианства. Это параллельное движение гражданской и церковной жизни *беспрекословно свидетельствует* о внутренней органической связи их между собою.

Имея это обстоятельство ввиду, мы дали должное место событиям гражданской истории и этим устранили ненормальное разграничение органического целого, т.е. христианизации народа с централизацией страны. Эти две стороны проникнуты внутренним единством и взаимно питают друг друга» [1, III].

К достоинствам работы отнесем и научную периодизацию. Истории христианства в Осетии-Алании, тесно связанную с гражданской историей страны. Всего А. Н. Кодзаев выделил четыре периода:

I – период подготовительный (до конца IX века).

II – осетинская (аланская) епархия с X века по 1453 г.

III – падение христианства с 1453 по 1746 г.

IV – восстановление христианства с 1746 г. по настоящее время.

В основе периодизации – рубежные события аланской истории, связанные с формированием важных христианских и гражданских институтов. Комментируя принцип своей периодизации, Кодзаев писал: «Мы, конечно, далеки от той мысли, чтобы приурочивать деление к пределам определенных кратковременных сроков. Историческое явление вовсе не так просто, чтобы его с удобством разделить на части; оно развивается постепенно в течение десятков и сотен лет и переживает в своём поступательном движении фазисы, иногда очень продолжительные. Постепенность этого развития неизбежно оттеняет их друг от друга многолетними промежутками,

которые зовутся переходными эпохами, переходным состоянием. Последние часто отпечатываются на страницах истории такими фактами, которые служат для нас тем, чем верстовые столбы для путников в незнакомой стране. Открытие Осетинской (аланской – С. А.) епархии и учреждение правильно организованной русской миссии служат для нас такими показателями, с помощью которых мы всю массу исторического, не всегда ясного, материала раскладываем на части в известном направлении в намеченной цели» [1, 50].

В небольшой по объему статье невозможно рассмотреть все аспекты и проблемы этого многостраничного, до предела насыщенного фактами, документами, источниками исторического труда. Скажем только, что, по мнению автора, в долгой, сложной, героической, полной трагизма истории алан именно христианство было той историко-духовной традицией, которая придала ей смысл, логику, красоту. «В этом начальном повествовании есть страницы, составляющие гордость угрюмых сынов гор... К таким светлым страницам, без сомнения, относится постепенное усвоение народом христианской культуры, так сказать – христианизация народа, проходящая через всю его историческую жизнь, претерпевая в своем развитии то благоприятные, то неблагоприятные условия» [1, 58].

Поэтому дальнейшее историческое развитие осетин должно было стать продолжением гуманизации уклада жизни, возвращением Осетии к подлинности её исторического бытия, к собственным духовным истокам.

Это, безусловно, имеет отношение и к деятельности церковно-приходских школ, к осуществляемой ими образовательной и воспитательной миссии.

В рамках деятельности и творчества Александра Кодзаева в общественном сознании и социально-политической мысли Осетии произошло важное качественное событие – рационализация, оформление консервативного направления, консерватизма, как особого духовного феномена, опирающегося на идею социальной и культурной преемственности.

Ценность национальной культурной традиции, эволюционный характер общественного развития, идея порядка – государственного, общественного, ментального, нравственное перевоспитание общества – все эти парадигмы консервативного мышления ярко пред-

ставлены в его творчестве и деятельности, получили в его личности какое-то особое национальное воплощение. Творчество и деятельность А. Н. Кодзаева достойны всестороннего изучения.

---

1. Кодзаев А. Н. Древние осетины и Осетия. Владикавказ: Типография Р. Сегаль и с-вя, 1903.

2. Тотоев М. С. Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в начале XX века (1903-1917 гг.). Орджоникидзе, 1968.

3. Чеджемов С. Р. Интеллигенция и просвещение в Северной Осетии в конце XIX – начале XX веков: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 1992.

4. Антология педагогической мысли Северной Осетии / Сост. Э. К. Каргиев, С. Р. Чеджемов. Владикавказ, 1993.

5. Чеджемов С. Р. Правовая культура и образовательная политика в Осетии в период трех революций (на материалах осетинского народа). Владикавказ 2011.

6. Блейх Н. О. Социокультурные аспекты развития просветительства на Северном Кавказе (вторая половина XVIII – начало XX вв.): Автореф. дисс.... докт. ист. наук. Владикавказ, 2008.

7. Авдолян В. В. О педагогико-просветительской деятельности А. Н. Кодзаева // Кавказ в годы Первой мировой войны: героика и повседневность. Владикавказ, 2014.

8. Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1890 год. Тифлис, 1891.

9. Центральный государственный архив РСО-Алания (далее ЦГА РСО-А) Ф. 147. Оп. 1. Д. 54.

10. ЦГА РСО-А. Ф. 150. Оп. 1. Д. 282.

11. ЦГА РСО-А. Ф. 286. Оп. 1. Д. 21.

12. Адрес-календарь. Министерство народного просвещения // Терский календарь на 1909 год. Вып. 18. Владикавказ, 1909.

13. ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1073.

14. См.: Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Кавказский этнографический сборник. Т. III. М.-Л., 1962.

15. Научный архив СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 10.
16. Прокопенко Р.Г. Церковно-приходские школы в системе начального народного образования в России в XIX – начале XX века: Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Пятигорск, 2011.
17. Крутицкая Е.В. Церковно-приходские школы России в конце XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.
18. Цаголов Г.К. К вопросу о народном образовании // Казбек. 1903. № 1632.
19. Уруймагов Х. Несколько слов по поводу статьи «К учащимся церковноприходских школ Северной Осетии» // Казбек. 1905. №№ 2364, 2367-2368.
20. Степной Х. Школьное дело в Осетии // Кавказский листок. 1906. № 6.
21. [б.н.]. Церковные школы Северной Осетии // Терек. 1907. № 166.
22. Уруймагов Х. Желательные улучшения церковной школы в Северной Осетии // Терек. 19-9. №№ 3424-3425, 3427.
23. Гарданти М. К школьному вопросу Северной Осетии // Терек. 1090. №№ 3437-3438, 3440.
24. Кодзаев А. Еще об осетинских школах (ответ г. Цаголову) // Казбек. 1903. №№ 1652, 1653, 1654.
25. Кодзаев А. К учащимся церковноприходских школ Северной Осетии // Казбек. 1905. №№ 2347, 2350.
26. Кодзаев А. Письмо в редакции // Казбек. 1905. № 2353.
27. Хроника // Этнографическое обозрение. М., 1906. № 1.
28. Мамиев М.Э. Аланское православие: история и традиция. М.: СЕМ, 2014.
29. Тотоев М.С. очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в пореформенный период. Орджоникидзе, 1957.
30. См.: Кулаковский Ю.А. Христианство у алан // Византийский временник. Т. V/ СПб., 1898.
31. См.: Кулаковский Ю.А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии // Византийская библиотека. Исследования (Составл., вступ. статья, комментарии С.М. Перевалова). СПб., 2000.

**А. А. Туаллагов,
дин, зав. отделом археологии
СОИГСИ им. В. И. Абиева
(г. Владикавказ)**

ДАННЫЕ СФРАГИСТИКИ ПО ИСТОРИИ АЛАН

Особую категорию источников по истории алан составляют моливдовулы. Они позволяют судить о службе представителей высшего сословия Алании в Византийской империи. Некоторые находки позволяют проследить карьеру отдельных представителей алан на службе империи, судить об их карьерном уровне. Моливдовулы свидетельствуют о христианском вероисповедании аланской аристократии. Их хозяева особо подчёркивали своё этническое происхождение именно как алан и не использовали иные известные из источников этнические определения.

Ключевые слова: моливдовулы, сфрагистика, аланы, археологические и письменные источники, христианство.

The lead seals are a special category of sources on the history of the Alans. They make it possible to judge the service of the representatives of the highest class of Alanya in the Byzantine Empire. Some finds allow us to trace the career of individual representatives of the Alans in the service of the Empire, to judge their career level. The lead seals testify to the Christian religion of the Alanian aristocracy. Their owners emphasized their ethnic origin exactly as the Alans and did not use other well-known ethnic definitions known from sources.

Keywords: lead seals, sphragistics, Alans, archaeological and writing sources, christianity.

В распоряжении исследователей, изучающих историю алан, находятся различные по характеру и информативности источники. К сожалению, некоторые из них редко привлекают внимание таких специалистов. Например, к сегодняшнему моменту известны двусторонние печати, как минимум, девяти представителей высшей аланской аристократии, непосредственно находившихся во второй половине XI в. на службе в Византийской империи. Речь идет о двусторонних печатях – моливдовулах, которые изготавливались из свинца, реже – иных металлов.

На всех печатях имена аланских аристократов сопровождаются определением 'Αλανός – «Алан». Как справедливо отмечают исследователи, само определение говорит о том, что речь идет не о потомке аланов в Византии, когда бы ожидалось определение

Ἀλανόπουλος, а об алане, перешедшем на службу в Византии [1, 525]. Практика использования патронимов, или прозвищ, в Византийской империи хорошо известна. Она была сопряжена с социальной сферой. Примерно с середины XI в. считалось, что лишь у «варваров» и представителей общественных низов в империи патронимы не практиковались повсеместно. Наличие патронима указывало на знатность и родовитость его обладателя, а его отсутствие, соответственно, наоборот. Поэтому само определение «Алан» на перечисленных печатях свидетельствует о следовании их обладателей в условиях непосредственной службы в империи византийской традиции для определения знатности своего происхождения в глазах окружающих.

Что касается самого определения «Алан», то его рассматривали как «родовое имя», предположительно «фамильное» [2, 55; 3, 51; 4, 262]. Однако такому положению прямо противоречит недавняя находка в Анакопийской крепости (Абхазия) моливдовула Константина Алана, сына аланского правителя [5, 169]. В то же время в надписи из Сентинского храма и в надписях на трех известных моливдовулах аланских правителей – Давида, Иоанна Хотеситана, Росмика и Гавриила, последний из которых мог и быть отцом Константина Алана (Дорголеел грузинских источников), данное определение отсутствует. Единственно известный из источников («Жамтаагмцерели» – Столетняя летопись» XIV в.) род аланских правителей обозначен как Ахасарпакианни (Ахасарфакиан), что соответствует роду Æхсæртæггатаë [6, 185] осетинского эпоса, как правившему среди эпических предков осетин – нартов.

Таким образом, определение «Алан» не может рассматриваться как родовое/фамильное имя или, как полагают, отражать в патрониме происхождение фамилии [7, 112], в том числе за счет его связи с топонимом Алания [8, 168], т. е. с возведением происхождения патронима к географическому названию, о чем, действительно, свидетельствуют надписи на различных печатях того времени. Следует согласиться с высказанным замечанием, что определение «Алан» не обязательно является родовым именем, а указывает не просто на происхождение [9, р. 46, № 21-22], а на этническое происхождение [10, р. 65, 76, п. 112], т. е. является этническим определением (этникос).

Указание на наличие, как минимум, печатей девяти представите-

лей высшей аланской аристократии ограничено вероятностью принадлежности нескольких печатей одному лицу. В такой ситуации появляется возможность проследить саму карьеру отдельно взятого аланского аристократа на византийской службе [1, 528-529; 11, р. 102, № 84]. Например, такая возможность существует по отношению к некоему Григорию Алану.

На аверсе одного из моливдовулов, диаметром 25 мм, нанесено погрудное изображение святого Феодора, держащим его в правой руке копье на плече, а в левой – щит, с вертикальной надписью по сторонам: «Ο ἅγιος Θεόδωρος» – «Святой Феодор». На реверсе шестистрочная надпись: «†[Κ(υρ)ιε βο(η)θ(ει) τ]ω σω δου(λw) Γριγοριw π(ατ)ρι(κιw) (και) στρατηγw τw Αλανω†» («†Κύριε βοήθει τῷ σῷ δούλῳ Γρηγορίῳ πατρικίῳ καὶ στρατηγῷ τῷ Ἀλανῷ†») – «†Господи, помоги своему рабу Григорию Алану, патрикию и стратигу†». Моливдовул датируется серединой XI в. [2, s. 55-56], 1050-1060-ми гг. или второй половиной XI в. [9, р. 46, № 21-22; 12, р. 501, № 1524-1525; 1, 528].

Сразу отметим, что христианское имя Григорий впервые встречается в аланском ономастиконе. Его приложение к якобы аланскому правителю VIIв. (упоминается в событиях 662-664 гг. – А. Т.), принявшему христианство [13, 29-30; 14, 19], некорректно. Оно базируется на давнем переводе на русский язык [15, 123-124] латинского «Commemoratio» Феодора Спудея, где аланы [16, col. 684A] стоят вместо лазов греческого оригинала [17, 154, 155]. В пользу греческой версии, по справедливому замечанию специалистов, говорит и то, что резиденция Григория, правителя лазов, находится именно в Лазике, и то, что он носит византийский титул патрикия [3, 17]. Также заметим, что моливдовул Григория Алана указывает на необязательное прямое соотношение крестильного имени человека с изображением христианского персонажа, что, действительно, примерно с Xв. было предпочтительным [18, 5-10], и, как полагается, например, для моливдовула Росмика.

Титул «патрикий» был одним из высших в таблице о рангах Византийской империи, жаловался полководцам и высшим чиновникам. Он занимал пятое место в числе высших титулов первого ранга в IX-X вв. Постепенно в XI в. его значение снижается. К XII в. упоминание титула прекращается [19, 424, прим. 339]. Титул «стратиг» изначально присваивался назначавшимся императорами военачальни-

кам-наместникам административных округов или провинций – фем, которые обладали всей полнотой гражданской и военной власти. Стратиг обычно был протоспафарием. К середине IX в. их статус снижается, и они обычно становятся правителями небольших областей, входивших в составы фем, или комендантами городов и крепостей. С XI в. постепенно гражданская власть переходит от них к судьями, а военная власть – к катепанам и дукам [20, 34; 19, 344-345, прим. 54].

Следующая печать, долго не публиковавшаяся, обнаружена на территории современной Болгарии, при раскопках крепости, датируется второй половиной XI в. [2, 55-56], 1060-ми гг. [1, 528], последней третью XI в. [11, 102, № 84]. На аверсе вновь представлено погрудное изображение святого Феодора, держащего в правой руке копье на плече, а в левой – щит, с вертикальной надписью по сторонам: «Ο ἅγιος Θεόδωρος» – «Святой Феодор». На реверсе семистрочная надпись: «†Κ(υρ)ιε βο(η)θ(ει) τω σω δου(λω) [Γρη]γοριω ανθυπατ(ω) (και) κατ(ε)παν(ω) το Αλαν(ω)†» («†Κύριε βοήθει τῷ σῷ δούλῳ Γρηγορίῳ ἀνθυλάτῳ καὶ κατεπάνω τῷ Ἀλανῷ†») – «Господи, помоги своему рабу Григорию Алану, анфипату и катепану†» [9, 47, № 21-22; 1, 528-529].

Изначально «анфипат» был должностью (проконсул), затем перешел в разряд очень высоких титулов. В IX в. образовал в соединении с патрикием двенадцатый и тринадцатый ранги над протоспафарием в тех должностях, что ранее предназначались для протоспафария. Титул «анфипат» жаловался в знак отличия, за особые заслуги перед императором. Он превосходил титул «патрикий». Анфипат не мог быть не патрикием и наоборот. В XI в. занимал десятое место в числе высших титулов первого ранга в византийском табеле о рангах. Анфипаты-патрикии находились во главе первого класса византийского табеля о рангах [20, 42].

Титул «катепан» с IX в. жаловался командирам небольших отрядов иноплеменников или подчинявшимся стратигам-наместникам небольших административных единиц внутри фем. С X в. катепаны сами становятся наместниками крупных пограничных фем. В этот период титул «катепан», видимо, несколько уступал титулу «дука», но с XI в. они становятся равнозначными. В пределах военно-административного округа – катепаната – катепан обладал всей полнотой военной и гражданской власти, будучи ответственным только

перед самим императором. О высоком положении катепанов свидетельствуют письменные источники того времени [21, 243]. Упоминание данного титула исчезает с конца XI в. [19, 379-380, прим. 225].

Наконец, на последней печати на аверсе нанесено изображение святого воина в рост, держащего в правой руке копье, а в левой – поставленный на землю щит. Некоторые исследователи предположительно видят в изображенном святого Димитрия как воина [9, 47, № 21-22]. Но такое определение противоречит выше приведенным данным об изображениях на печатях Григория Алана св. Феодора. На реверсе шестистрочная надпись: «†[Κυρίε βοήθει τῷ σω δούλῳ Γ] ρηγορίῳ π(ρ)ωτῳπ(ροε)δρῳ (καὶ) δοῦκ(ι) τῷ Ἀλαν(ῳ)†» («†Κύριε βοήθει τῷ σῶ δούλῳ Γρηγορίῳ πρωτοπρόεδρ καὶ δοῦκὶ τῷ Ἀλανῶ») – «†Господи, помоги своему рабу Григорию Алану, протопроедру и дукет». Печать датируется последней третью XI в. [2, 56], 1070-1080-ми гг. [9, 47, № 21-22; 1, 529].

Титул «протопроедр» появляется в конце 1050-х или в самом начале 1060-х гг. и присваивается узкому кругу близких родственников императора и самых высших чиновников Византийской империи. Полагали, что Никифор Вотаниат был едва ли не первым протопроедром [20, 100, 150]. Возникновение титула помещают также между 1060 и 1070 гг. [1, 525]. Очень высокий статус титула сохраняется минимум до начала 1080-х гг. В результате предпринятых вскоре Алексеем I Комниным (1081-1118 гг.) изменений в византийском табеле о рангах к жалованию данным титулом были допущены представители более низких слоев элиты. Такой допуск привел к постепенному снижению статуса титула на рубеже XI и XII вв.

Титул «дука» присваивался военным управляющим в провинциях и главам пограничных войск. С конца X в. дуки становятся наместниками провинций, нередко объединяющих несколько фем во главе со стратигами. Как в случае с катепанами, такие провинции обычно были пограничными. Дуки, как и катепаны, постепенно перехватывают гражданскую власть у судей и военную – у стратигов, окончательно становясь в XII в. полновластными наместниками провинций [19, 418-419, прим. 324].

Отмечаются также две находки булл Григория Алана как частного лица второй половины XI в. На аверсе представлено некое изображение, как иногда полагают, святого воина, а вновь погруд-

ное изображение святого Феодора, что подтверждается следами от вертикальной надписи. На реверсе пятистрочная надпись: «†K(υρι)ε β(οη)θ(ει) τ(ω) σ(ω) δουλ(ω) Γρηγορι(ω) τ(ω) Αλαν(ω)†» («†Κύριε βοήθει τῷ σῶ δούλῳ Γρηγορίῳ τῷ Ἀλανῶ†» – «†Господи, помоги своему рабу Григорию Алану†» [9, 47, № 21-22; 1, 529].

Как справедливо отмечали исследователи, о Григории Алане ничего не известно из письменных источников, но отмеченные находки вполне могли принадлежать одному человеку. В целом, исследователи восстанавливают карьерное продвижение Григория Алана [11, 102, № 84] в следующем порядке: 1. патрикий и стратег 1050-1060-е гг.; 2. анфипат и катепан 1060-е гг.; 3. протопроедр и дука 1070-1080-е гг. [9, 47, № 21-22; 1, 529]. В связи с приведенными находками моливдовулов Григория Алана некоторыми исследователями ставилась и следующая находка [1, 46-47, № 21-22].

В Болгарии отмечается еще одна личная печать XI в., первоначально датированная X в., некоего Григория, найденная в 2005 г. На аверсе, между краем печати и окружностью из точек, представлена круговая надпись: «†K(υρι)ε βοηθει τω σω δουλω» – «Господи, помоги своему рабу». В центральном круге представлены буквы Α и Ν, над ними – буква Λ. На реверсе четырехстрочная надпись, завершающаяся равноконечным крестом. В двух первых строках представлено имя: «Γρηγοριου...» – «Григорию...». На третьей строке представлена буква Σ, после которой поставлена точка, а затем следуют буквы ΟΥΣΔ. На четвертой строке нанесена буква Α, через двоеточие буква Δ. Одни исследователи не берутся точно установить содержание двух последних строк, предполагая возможность наличия в них церковной должности или титула Григория.

Другие исследователи предположили, что надпись могла читаться так: «†K(υρι)ε βοηθει τω σω δουλω Γρηγορηος υιος Δα(υι)δ†» («†Κύριε βοήθει τῷ σῶ δούλῳ Γρηγόρηος υἱός Δα(υι)δ†» – «†Господи, помоги своему рабу Григорию, сыну Давида†», в которой представлено некоторое отклонение – написание имени в именительном падеже. Три буквы в центре круга на аверсе, как полагают, могли бы указывать на этническое происхождение ее владельца – Ἀλανός [22, 44-45, таб. IV, 1; 12, 602, 1202, № 1811].

Если приведенное решение верно, то, кроме всего прочего, мы можем констатировать, что Григорий Алан был из семьи, которая,

судя по имени его отца, уже традиционно исповедовало христианство. Имя же его отца, как и имя правителя (эксусиократор) Алании Давида, зафиксированное в строительной надписи от 2 апреля 965 г. из Сентинского храма, дополнительно к данной надписи опровергает решение, что Давид Сослан, ставший в 1188 г. или 1189 г. супругом картлийской царицы Тамары, якобы получил свое библейское имя Давид от грузин, был наречен именем Давид в грузинской среде как наиболее престижным в то время именем у местных династов [23, 298; 24, 337]. К тому времени имя Давид уже около двух столетий было традиционным у аланских правителей, возможно, и у других представителей высшей аланской аристократии.

В целом, мы можем подвести и некоторые другие итоги. Несомненно, высшая аланская аристократия во второй половине XI в. непосредственно служила в Византийской империи. Данная служба касалась не только неких разовых акций. Аланские аристократы проходили продолжительную службу, заметно поднимаясь по карьерной лестнице империи. Аланы, несомненно, исповедовали христианство, что указывает на соответствующие процессы христианизации самого Аланского государства, в первую очередь, его высшего сословия. Заметим, что официальный раскол между константинопольской и римской церквями произошел в 1054 г., что должно было усиливать значимость религиозной близости Алании и Византии в тот период. Интерес, видимо, привлечет и возможность сопоставить образы христианских святых на моливдовулах с образами традиционного осетинского пантеона.

Аланские аристократы на службе в Византии особо подчеркивали свое этническое происхождение именно как алан, не используя, как и представители правящего рода, иные известные из источников этнические определения (асы, дигоры, ас-дигоры). Данное наблюдение важно и в том плане, что, по сообщению Ибн-Руста, аланы состояли из четырех племен, а благородство и царская власть принадлежала племени D.hsās, которое справедливо сопоставляется с аланским народом аш-дигор «Ашхарацуйц» [25, 32].

1. Йорданов И. Относно притежателя на сребърния сервиз от Величково, Пазарджишко // Известия на Националния археологически институт. In honorem professoris Георги Кузманов. София, 2013. Т. ХLI.

2. Seibt W. Metropoliten und Herrscher der Alanen auf byzantinischen Siegeln sigilldes 10.-12 Jahrhunderts // Сфрагистика и история культуры. Сборник научных трудов, посвященный юбилею В. С. Шандровской. СПб., 2004.

3. Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. Нижний Архыз и Сенты: древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства и Северо-Западного Кавказа. М.: «Индрик», 2011. 392 с.

4. Йорданов И. I. Jordanov. Corpus of Byzantine seals from Bulgaria, volume 1-3, Sofia, 2003, 2006, 2009. Addenda et corrigenda (2) // България в европейската култура, наука, образование, религия. Част 1. Материали от Четвъртата национална конференция по история, археология и културен туризъм «Пътуване към България» – Шумен, 14-16.05.2014 година. Шумен, 2015.

5. Чхаидзе В. Н. Восстановление византийской власти на Боспоре (последняя четверть XI в.) // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ΙΜΠΕΡΙΑ ΙΙ ΠΟΛΙΣ. X-й Международный Византийский Семинар (Севастополь – Балаклава 28 мая – 1 июня 2018 г.). Материалы научной конференции. Севастополь; Симферополь, 2018.

6. Гаглойти Ю. С. Алано-Георгика. Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах. Владикавказ: Ир, 2007. 238 с.

7. Малахов С. Н. Печать протопроедра и эксусиократора всей Алании Константина: проблемы атрибуции и датировки // Аланское православие: история и культура: сборник материалов VI Свято-Георгиевских чтений «Православие. Этнос. Культура». Владикавказ, 2017.

8. Алексеенко Н. А. Византийский Херсон VI-XIII столетий в памятниках сфрагистики. 1. Чиновники Херсона VIII-XI вв. Севастополь: ООО «Колорит», 2017. 474 с.

9. Jordanov I. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences. Archaeological Institute with Museum, 2006. Vol. 2. Byzantine Seals with Family Names. 546 p.

10. Ballian A., Drandaki A. A Middle Byzantine silver treasure // ΜΟΥΣΕΙΟ ΜΠΕΝΑΚΗ. Αθήνα, 2003. Τ. 3. Ρ. 47-80.
11. Campagnolo-Pothitou M., Cheynet J.-Cl. Sceaux de la collection George Zacos au Musée d'art et d'histoire de Genève // Collections byzantines du ΜΑΗ, Genève. Genève: Musée d'art et d'histoire; Milan : 5 continents. 521 p.
12. Jordanov I. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences. Archaeological Institute with Museum, 2009. Vol. 3. P. 2. Text and Illustrations. P. 599-1274.
13. Кузнецов В. А. Христианство на Северном Кавказе до XV века. Владикавказ: Ир, 2002. 159 с.
14. Бзаров Р. С. Что такое Багъайтæ? (К истории заселения территории Донифарской общины) // Вестник СОГУ. Владикавказ, 2018. № 1.
15. Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в VI-X веках по Р. Хр. // Памятники христианского Херсонеса. М.: Типография О-ва распространения полезных книг. Преемник В. И. Воронов, 1908. Вып. III. 142 с.
16. Scholion sive Hypomnesticum // Patrologiæ cursus completes. Series Latina Prior. Accurante J.-P. Migne. Parisiis, 1870. T. CXXIX. Col. 683-690.
17. Maximus the Confessor and his Companions. Documents from Exile. Edited and translated by Pauline Allen and Bronwen Neil. Oxford, New York: Oxford University Press, 2002. XV+210 p.
18. Cotsonis J. Onomastics, Gender, Office and Images on Byzantine Lead Seals: A Means of Investigating Personal Piety // Byzantine and Modern Greek Studies. Cambridge, 2008. Vol. 32. Iss. 1.
19. Кекавмен. Советы и рассказы: Поучения византийского полководца XIV. / Подготовка текста, введение, перевод с греческого и комментарий Г. Г. Литаврина. СПб.: Алетейа, 2003. 711 с.
20. Лихачев Н. П. Моливдовулы греческого Востока. К XVIII Международному конгрессу византинистов (Москва, 8-15 августа 1991 г.) / Составитель и автор комментариев кандидат исторических наук В. С. Шандровская // Научное наследство. М.: Наука, 1991. Т. 19. 356 с.
21. Guillermi Apuliensis. Gesta Roberti Wiscandi. Edidit Rogerus Wilmans Ph. D. // Monumenta Germaniae Historica. Inde ab anno

Christi quingentesimo usque ad annum millesimum et quingetesimum. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Aulici Hahniani, MDCCCLI. T. IX.

22. Балабанов Т. Нови моливдовули на византийски сановници, открити във Велики Преслав // Нумизматика, сфрагистика и епиграфика 3. Част 2. *Studia in honorem professoris Iordanka Iurukova*. София, 2007.

23. Цулая Г. В. Силуэты Грузии – 1. М.: ИАЭ РАН, 2007. 312 с.

24. Цулая Г. В. Силуэты Грузии – 2. М.: ИАЭ РАН, 2008. 380 с.

25. Туаллагов А. А. Сведения «Ашхарацуйц» об аланах // Известия СОИГСИ. Владикавказ, 2010. Вып. 4 (43).

К. Ю. Рахно,
дин, Национальный музей
украинского гончарства в Опошном
(Украина)

ОРУЖИЕ ИЗ МЕТЕОРИТНОГО ЖЕЛЕЗА В ЦАРЦИАТСКОМ ЭПОСЕ ОСЕТИН

Статья посвящена осетинским царциатским сказаниям о холодном оружии, выкованном из метеоритного железа. В них рассказывается о создании первым человеком Царддзоем меча из небесного камня по совету его жены Бонварнон (Венеры) и о судьбе этого меча. Некоторые мотивы этих сказаний сближаются с осетинским нартовским эпосом.

Ключевые слова: царциатские сказания, эпос, меч, метеоритное железо, Осетия, Приаралье.

The article deals with the Ossetian Cærciatæ sagas about cold weapons, forged from meteoric iron. They tell about the creation of the sword from a heavenly stone by the first man Cærdzjoj on the advice of his wife Bonværnnon (Venus) and about the fate of this sword. Some of the motives of these sagas converge with the Ossetian Nart epos.

Keywords: Cærciatæ sagas, epos, sword, meteoric iron, Ossetia, Aral Sea Region.

В отличие от нартовского эпоса, сказания о царциатах, которые занимают не менее важное место в культурном наследии осетин, до сих пор являются малоизученными. Одной из причин этого являются попытки, исходя из позиций исторической школы, толковать все фольклорные упоминания о царциатах как народную память о действительно существовавшем этносе. Лишь немногие учёные приходили к выводу, что царциата – мифическая народность, такая же, как нарты, которым они предшествовали [1, 45; 2, 120]. Намного чаще этот народ, фигурирующий в верованиях, эпических сказаниях и поговорках, предлагалось рассматривать как античных керкетов или черкесов [3, 135; 4, 6; 5, 121], сарматов [4, 6], алан [6, 277-278; 7, 146-149; 8, 60] и даже осетин [9, 293-294; 10, 139], некое особое осетинское племя или общественную прослойку, занимавшиеся торговлей [11, 86-88].

Все эти объяснения, построенные на созвучии, этимологических версиях или же анализе материалов, приписываемых царциатам археологических памятников, явно неубедительны, поскольку речь идёт о чисто мифологической расе, которая соотносится с археоло-

гическими артефактами лишь в народных представлениях. Её аналогом является, например, древняя раса чудь из преданий северных русских, коми и вепсов, которая предшествовала современным людям и трагически погибла. Ей приписывали древние металлические украшения, попадавшие в землю, а также городища и курганы. Как и для царциатов, коми крестьяне носили в поминальные дни на древние чудские могильники яства в берестяных коробочках, а в Семик дети оставляли на чудских курганах блины [12, 29, 129-131, 180, 195-196; 13, 209-212]. Подобные воззрения на смену мифологических рас существовали и у других народов Северной Европы. Поэтому закономерно, что сейчас наметился интерес не к прямолинейному поиску исторических прототипов царциатов, а к мифологическим мотивам в царциатском эпосе [14, 557; 15, 49-50, 154, 210; 16, 43-49, 58-59, 75-76, 78, 139]. Думается, что масштабное сопоставление царциатского эпоса с нарттовским и даредзановским, а также с фольклором других ираноязычных народов ещё впереди.

Одним из наиболее любопытных мотивов в сказаниях о царциатах является упоминание там оружия из метеоритного железа. Такое холодное оружие небесного происхождения фигурирует также в осетинском нарттовском эпосе и фамильных сказаниях. Во всех них повторяется сюжет с нахождением некоего камня, куска небесного металла, и изготовления из него чудесного клинка, который разрушает даже камни [17, 105-111]. В царциатском эпосе это деяние совершает первочеловек Царддзой (Царцо).

Согласно сказанию, «как-то отправился Царддзой на охоту, и с ним случилось чудо у подножья одной горы. [Когда] проходил у подножья горы, небо сильно загрохотало, и всё вокруг содрогнулось. Царддзой прижался к скале, вдруг перед ним упал горячий камень, как жар, красный, и осока вспыхнула, пламя рвануло вверх и в стороны. Звери бежали от огня, и Царддзой смеялся им вслед. Никогда еще не видел он такого чуда. Многие из зверей [мгновенно] прожарились в огне. Царддзой стал их [мясо] есть, и [оно] показалось ему вкусным. Тогда подошел к камню, тот [уже] остыл, и Царддзой поднял его. Промыл его у берега, и камень засверкал» (здесь и далее перевод с осетинского кандидата филологических наук Изеты Мамиевой) [18, 17-18].

Дальше рассказывается, что «Царддзой найденным камнем уби-

вал зверей и оставлял их на берегу бьющего ключом озера» [18, 20] для приглянувшейся ему девицы Бонварнон (Утренней звезды), первой женщины, рождённой от незаконной связи Месяца и племянницы верховного Бога Хуцау, ведь мать и её родители тайно оставили новорождённую в этом бурлящем озере, где она была зачата. Та с младенчества была приспособлена к выживанию, к тому же росла под скрытой опекой Царддзоя, который через какое-то время сделал её своей женой. «Царддзой найденный им камень подаёт Бонварнон и говорит:

– Это тебе мой подарок.

Бонварнон улыбнулась и говорит:

– Это небесный камень» [18, 21].

В варианте сказания о Царцо он «...идёт мимо подножья горы, и сверкнула молния, [небо] потемнело, загрохотало, всё вокруг содрогнулось. Царцо прижался к скале, и перед ним упал небесный круглый камень. Он был такой горячий, что нельзя было дотронуться до него. Осока и болотная трава вспыхнули от его жара, и землю объяло пламя. Звери и птицы бежали прочь, боялись огня, но огонь, где кого настигал, там их и зажаривал. Царцо дивился этому, он еще не знал свойство огня. Мясо превращенных в шашлык зверей показалось ему вкусным. Подошел к упавшему с неба камню, промыл его водой, и [камень] остыл. Закатил его в одно место, и [камень] искрился, блестел. А во тьме ночи излучал свет. Царцо полюбил камень, не отходил от него, разлучался с ним только на время охоты.

Рядом с тем местом, где был положен камень, находилось бьющее ключом озеро, предназначенное для зэдов и дауагов озеро. Они там купались, а камень его [воды озера] согревал» [18, 22]. Небожители выкрали камень и унесли его на вершину Уарпп-горы.

В сказании о небесном огне похищение описывалось несколько иначе. Там рассказывалось, как верховный Бог Хуцау и небожители спустились с проверкой на землю. Хуцау выкрал у спящих Царддзоя и Бонварнон небесный камень со словами: «Эти узнают вкус огня и напоследок станут летать на небеса. Небесный камень им не нужен» [18, 26]. На вершине Уарпп-горы божества развели священный огонь и пировали. Царддзой поднялся на гору, залил священный огонь небожителей водой, те спешно ретировались, Царддзой отыскал у

костра свой камень и вернулся к Бонварнон. Обиженное небесное воинство замыслило погубить героя, и с этой целью Хуцау сотворил на земле еугуппаров, которые преследовали Царддзоя.

Бонварнон посоветовала:

«Они [еугуппары] тебя [в покое] не оставят, ты лучше возьми и из своего небесного камня смастери железные наконечники для стрел, а из оставшегося – меч, тогда они уже ничего тебе не сделают».

Царддзой выковал железные наконечники и меч, который отточил так, что «разрубал волос на две части». Еугуппары превосходили Царддзоя силой, но уступали умом. Долгое время еугуппары не могли одолеть Царддзоя, но когда на него пошли массой, то Царддзой встал спиной к морю, чтоб еугуппары не зашли к нему сзади. Еугуппары боялись воды, поэтому наступали только спереди. Но спереди Царддзой разил их своим мечом, в то время как еугуппары даже палками не умели пользоваться. Тогда Хуцау им в помощь создал водных донбеттыров, и сотворённые Богом существа стали с двух сторон пронзать его стрелами, пока не превратили тело Царддзоя в решето. Тогда он размахнулся и со всей силой швырнул меч, который достиг шалаша Бонварнон. Бонварнон схватила меч и побежала к Царддзою, но тот уже умер. Бонварнон очертила мечом вокруг Царддзоя линию и взмолилась, чтобы на этом месте возник склеп. Так и случилось.

Бонварнон осталась жить в шалаше одна. Она положила меч Царддзоя в изголовье и стала ждать рождения близнецов [18, 28-29].

Близнецам Бонварнон и Царддзоя – мальчику Аху и девочке Нагуа – был посвящён следующий цикл сказаний. Когда Бонварнон подошло время рожать, старый Донбеттыр прознал про это и заявился к ней в гости. Роды были трудные, Донбеттыр помог ей разродиться, но с условием разделить с ним ложе [Царциаты таурæгътæ 2007, 32]. «Бонварнон говорит:

– Царддзой гниет в склепе, может, ты сходишь к нему и скажешь: «Э, Царддзой, с той, которая тебе была опорой, случится теперь то, чего я желаю», и вернешься.

Старый Донбеттыр обрадовался и побежал к склепу. Бонварнон прикрепила меч над дверным косяком, острием наружу» [18, 33-34]. И потушила свет. В склепе плечевая кость Царддзоя полетела старику в глаз, и он побежал оттуда. В темноте он наткнулся лбом на

лезвие меча, и отсечённая часть черепа полетела в потолок, а тело завалилось внутрь шалаша.

Меч Царддзоя был унаследован сыном. Умерла Бонварнон, предварительно наказав привязать её к стреле и выстрелить из лука в небо, с тех пор она стала Утренней звездой [18, 34-35].

Сказание об играх Аху сообщает, что Аху соревновался с еугуппарами в играх и во всём превосходил их. Те замаскировали выкопанную заранее глубокую яму и заманили в неё Аху. Провалившись в яму, герой решил тоже действовать хитростью, побуждая противников закидать его глыбами камней. «Еугуппары бросают на Аху камни. Аху разрубает камни острием меча и швыряет их вверх. Камни достигают облаков и скрываются [за ними]. [...] Во всем ущелье не осталось камней, побросали их на Аху. Аху разрубал их и затем швырял за облака. Через какое-то время камни градом посыпались [с неба] и разбивались о головы еугуппаров. [...] Аху изловчился, по камням, которые сыпались в яму, выбрался наверх» [18, 43].

Таким образом, именно родоначальница царциатов Бонварнон (Утренняя звезда) объяснила первочеловеку Царддзю, что это небесный камень и посоветовала изготовить из него первый меч. Она же выступила хранительницей меча. Это заставляет вспомнить, что в сказаниях старейшего каракалпакского племени мюйтенов, у которого прослеживаются связи с древними ираноязычными народами юга Средней Азии и сопредельных областей, в том числе сарматами и аланами, фигурирует их мать-прародительница Ак-Шолпан (Белая Венера), чьё имя даже служило боевым кличем [19, 53, 54, 102; 20, 86-90, 168; 21, 145, 151]. Исследователи фольклора Приаралья, анализируя данные отголоски астральных мотивов, связанных с планетой Венерой, в генеалогических представлениях каракалпаков, обратили внимание на то, что Ардвисура Анахита, богиня воды и плодородия в древнем Хорезме, также ассоциировалась с планетой Венерой. Само название планеты Венеры (хорезмийское Нахич, персидское Нахид) восходило к имени этой богини [22, 187; 21, 150-151; 20, 168]. Среди жертвенных даров в храмах Анахиты хранились оружие и доспехи правителей [23, 40]. Согласно древнеиранским мифологическим представлениям, Ардвисура Анахита, повелевающая всемирными водами, могла по своему усмотрению наделять земных правителей харизмой-фарном [24, 178-179, 181,

391-392]. Подобно Анахите, была связана с водоёмом и осетинская Бонварнон, чьё имя буквально означало 'Вестница дневного фарна' [25, 164, 211; 26, 267].

Не менее интересны образы её детей, Аху и Нагуа. В каракалпакском эпосе «Сорок девушек», который многими мотивами, прежде всего, амазонскими, перекликается со сказаниями осетин, среди главных героев присутствуют брат и сестра – близнецы Арыслан и Алтынай [21, 155; 20, 199-200]. Арыслану принадлежит особый булатный меч, являющийся грозой других мечей [27, 182; 28, 84]. А в каракалпакской народной поэме «Шарьяр» новорождённых близнецов, брата и сестру, бросают в воду. Они благополучно пребывают в водной среде, подрастают в ней и выходят в мир людей [29, 111; 30, 135], что напоминает детство Бонварнон. Хранение необычайного меча из небесного железа и его передача по наследству перекликается с осетинскими фамильными преданиями. Как и в этих преданиях, он защищает семью Царддзоя.

Представления о камнях, падающих с неба, из которых можно выковать клинок, были тесно связаны с мифологемой каменного небосвода у иранских и некоторых других народов [31, 117-118]. Из небесного железа, помимо меча, были, по совету Бонварнон, изготовлены также наконечники стрел Царддзоя, а, по мнению средневековых учёных из Хорезма и других ираноязычных земель, находимые в земле старинные наконечники стрел и дротиков.ю были ниспосланы с неба как метеориты [17, 111-112]. Поэтому известия царциатского эпоса выглядят весьма архаичными и могут рассматриваться, среди прочего, как маркеры восточноиранских культурных связей осетин. В них ещё нет фигуры кузнеца, подобного нартовскому Курдалагону, и ковать своё оружие герою приходится самому. Вместе с тем, мотивы оружия из метеоритного железа, похищения и возвращения огня, вражды с небожителями, битвы с великанами, постройки склепа, домогательств могущественного сверхъестественного существа к вдове главного героя, рождения ею близнецов, богатырских игр молодого витязя и некоторые другие роднят сказания о царциатах с нартовским эпосом. Но на вопросы, какова роль поколения царциатов в осетинских космогонических и антропогонических мифах, и как именно оно соотносится с поколением нартов и современным человечеством, ещё только предстоит ответить.

1. Кокиев Георгий. Склеповые сооружения горной Осетии. Историко-этнологический очерк. Владикавказ, 1928.
2. Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии. Владикавказ, 2010.
3. Куфтин Б.А. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949.
4. Чурсин Г.Ф. Осетины. Этнографический очерк // Материалы по изучению Грузии. Труды Закавказской научной ассоциации при ЗакЦИКе. Тифлис, 1925. Серия 1. Вып. 1: «Юго-Осетия».
5. Бязыров А.Х. Осетинские этнонимы и слово «нарт» // От скифов – до осетин. Материалы по осетиноведению. Москва, 1994. Вып.1.
6. Меликсет-Беков Л.М. К археологии и этнологии Туальской Осии: (Из материалов первой поездки в «Юго-Осетию» 17-31 октября 1924 г.) // Материалы по изучению Грузии. Труды Закавказской научной ассоциации при ЗакЦИКе. Тифлис, 1925. Серия 1. Вып. 1: «Юго-Осетия».
7. Техов Б.В. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1971.
8. Дзиццойты Ю.А. Вопросы осетинской филологии. Цхинвал, 2017. Том I.
9. Ванеев З.Н. Избранные работы по истории осетинского народа. Цхинвали, 1989. Том I.
10. Скитский Б. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года. Владикавказ, 2009.
11. Дзаттиаты Р.Г. Царциатские памятники: Едысское городище и могильники. Владикавказ, 2006.
12. Дмитриева С.И. Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М., 1988.
13. Петрухин В.Я. Мифы финно-угров. М., 2005.
14. Кифишин А.Г. Древнее святилище Каменная Могила. Опыт дешифровки протошумерского архива XII-III тысячелетий до н.э. К., 2001.
15. Дарчиева М.В. Мифопоэтический хронотоп в осетинских эпических текстах: Монография. Владикавказ, 2017.
16. Таказов Ф.М. Мифологические архетипы модели мира в осетинской космогонии. Владикавказ, 2014.
17. Рахно К.Ю. Оружие из метеоритного железа в фольклоре осе-

тин // Известия СОИГСИ. Школа молодых учёных. Владикавказ, 2018. Вып. 20.

18. Царциаты таурæгътæ: ирон адæмы эпос / Чиныг сарæзта, разыхас æмæ йын фиппаинагтæ ныффыста Тахъазты Фидар. Дзæуджыхъæу, 2007.

19. Жданко Т.А. Очерки исторической этнографии каракалпаков Родо-племенная структура и расселение в XIX – начале XX века. М.-Л., 1950.

20. Толстова Л.С. Исторические предания Южного Приаралья. К истории ранних этнокультурных связей народов Арало-Каспийского региона. М., 1984.

21. Толстова Л.С. Исторический фольклор каракалпаков как источник для изучения этногенеза и этнокультурных связей этого народа // Этническая история и фольклор. Москва, 1977.

22. Бируни Абурейхан. Избранные произведения. [Памятники минувших поколений] / Перевод и примечания М.А. Салье. Ташкент, 1957. Т. 1.

23. Новиков О.В. Юго-Западный Иран в античное время (от Александра Македонского до Ардашира I). М., 1989.

24. Авеста в русских переводах (1861—1996) / Составление, общая редакция, примечания и справочный раздел И.В. Рака. СПб., 1997.

25. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор: В 2-х т. М.-Л., 1949. Т. 1.

26. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1958. Т. I. А–К'.

27. Сорок девушек: Каракалпакская народная поэма. Записана со слов сказителя Курбанбая Тажибаева. В переложении Арсения Тарковского. М., 1951.

28. Липец Р.С. Образ батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984.

29. Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002.

30. Сказание о Шарьяре. Каракалпакская народная поэма. В переложении С. Северцева. Нукус, 1971.

31. Дзиццойты Ю.А. Нартовский эпос и Амираниани. Цхинвал, 2003.

Р.Г. Дзаттиаты,
дин, внс СОИГСИ им. В.И. Абиева
(г. Владикавказ)

О ЖЕНСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ ДАРГАВСА

В статье рассматриваются особенности женских погребений Даргавса. Проведённая автором систематизация и интерпретация женских захоронений, позволит расширить наши знания о социальных структурах древнего осетинского общества, и определит место и роль женщины в нём.

Ключевые слова: археология, осетиноведение, женские погребения, Даргавс.

The article discusses the features of female burials of Dargavs. The systematization and interpretation of women's burial sites carried out by the author will allow us to expand our knowledge about the social structures of the ancient Ossetic society, and will determine the place and role of women in it.

Keywords: archeology, Ossetic Studies, female burials, Dargavs.

Археология как историческая наука позволяет изучать не только историю артефактов, но и исследовать историю обществ, отношения в них, в том числе и отношения полов: имеется в виду положение о наличии матриархата и патриархата. В археологических памятниках эти уклады прослеживаются. Прослеживаются и пережитки матриархата, и не только в археологии. Так, например, мифы об амазонках тесно увязываются со скифами, мало того, по тем же мифам (см. у Геродота в IV главе «Истории») от союза скифов и амазонок, якобы, происходят савроматы. Складывается цепочка – скифы, савроматы, сарматы, аланы, осетины.

В быту осетин отмечались пережитки матриархата в виде подчеркивания родства по материнской линии. Связи по материнской линии обязывали обе стороны («хæрæфырт» и «мады 'рвадæлтæ») к сотрудничеству, взаимопомощи, к участию в кровной мести, в матримонимальных обрядах и пр. Кажущееся подчиненное положение женщины в патриархальном осетинском обществе – её неравноправие и униженность – при пристальном внимании оказывается совсем не таким, как представлялось заезжим путешественникам и бытописателям осетин.

Например, роль старшей женщины в семье была довольно значительна: она ведала хозяйством и воспитанием младших членов семьи, и её авторитет был непререкаем. Проход пожилой женщины по селу неминуемо поднимал мужчин на ноги: её приветствовали стоя.

В осетинской хореографии популярен танец «Примирение кровников», когда готовых броситься друг на друга с кинжалами заклятых врагов останавливает девушка, бросая снятый с головы платок между соперниками. В сценическом воспроизведении обычая, конечно, это возможно. Но, скорее всего, останавливает кровопролитие не кусок ткани, а обнажение головы женщиной приличного возраста. Лично я в юношеском возрасте в селе Рук наблюдал нечто подобное: двое молодых людей повздорили на свадьбе, и один из них уже взялся за топор, и уже кровавая схватка вот-вот должна была начаться, как появилась пожилая женщина. Размахивая платком, скинутым с головы, остановила того, кто взял уже топор в руку, а другому отвесила пощечину, при этом взывая к их совести и ругая: – «Куыйтæ, цы ми кæнут! Куыд мæ худинаг кæнут!» «Что вы делаете, бесстыдники!» Как смеете позорить меня?!» Инцидент был исчерпан, хотя поссорившиеся еще сверкали глазами и скрипели зубами. Кстати, неприязненные отношения у них остались, но в рукопашную они уже не вступали никогда. Заметим, что она своим решительным присутствием и обнажённой головой с седыми волосами остановила кровопролитие. Это ли не знак уважения к женщине, её высокой роли в обществе?

Высока роль женщин и в нарттовском эпосе осетин. В одном из сказаний есть сюжет о женщинах-воительницах – дочерях Даргавсара; величественный образ Шатаны уже сам по себе – гимн мудрой женщине. Она одна из главных персонажей эпоса. Укладывается в высокое предназначение женщины-матери у осетин и воспринятый из христианства Мады Майрæм, т.е. мать-Мария. Она не только покровительница материнства, но вообще покровительница Осетии. Недаром первые христианские храмы осетин посвящены ей: Мæздæджы Мады Майрæм, Хозиты Майрæм – в Зругском ущелье, церковь во Владикавказе, Майрæм в Чесельтском ущелье и др.

Высокий статус женщины с древнейших времен у осетин и их предков запечатлен в эпосе, мифах, легендах и быту, что подтверждается материалами археологических раскопок.

Даргавсский катакомбный могильник, раскопки которого ведутся археологической экспедицией Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева с 1993 года, дал обильный и разнообразный материал, который еще предстоит детально исследовать, в том числе и отдельные категории предметов. В целом даргавские катакомбы не грабленные, но влажный грунт совершенно разрушил предметы из органики и костяки погребенных. Иногда можно реконструировать положение костяков по фрагментам трубчатых костей, позвонков и, таким образом, установить, как укладывался покойник. Погребенные мужского пола лежали вытянуто, на спине, руки – вдоль тела. Иногда кисть руки (правой или левой) находилась в паху. Женщин же укладывали на правом боку с подогнутыми коленями и согнутыми в локтях руками, при этом кисти рук – у верхней части груди, у горла.

Мужские особи снабжались личными предметами, оружием (сабли, копья, стрелы), сосудами (часто это стеклянные чаши-кубки), поясными пряжками и др., а женские – бусами, перстнями, браслетами, серьгами, многочисленными мелкими бубенчиками и иными предметами украшений.

Исследованные катакомбы (всего 89) датируются VI-IX вв.

Кроме катакомб, на могильнике были обнаружены каменные гробницы и каменные ящики, которые по времени – более позднего хронологического периода.

Каменный ящик №2, вскрытый в 2003 году, содержал погребение женщины с более чем нетипичным для этого времени, т.е. (XVII-XVIII вв.) обрядом погребения. Несмотря на то, что погребение было совершено в каменном ящике, т.е. в могиле, обставленном по бокам и сверху скальными (называют их и шиферными) плитами, погребенный был уложен по обряду, зафиксированному в катакомбах.

Плиты перекрытия сохранились неполностью: оставшиеся две большие плиты частично перекрывали друг друга и выходили за пределы ящика. Каменный ящик состоял из трех стенок: две плиты боковые, а одна – в головах. В северной части камеры, в ногах, стенки не было. Длина погребальной камеры – не менее 217 см (это

расстояние между плитой у изголовья и концом плиты западной стенки). Ширина – 70-80 см.

В камере покоился один костяк, лежавший на правом боку с согнутыми под прямым углом в коленях ногами. Положение рук из-за плохой сохранности и частичного смещения костей не определяется. Вероятнее всего, они были согнуты в локтях. На черепе и под ним – 9 кружочков бронзовых бляшек налобной повязки, в области шеи – полая бронзовая привеска с ушком, ниже – две бронзовые серьги, слева от черепа, перед лицом – стеклянная чаша-кубок, ниже – кабаньих клык и железный ножик. В районе ребер – 3 бусины – одна глазчатая, две трубчатые и 5 стеклянных бисеринок. На лучевых костях рук – два стеклянных браслета. Между концами лучевых костей и бедренной костью – железный колчаный крюк, под тазом – бронзовая пряжка. Ниже ступней – глиняный сосуд. У нижней части западной стенки каменного ящика, за спиной костяка, была обнаружена железная сабля острием к нижнему концу погребальной камеры.

1. Глиняный кувшин красного обжига – ручка утеряна, венчик отбит, на наружной стороне доньшка – клеймо мастера-гончара. Высота сосуда – 182 мм, диаметр венчика – 87 мм, диаметр шейки – 73 мм, диаметр тульва – 145 мм, диаметр доньшка – 101 мм.

2. Стеклянная чаша-кубок зеленоватого цвета с поддоном и двумя рядами овальных выпуклин в нижней части корпуса. Высота – 86 мм, диаметр венчика – 97 мм, диаметр корпуса – 89 мм, диаметр поддона – 34 мм.

3. 2 стеклянных браслета темного цвета. Диаметр – 68 мм, ширина корпуса – 9 мм.

4. Железный колчаный крюк. Высота – 4 мм, ширина рамки для продевания ремешка – 26 мм.

5. Бронзовая литая пряжка с фигурно оформленной двучастной рамкой. Высота – 28 мм, ширина – 17 мм.

6. Железный черешковый ножик, коррозированный. Длина – 100 мм, ширина лезвия – 14 мм.

7. 2 бронзовые полые серьги грушевидной формы с овальным колечком, продеваемым в мочку уха, скрепленные с подвеской стержнем из проволоки. Высота серег – 59 мм, высота колечка – 21 мм.

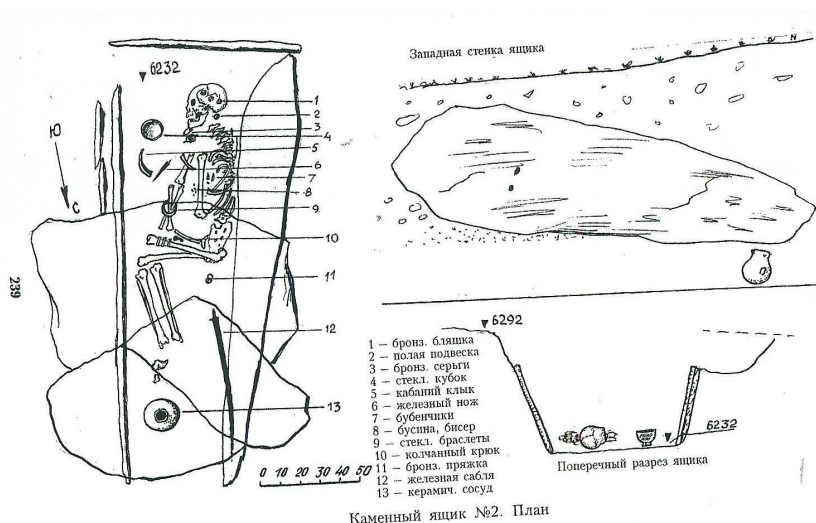
8. Бронзовая полая привеска грушевидной формы с ушком для подвешивания. Высота – 30 мм, диаметр – 12 мм.

9. Бронзовый литой бубенчик. Высота – 22 мм, диаметр – 14 мм.

10. Фрагменты двух бронзовых бубенчиков. Диаметр – 6 мм.

11. Кабаний клык. Фрагментирован. Длина – 137 мм.

12. Железная сабля с перекрестием. Клинок изогнут, ближе к концу – обоюдоострый. На клинке остатки истлевших деревянных ножен. Рукоятка с наклоном к лезвийной части. Между рукоятью и клинком – перекрестия с круглыми концами (один конец утерян). На рукояти – железный гвоздик – заклепка для крепления накладок. Длина – 810 мм., ширина клина – 32 мм., сохранившаяся часть рукоятки – 52 мм.

Судя по положению костяка – это женщина, что подтверждается еще серьгами, бусами, браслетами и кабаньим клыком, применявшимся рукодельницами при заглаживании швов. Об этом говорят также полая привеска и нашивные бляхи налобной повязки. Это обычный комплект для женских погребений. Но бронзовая поясная пряжка, колчаный крюк, стеклянная чаша, которую аланы клали с погребенным мужчиной и, наконец, железная сабля – это предметы снаряжения покойника мужского пола. Здесь женщина была погребена с мужским инвентарем, причем сугубо воинским.

Это женское погребение живо напомнило нам рисунок Махарбека Туганова «Гадзи Бадтиева едет на военный совет», навеянный пре-

данием из Даргавса о славной женщине из рода Бадтиевых, к советам которой прислушивались и старейшины ущелья и, которая, вероятнее всего, принимала участие в сугубо мужских советах, где принимались важные решения, включая вопросы войны и обороны.

Интересно отметить, что пахотный участок, на котором было обнаружено захоронение, по показаниям местных жителей, принадлежал фамилии Бадтиевых.

В начале показалось, что погребенная в каменном ящике женщина с саблей, колчанным крюком, поясной пряжкой и стеклянным кубком и есть та самая Гадзи Бадтиева, но потом появились сомнения. Дело в том, что два источника – предание и погребение – представляются разновременными: погребение кажется более древним, а предание – более поздним.

Предание более поздним представляется потому, что в ней фигурирует фамилия. А фамилии у осетин не могут заходить глубоко: они фиксируются не ранее трёх столетий, т.е. где-то около 12 поколений. Настораживает и то, что такой тонкий знаток культуры и быта осетин, как Махарбек Сафарович Туганов, изобразил мужчину, сопровождающего Гадзи Бадтиеву, с пистолетом «дамбаца» на поясе, и этим как бы датировал свой рисунок, ибо «дамбаца» появляется в экипировке осетина не ранее XVIII века. Вероятно, и предание датируется этим временем, тогда как погребение женщины, судя по инвентарю, вероятно, более раннего времени. Об этом могут свидетельствовать стеклянные браслеты, глазчатая бусина, привеска, кабаньих клык и полые серьги грушевидной формы. Такие серьги встречаются в склепах XVIII-XIX вв., но уже с мелкими «висюльками». Так что – это не одно и то же. Да и само положение покойника в скорченном положении тяготеет к более раннему обряду захоронения, начисто забытому к XVII-XVIII вв. Поэтому нет достаточных оснований идентифицировать персонаж предания с погребенной в каменном ящике женщиной. Одно явно: эта погребенная женщина была воительницей, и истоки такого обряда были непонятны.

Традиция погребения женщин с вооружением неожиданно проявилась во время последнего сезона раскопок даргавских катакомб.

Летом 2014 года, проводя дальнейшие изыскания на даргавском могильнике, были обнаружены катакомбы 87, 88 и 89, которые оказались связаны одной могильной ямой. Обычно катакомба устра-

ивалась следующим образом: роется могильная яма удлиненной формы. В гористой местности такая могильная яма направлена снизу вверх по склону. Верхний край ямы углубляется до слоя глины (или суглинка, как в Даргавсе), и в этом слое роется камера катакомбы через отверстие приблизительно 50х50 см, которое обычно округлой или прямоугольной формы. Роят при этом камеру влево, вправо, вниз и вверх через оставленный проем. Камера должна получиться овальной в плане. При этом дно камеры плавно переходит в стены, а свод камеры намеренно делают полусферическим, предотвращая этим оседание его в камеру.

Погребение совершается в камере – покойник не хоронится засыпанием грунта, а вкладывается в камеру, как позднее в склепе (не отсюда ли идет осетинское «*мард бавæрын*», что буквально означает «вкладывание покойника»?). Входное отверстие прикрывается плитой из сланца, и могильная яма засыпается вынутым грунтом. Наверху, над входом в камеру, устанавливались знаки-ориентиры. В Даргавском могильнике такими ориентирами часто служили крупные речные камни-голыши («*дойнаг дур*»).

На Даргавском могильнике встречаются и катакомбы, вырытые в обеих концах могильной ямы, т.е. это две катакомбы с общей могильной ямой. В редких случаях из одной могильной ямы идут 3 катакомбы, а однажды нами были зафиксированы 4 катакомбы с одной общей могильной ямой. При этом катакомбы расположились крестообразно. Чем это было вызвано, сказать определенно пока нет возможности: то ли это подчеркивание близкого родства погребенных, то ли экономия времени или площади под устройство последнего прибежища члена рода. Во всяком случае, для этого, видимо, были какие-то веские причины.

Так, раскопанные в 2014 году катакомбы №№ 87, 88 и 89 тоже были связаны одной могильной ямой. В катакомбах 88 и 89 – погребенные с минимальным содержанием вещей погребального обряда, а катакомба № 87 оказалась весьма интересной.

Во-первых, там было захоронение двух индивидуумов: взрослого и ребенка. Около ребёнка, в головах, – глиняный сосуд, бронзовое зеркало, фрагменты скорлупы куриного яйца, грецкий орех. Обнаруженный у задней стенки камеры костяк (плохой сохранности, но крупные кости хорошо прослеживаются) лежал на правом боку, руки согнуты в локтях, колени подогнуты под острым углом, череп (раздавлен) – лицом к входному

проёму. Около черепа – серьги с колонками, дужка арбалетной фибулы, бронзовый бубенчик, ниже – бусы, бронзовые перстни, железные ножи, бронзовое кольцо (пряжка?), два боевых топора. Ниже пояса – железная сабля-палаш. В ногах – на берестяной подстилке – древки стрел и железный наконечник стрелы. За тазом – фрагмент (донышко) деревянной шкатулки.

Наиболее характерные предметы, найденные у женского погребения:

1) Бронзовый бубенец с петелькой. Полый корпус спаян из двух полусфер. Диаметр – 31 мм.

2) Бронзовая дужка арбалетной фибулы. Наружная сторона – желобчатая. На приемнике – завиток. Длина – 43 мм, ширина – 4 мм.

3) 11 бронзовых бубенчиков. Высота – от 22 до 30 см, диаметр от 15 до 19 мм.

4) Две бронзовые серьги с овальными колечками и колонками из нанизанных на проволоочный прут шариками. Высота – 43,6 мм.

5) Бронзовая петелька с раздвоенными концами, которыми петелька крепилась к кожаному ремню. Высота – 24 мм, ширина – 25,6 мм.

6) Бронзовый перстень с уплощенным щитком диаметр – 29,2 мм.

7) Бронзовый перстень с выступающим щитком. Диаметр – 22,3 мм.

8) Перстень со стеклянной вставкой в жуковину. Диаметр – 22,6 мм.

9) Железная прямоугольно-рамчатая пряжка. Высота – 42,5 мм, ширина – 26,4 мм.

10) Четыре железных черешковых ножа. Длина от 93 до 152 мм.

11) Железный нож. Длина 202 мм., ширина клинка – 18 мм.

12) Два железных топора с выступающим обухом. Длина – 194 и 223 мм.

13) Железный черешковый трехгранный наконечник стрелы. Длина – 81 мм.

14) Керамическая кружка чёрного обжига с петлевидной ручкой. Высота сосуда – 90,6 мм, диаметр корпуса – 91 мм.

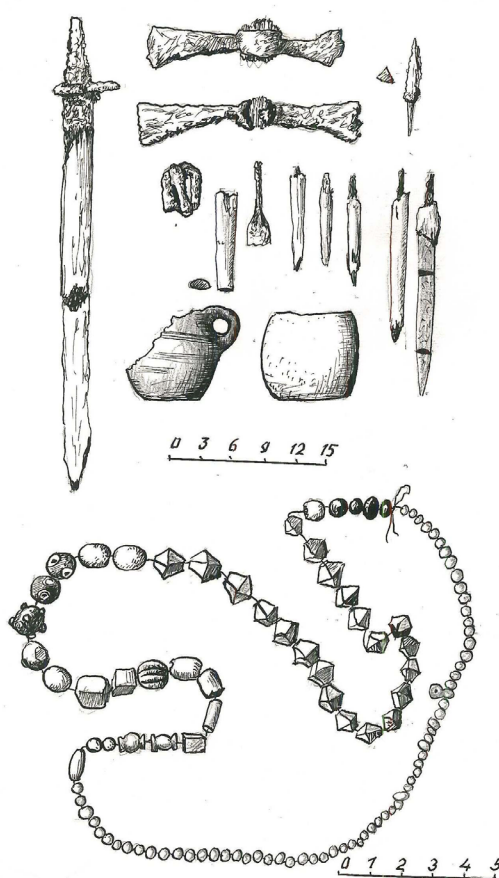
15) Нитка бус из сердолика, стекла, пасты разного цвета и формы – глазчатые, бипирамидальные, бородавчатые, разделительные, трубчатые. Всего более 100 штук.

16) Железная сабля с прямым клинком. Фрагментирована. Длина сохранившейся части 570 мм., Ширина клинка – 35,5 мм.

Катакомба датируется VIII-IX вв.

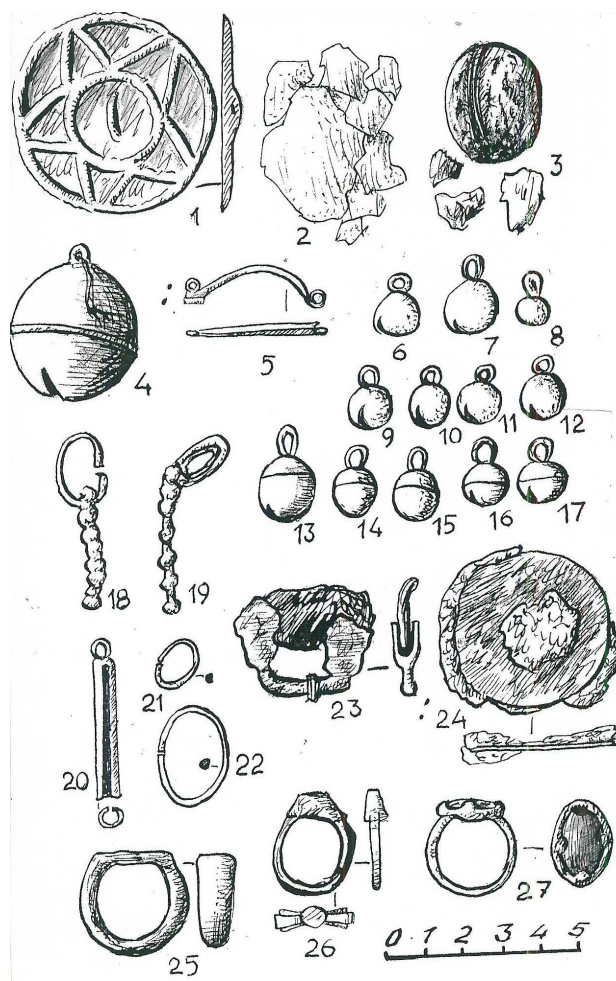
Говоря о погребении взрослого индивидуума, можно утверждать, что это не рядовое захоронение женщины, а женщины-воительницы, погребённой с воинскими атрибутами – саблей, топорами, набором стрел.

Таким образом, на Даргавском могильнике фиксируется традиция погребения женщин-воительниц, принимавших активное участие в жизни общества, что может говорить о высоком статусе женщины в аланском, а позднее и в осетинском обществе.

Следует заметить, что не все мужчины, погребённые в Даргавских катакомбах, удаивались чести быть снаряженным предметами вооружения. Так, в раскопанных 89 катакомбах обнаружено всего 12 сабель.

Раскопки Даргавского могильника, безусловно, будут продолжены и, надо полагать, будет еще немало неожиданных откровений выявлено археологами, тем более, что раскопана самая малость этого обширного (до 40 га) памятника раннесредневековой аланской культуры.

II. ИСТОРИЯ

**М.Ш. Абиева,
аспирант РАНХиГС
(г. Пятигорск)**

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЗАВИСИМЫХ СОСЛОВИЙ В БАЛКАРСКОМ СОЦИУМЕ

В статье анализируются, подготовка, ход и итоги реформы по освобождению крестьян в Балкарии в 60-е годы XIX века. Автор пришёл к выводу, что условия освобождения и практика ликвидации зависимых отношений в балкарских обществах были самыми тяжёлыми на Северном Кавказе и привели к сильному обезземеливанию балкарских крестьян.

Ключевые слова: освобождение зависимых сословий, чагары, безземельные крестьяне, таубии, Н.П. Тульчинский, Кашкатау, Гунделен.

The article analyzes the preparation, progress and results of the reform on the liberation of peasants in Balkaria in the 60s of the XIX century. The author came to the conclusion that the conditions of liberation and the practice of liquidation of dependent relations in the Balkar societies were the most difficult in the North Caucasus and led to a strong deforestation of the Balkar peasants.

Keywords: liberation of dependent classes, cagary, landless peasants, toubia, N.P. Tulchin, Kashkatau, Gundelen.

Проблема освобождения зависимых сословий, несмотря на то, что прошло уже более 150 лет со дня начала освобождения, злободневна, так как социальные отношения в нашем обществе переживают свою трансформацию и сегодня. Большой вклад в изучение трансформации социальных отношений, сословной структуры, общественно-политического строя балкарского общества вложили такие ученые, как Т.Х. Кумыков [1], П.А. Кузьминов [2], А.М. Башиев [3], Е.Г. Муратова [4] и др. Но некоторые моменты пока еще не исследованы.

Отмена крепостных порядков у горцев была возведена специальным предписанием главнокомандующего Кавказской армией

начальнику Терской области 1 октября 1866 года, в котором излагалось основное содержание «Положений», а 18 ноября в торжественной обстановке было объявлено об освобождении горских крестьян.

В каждом участке созданы были мировые посреднические суды, которые на основании «Положения об освобождении крестьян» должны были заключать письменные договора между освобожденными и владельцами с подробным изложением условий освобождения. Об их функциях Начальник Терской области М. Т. Лорис-Меликов писал, что они создаются «для содействия к обоим сторонам к успеху соглашений и преподания им нужных разъяснений при составлении самих условий соглашения» [5, л. 2].

Освобождение крестьян в Балкарии проводилось либо по добровольным соглашениям, в основе которых лежало обычное право, защищавшее интересы феодалов, либо на основании Положения. То, что «Положение об освобождении зависимых сословий» защищало интересы феодалов, откровенно признавала кавказская администрация.

При освобождении зависимых сословий интересы крестьян горских обществ – чагар, были ущемлены. Даже в сравнении с крестьянами Кабарды они оказались в намного менее выгодных условиях и были, в полном смысле этого слова, обобранны владельцами. Так, в обществе Урусбий чагары получили 1/3 земли и половину имущества; в Чегеме – 1/3 земли, половину имущества и уменьшенную выкупную плату; в Хуламе и Безенги – 1/3 земли и имущества без выкупной платы; в Балкарии – половину земли, 1/3 имущества без выкупной платы [6, л. 72 об.].

Об этом же свидетельствуют данные одного из крупнейших кавказоведов, члена Абрамовской комиссии, землемера Н. П. Тульчинского: «215 горских владельцев получили с 3888 д. об. п., 385 лошадей, 3705 голов рогатого скота, 22 409 овец, 135 ослов, 1 мула, 8 каравашей (женщин-холопок), 6 казаков (мужчин-холопов), 12 ½ зимовников, 5 ½ амбара, 3 шашки, 1 медный таз, 2 места для домов и деньгами 231 325 рублей. 1247 кабардинских владельцев получили с 9627 зависимых 78 лошадей, 1532 головы рогатого скота, 607 овец, 92 сапетки пчел, 31 ружье, 15 пистолетов, 26 медных котлов, 1 шашку и деньгами 1 175747 руб.» [7]. Приведённые данные

позволяют нам понять, насколько тяжелы оказались условия освобождения балкарских крестьян по сравнению с кабардинскими, и в чем причина настолько сильного обезземеливания балкарских чаргар, приведшего впоследствии к обострению земельного вопроса и народным волнениям, произошедшим в 90-х гг. XIX века. Выполнив определённые расчёты по определению стоимости полученного владельцами имущества, Н.П. Тульчинский подытожил: «Горские владельцы (числом 215) получили с 3888 душ 1518 344 рубля, что в среднем составляет 390 рублей, а кабардинские (числом 1247) получили с 9627 душ 1 203 989 руб., что в среднем составляет на крепостную душу 125 руб.» [7].

Согласимся с мнением П. А. Кузьмина, что «Эти сведения поражают высокой себестоимостью крестьянского труда в Кабарде и Балкарии и, безусловно, выявляют ещё одну особенность освобождения зависимых у этих народов» [8, 138].

Возмущенный тяжёлым положением освобождённых крестьян Н.П. Тульчинский предложил в печати конфисковать у таубиев перешедшие к ним в результате реформы земли.

Данное предложение Тульчинского вызвало широкий резонанс в печати. Был недоволен этим предложением и видный общественный деятель и юрист Басият Шаханов, который считал, что «отчуждение это явится актом крайней несправедливости, если произойдёт без всякого вознаграждения её теперешних владельцев» [9]. Обращаясь к данным, приведённым Тульчинским, он заметил, что из полутора миллионов рублей, полученных балкарскими феодалами, около миллиона составила стоимость перешедшей к ним земли: «Что же бы вышло, если бы теперь эти земли признать общественными? Не явилось бы это равносильным принудительному освобождению зависимых классов почти без вознаграждения их владельцев? Считает ли эту меру г. Тульчинский отвечающей требованиям справедливости?» [9]. Тульчинский не оставил этот вопрос без ответа, заявив, что, да, действительно, это было бы справедливым решением: «Ведь и в этом случае за каждого освобожденного балкарские феодалы получили бы по 130 руб., в то же время как в Кабарде в среднем 125 руб., а в других районах еще меньше» [10].

Кабардинские и балкарские крестьяне, недовольные условиями отмены крепостного права, отказывались подписывать акты о

своем освобождении. При объявлении проекта об освобождении крепостные крестьяне балкарского аула Кирхожан (Герхожан), принадлежавшего князю Атажукину, отказавшись «входить... в добровольное соглашение с князем Атажукиным через посредство мирных посредников, заявили, что они свободны от князя Атажукина не принимают, ибо они считали себя издревле свободными» [11, 235].

В ноябре 1866 года началось волнение крестьян Балкарского общества недовольных условиями освобождения.

120 дворов чагар Балкарского общества, минуя местную власть, обратились с прошением к главнокомандующему Кавказской армией, в котором просили избавить их от незаконных на их взгляд требований владельцев.

Однако из этого прошения крестьян ничего не вышло. Наоборот, положение их еще более ухудшилось. Начальнику округа полковнику А.А. Нуриду, «за непринятие им надлежащих мер к предупреждению самовольных отлучек подведомственных ему жителей», начальником Терской области был объявлен выговор, и им «было потребовано недопущения впредь подобных случаев». Начальник округа полковник Нурид был вынужден применить административные меры к доверенным от 120 крестьянских дворов Балкарского общества и подвергнуть их аресту [5, лл. 21-21 об.].

Но, несмотря на крутые меры, принятые окружными властями, обстановка в Черекском ущелье обострялась. 24 марта 1867 года, новый доверенный от 120 дворов, Соломон Русишвили, обратился с жалобой к начальнику Терской области М.Т. Лорис-Меликову о стеснительных для крестьян требованиях и действиях владельцев, в которой просил признать ничтожной составленную под давлением сделку с владельцами, «а разбор их прав на имущество и прочее подвергнуть рассмотрению правительственного учреждения, должного быть открытым в будущем» [5, л. 34 об.].

Подпоручик Б.Я. Шарданов, посланный в Балкарское общество для расследования этого дела, изучив обстоятельства дела, доложил начальнику Терской области М.Т. Лорис-Меликову, что «жалоба и все желания балкарских чагар, состояли в том, чтобы им было позволено освободиться без выкупа и без раздела имущества, особенно земли, что и заставило их дать доверенность Сванету Русишвили [5, лл. 56 об, 57].

Итогом противостояния и мощного социального протеста балкарских зависимых крестьян стало то, что они отдали владельцам лишь половину земли, а не 2/3, как предполагалось в начале освобождения, и было сделано в других обществах Балкарии.

Тех же чагар, которые в результате реформы стали безземельными, «было решено наделить наравне с другими безземельными горцами землей в количестве 10 десятин на душу» [6, л. 70 об.]. Это обещание было выполнено в конце 1870-х годов, когда новообразованное с. Кашхатау было заселено преимущественно безземельными чагарами из Балкарского общества.

Что касается каракишей, то кавказская администрация, «признав лишь административную зависимость их от владельцев, освободила их без всяких условий, в чем и выдала тогда же установленные свидетельства» [8, 238].

Такое решение местной администрации не отвечало интересам балкарских феодалов. Но кавказские власти предпочли в данном случае поступиться правами таубиев, нежели обострять и без того напряжённое положение. Теперь поземельная повинность, которую каракиши выполняли в пользу таубиев, стала идти не в карман местных феодалов, а в государственную казну.

Категория зависимых крестьян, известная как ясакчи, освобождалась от крепостной зависимости с уплатой выкупной суммы в размере от 90 до 450 рублей, в зависимости от возраста и физических данных. Однако на практике выкуп зачастую превышал эту сумму.

В 1866 году население Кабардинского округа, куда входила Балкария, было обложено государственной поземельной податью в следующем размере – 5 рублей с каждого двора. Она была самой высокой в Терской области.

Но вследствие затруднительного положения освобождённых крестьян, понесших большие материальные потери, было решено даровать всем освободившемуся от своих владельцев горцам Терской области льготы от уплаты государственных податей сроком на восемь лет, считая со дня начала освобождения, т.е. с 18 ноября 1868 года [11, 241].

Этот либеральный жест, на наш взгляд, был вызван не гуманностью правительства, а крайне «напряжённым настроением» кре-

стьян, которое проявлялось в выступлении чагар Балкарского общества, в недовольстве кабардинских князей и дворян, выступивших с оружием в руках в январе 1867 г. на реке Шалушка против потери домашней прислуги – унаутов. Эти сведения, стекавшиеся в областные учреждения Владикавказа, требовали адекватной реакции, что и вынудило царскую администрацию принять это решение.

23 апреля 1867 году был издан приказ за № 49 по Кавказскому военному округу, в котором объявлялась благодарность начальнику Терской области М.Т. Лорис-Меликову «за успешное выполнение предпринятой реформы» в Кабардинском округе [12, 95].

По данным известной исследовательницы истории балкарского народа Е.Г. Муратовой, в результате реформы от 1 июня 1867 года по Горскому округу куда входили все балкарские общества, «было освобождено 3336 обрядных крестьян, из них за выкуп – 2799, с оставлением в обязательной работе – 452, бесплатно – 85 (56 для спасения души + 29 – за увечьем); был освобожден 871 безобрядный холоп (казаки и карауши. – М. А.), из них за выкуп – 40, с оставлением в обязательной работе – 776, бесплатно – 55 человек (все для спасения души). Таким образом, всего было освобождено 4207 человек». [13, 326].

В результате грабительских условий реформы в пяти горских обществах из освобождённых чагар и казаков и других образовалось 408 безземельных дворов. Для наделения их землей в урочищах Кашкатау и Генделен в 1877 году было выделено 4000 тыс. десятин земли. В Кашкатау – 800 десятин и в Генделене – 3200 десятин земли. Однако, при распределении между ними земли, выяснилось, что на 1 двор приходится надел менее чем в 10 десятин. При этом качество и количество отводимой земли значительно уступало соседним аулам. В силу этого было решено «для улучшения положения означенных семейств размер наделов несколько увеличить посредством уменьшения числа поселяемых семейств в каждой из упомянутых местностей. 90 дворов безземельных горцев, проживающих в Урусбиевском обществе, было решено поселить в ауле Хасаут (Жерештиеве), в котором был назначен слишком значительный надел по 96 десятин на двор» [14, лл. 5-6]. Приобрести земли покупкой смогли лишь отдельные семейства.

Крестьянская реформа в Балкарии явилась чисткой земель для развивающегося капитализма и способствовала втягиванию окраин в систему всероссийского рынка. В результате отмены крепостного права были значительно подорваны основы патриархального хозяйства: натуральное хозяйство, власть феодалов над крестьянами, замкнутость горских обществ. Крестьянин из бесправного раба, представляющего собственность своего господина, превратился в личность, обладающую правами. Но в то же время условия освобождения зависимых сословий в горских обществах Балкарии и сама практика ликвидации зависимых отношений были грабительскими и привели к обезземеливанию большого количества крестьян. А то, что «Положение об освобождении зависимых сословий» защищало интересы феодалов, откровенно признавала сама кавказская администрация.

---

1. Кумыков Т. Х. К вопросу крестьянской реформы в Балкарии // Сборник статей по истории Кабарды и Балкарии. Ставрополь, 1957. Вып. 6. С. 105-113; Он же: Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии (1800-1869). Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1959. 172 с.

2. Кузьминов П. А. Причины и подготовка преобразований у народов Северного Кавказа // Известия СОИГСИ. 2011. Вып. 5 (44). С. 26–36. Он же: Кузьминов П. А. Работа сословно-поземельных комиссий в 40-70-х годах XIX в. в Центральном Предкавказье // Вестник Дагестанского научного центра. 2005. № 22.

3. Башиев А. М. Сословный вопрос в Балкарии во второй половине XIX – начале XX века. // Исторический вестник ИГИ КБР и КБЦ РАН. Вып. 1. Нальчик: Эль-Фа, 2005. С. 171-190; Он же: Сословная структура балкарцев в XVIII – начале XX вв. : дис. канд-та. ист. наук. Нальчик, 2008. 190 с.

4. Муратова Е. Г. Балкарские общества в контексте российской политики на Северном Кавказе (XVII – начало XX века): дис. док-ра ист. наук. Нальчик, 2006. 464 с.; Балкарские общества на пути от традиций к современности (XVII – начало XX в.). Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2012. 157с.

5. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия –Алания (далее ЦГА РСО-А). Ф. 12. Оп. 6. Д. 192.
6. ЦГА РСО-А. Ф. 12, Оп. 6. Д. 1279.
7. Тульчинский Н. П. Кабарда // Казбек. 1899. 18 мая.
8. Кузьминов П. А. Эпоха реформ 50-70-х годов XIX века у народов Северного Кавказа в дореволюционном кавказоведении. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2009. 236 с.
9. Шаханов-Джанхотов Б. Этюды из туземной жизни // Казбек. 1899. 17 октября.
10. Тульчинский Н. П. Мой ответ г. Шаханову-Джанхотову // Казбек 1899. 10 ноября.
11. Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1965. 420 с.
12. Очерки истории балкарского народа: (С древнейших времен до 1917 года.). Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1961. 220 с.
13. Муратова Е. Г. Социально-политическая история Балкарии XVII – начала XX века. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2007. 420 с.
14. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (далее ЦГА КБР) Ф. Р-1209. Оп. 7. Д. 95.

Л.Р. Чеченова,
студентка КБГУ им. Х.М. Бербекова
(г. Нальчик)

ОРГАНИЗАЦИЯ ЖИЛОГО ПРОСТРАНСТВА В ХУЛАМСКОМ ОБЩЕСТВЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

В статье рассматриваются топографические и архитектурные особенности Хуламского общества в XIX – XX вв. К числу слабоизученных археологических памятников Балкарии и Карачая, как и всего Северного Кавказа, относятся различные архитектурные памятники, поселения, жилища. Последние виды памятников представляют большой интерес для воссоздания истории балкарского народа.

Ключевые слова: Балкария, Хуламское общество, Хулам-Безенгийское ущелье, поселения, жилища.

The article discusses the topographical and architectural features of the Hulam society in the XIX – XX centuries. The poorly studied archaeological monuments of Balkaria and Karachai, as well as the entire North Caucasus, include various architectural monuments, settlements, and dwellings. The last types of monuments are of great interest for the reconstruction of the history of the Balkar people.

Keywords: Balkaria, Hulam society, Hulam-Bezengi gorge, settlements, dwellings.

В прошлом балкарские сёла «эль» были расположены в верховьях горных рек. Для поселения обычно выбиралась самая широкая часть ущелья, имеющая достаточно условий для занятия скотоводством и отчасти земледелием: наличие вблизи источников воды, пахотных земель, покосных и пастбищных участков. Как правило, в такой горной долине или же котловине, выбранной для поселения, имелось много боковых речушек, которые создавали удобные проходы на альпийские пастбища. В то же время они использовались как основные источники питьевой воды и для орошения пахотных полей. Именно к этим речушкам привязывались балкарские села.

В общество Хуламское входили следующие сёла: Верхний Хулам, Нижний Хулам (Усхур), Тотур, Озен и Жабоево.

Верхний Хулам являлся главным селом общества, в котором в 1896 году было 138 дворовых мест с населением 1141 человек. В нём имелись две мечети, одна мелочная лавка, две временных мануфактурных [1, 16].

Рядом с поселком В. Хулам, у небольшой речушки Чипи, на склоне, под скалой, был расположен поселок Тотур. В нем в 1896 году под постройками было занято 67 дворовых мест с населением 517 человек. В селе имелась одна мечеть [1, 15].

В с. Усхур в 90-х годах XIX века было 32 дворовых места, с населением 284 человек, а в Жабоево – 14 дворовых мест, с населением 147 человек [1, 15-16].

На левобережье реки Череха Безенгийского, вблизи посёлка В. Хулам, располагалось с. Озен, в котором было 25 дворовых мест, с населением 213 человек. В селе имелась одна мечеть [1, 17].

Одним из признаков балкарских старинных поселений было то, что они, в большинстве своём, основывались недалеко или на местах, некогда существовавших добалкарских поселений, о существовании которых говорят могильники различных эпох [2] и некоторые оборонительные сооружения. Оборонительные сооружения обычно располагаются выше бывших балкарских сёл, на крутых склонах и вершинах скальных уступов (Хуламо-Безенгийское ущелье). Правда, иногда относительно поздно образованные села, такие как Усхур и Жабоево в Хуламо-Безенгийском ущелье, также располагались недалеко от средневековых башен.

В XIX – начале XX века в Балкарии населенные пункты по своей структуре или морфологии делились на полифамильные и монофамильные образования.

В Хуламо-Безенгийском ущелье однофамильным было только с. Жабоево (Жаболары). Первоначально однофамильным было также и селение Усхур (нижний Хулам), который обычно в народе называют Атабиевским (Атабийлары).

В каждом селе, неважно какого размера, существовало особое место, называемое «ныгыш». М.О. Косвен отмечает: «Такие особые места собраний или площади сохранились у ряда народов Кавказа до недавнего времени» [3, 39].

На «ныгыш» происходил разбор вопросов, касающихся сельского общества. На нём разбирались судебные и тяжёлые дела преимущественно по обычному праву. Здесь в беседах коротали время седовласые старики, рассказывая различные истории и вспоминая прошлое.

Трудно установить, когда в Балкарии появились первые мечети

и священнослужители, но в 90-х годах XIX века, по утверждению этнографа К. Текеева, в пореформенный период во всех более и менее крупных селениях Балкарии имелись мечети, наличие которых придавало аулу особый престиж. Квартал, где располагалась мечеть, пользовался особым почётом, ещё большим в том случае, если и мулла-эфенди был родом из этого квартала. В крупных селениях имелось несколько мечетей, одна из которых всегда была главной (джума-межгит), в ней каждую пятницу жители всего селения собирались на совместную молитву «джума-намаз» [4, 95].

На топографию балкарских поселений резкий отпечаток накладывал рельеф занимаемой местности. Ввиду малого количества пригодных для обработки земель, балкарцы вынуждены были основывать свои селения не на ровной местности, а на каменистых склонах, в каньонах – по берегам горных речушек, на естественных террасах, реже – на вершинах труднодоступных горообразований.

Выбор местности, который был обусловлен экономическими причинами, зачастую отвечал и нуждам обороны.

При выборе места для поселения его основатели старались придерживаться ориентации на солнечную сторону – «кюнлюм». Все старые села в Балкарии, в том числе и Верхний Хулам, были расположены на горных склонах Скалистого хребта, обращены на восток или на юго-восток, поэтому они больше находились под обогревом солнечных лучей, чем села, расположенные на несолнечной стороне – «чегет».

Выбор солнечной стороны в первую очередь был обусловлен хозяйственными соображениями. На солнечной стороне раньше созревали хлеба, а при орошении они давали более высокий урожай, чем на несолнечной. Весной на склонах кюнлюм раньше появлялась трава, а зимой в солнечные дни там быстрее таял снег.

Селения Хуламского общества, кроме с. Озен, имели ярко выраженный террасированный характер, т.е. «жилища устраивались уступами так, что крыши нижележащего террасного ряда вместе с узкой улицей служили как бы дворами для вышележащего террасного ряда и т.д. по всему склону» [5, 235]. В таких селениях обычно выражены улицы, которые тянулись серпантином по склону. В таком террасном ряде все дома как бы находились под одной крышей.

В террасных постройках жилища, как правило, были обращены в одну сторону. Единственно возможной для устройства дверей была стена, обращенная к низу склона, и только перед ней можно было создать теневой навес перед жильём или же небольшой огороженный дворик.

Для возведения жилых и хозяйственных построек балкарцы широко использовали камень и лес. Если камень как строительный материал имелся во всех ущельях, то лес был только в Баксанском. Поэтому в Хуламо-Безенгийском ущелье жилища сооружались только из камня.

Обычно, прежде чем приступить к строительству жилища, надо было выбрать участок и заготовить необходимое количество строительного материала. В прежние времена у балкарцев сложился обычай: на выбранном для строительства дома участке выкапывали небольшую лунку, в которую на ночь ставили кувшин, наполненный водой или молоком. Если жидкость в сосуде к утру не убавлялась, то данный участок считался подходящим для строительства дома, а если жидкость в сосуде убавлялась, то этот участок оставляли нетронутым, потому что считали, что счастья и благополучия на нём не будет [6, 83-84].

По данным старожил, в конце XIX века, при выборе участка, к этому методу практически не прибегали, так как в горах было очень мало земли и каждый по традиции строился рядом с жилищем своего предка, если был запас приусадебной земли, или на том месте, где указала сельская община, которой было безразлично, где выбрала та или иная семья себе участок под постройку.

Самыми трудоёмкими процессами при строительстве жилища были подготовка площадки под дом и заготовка материалов. В Хуламо-Безенгийском ущелье поблизости от поселений леса не было, поэтому его приходилось доставлять издалека, что требовало много времени.

При заготовке строительных материалов, особенно леса, прибегали к помощи родственников. Но обычно как камень, так и лес семья заготавливала своими силами в течение продолжительного времени.

Камень подвозили на место строительства на «дорласын» – волушка – большой раздвоенный ствол дерева; на развилке, попе-

рек, закреплялись перекладины для того, чтобы можно было наложить побольше камней. А срубленные стволы дерева доставлялись волоком. В 70-х годах XIX века А.И. Дроздовский писал: «В высоких долинах рек Черека и Чегема, где поселились балкарцы, хуламцы, безенгиевцы и чегемцы, лесу вовсе нет, даже мелкого. Горцы доставляют лес к себе для построек и для топлива снизу, из лесной полосы. Брёвна таскают по горам волоком, на быках, дрова же, необходимые для топлива, возят вьюнками на ослах и кадырах» [7, 13] (Къадыр – мул).

Транспортировка леса требовала много рабочей силы, как людской, так и тягловой, поэтому семьи прибегали к помощи родственников. А таубии (горские князья) в дореформенный период при перевозке леса использовали труд домашних рабов и рядовых общинников. В сведениях о зависимых сословиях в горских обществах и их повинностях, которые записаны 29 июля 1866 года, сказано: «Лес для постройки своего дома таубии должны сами заготовить, но для перевозки всего заготовленного леса совместно с его холопьями-каракиши с каждого двора должны дать одного работника с парю быков» [1, 88].

После подготовки площадки и стройматериалов, строящаяся семья объявляет дату начала работ своим родственникам и приглашает их помочь. В назначенный день семья приступает к работе с помощью родственников и желающих помочь жителей села. Коллективная помощь называется «изеу».

Самому уважаемому человеку в селении (огъурлу адам), у которого считалась лёгкая рука, предоставлялось первому уложить камень в основание жилища.

Строительство стен производилось силами семьи и родственников, но в засыпании крыши землей участвовало почти всё село. Конец стройки ознаменовывается танцем «Тепана» вокруг очажного отверстия.

Обмазка стен жилища производилась после праздника. За обмазку и побелку стен полностью отвечали женщины. При обмазке дома прибегают к «изеу», потому что эта работа не под силу одной женской половине семьи. Обмазка производилась земляным или глиняным раствором, но чаще – глинисто-земляным. Побелки в старинных жилищах не было.

У балкарцев существовало множество магических обрядов, связанных с домом. На пороге, на счастье, прибавляли подкову [8, 107] «нал» или же под порогом закапывали куриные яйца.

По обычаю запрещалось переступить порог левой ногой, разговаривать с хозяином дома через порог или здороваться, протягивая руку из-за порога. При вводе невесты в дом жениха она обязательно должна была переступить порог правой ногой. Считалось, что всякий человек, который переступил порог левой ногой, имеет нечто злое, недоброе, которое обязательно повлияет на дом и его обитателей.

Для возведения стен использовался горный необработанный гранит, речной обкатник, камень-валунник, а также камень, вынутый из углубления в склоне, вырытом под жилище. Эти камни не поддаются тесанию, поэтому большие камни разламывали на более маленькие части. В основном камень использовали в его первоначальной форме. Н.П. Тульчинский писал: «Жилища горцев во всех пяти обществах построены по одному типу, с той лишь особенностью, что на Баксане, при обилии лесного материала, сакли выстроены из толстых сосновых брёвен, а в остальных обществах они сложены из бесформенных камней без всяких цементных и иных скреплений» [9, 201]. Террасные постройки состояли «из трёх искусственных стен, а четвёртая, естественная, прилегает к скале или крутизне» [9, 201]. Для лучшего прилегания камней с наружной стороны в щели вклинивали мелкие камни.

Кровля в балкарском жилище представляла собой плоское деревянно-землянное перекрытие, которое лежало на опорных столбах. Поперёк опорных столбов укладывались главные балки, а по ним – лес-тонкомер, затем это покрывалось слоем травы и соломы, а поверх засыпали землю, её утрамбовывали, а чтобы грунт не осыпался, по краям кровля обкладывалась камнем. Балки и опорные столбы не обрабатывались, счищалась только кора и сучья, в сечении они имели 30-40 см.

В Хуламо-Безенгийском ущелье существовали жилища с двухскатной кровлей. Они находились в селении Верхний Хулам и Тотур. В с. Верхний Хулам двухскатная кровля «выполнена в виде фермы, опиралась на продольные пристенные балки, подпираемые опорными столбами... Двухскатная кровля во втором жи-

лище была достигнута за счёт высоты самой центральной балки» [5, 248].

В балкарских жилищах пол был земляной. Площадка под жилище и есть балкарский пол. К началу XX стали делать глинобитные полы.

В более старых жилищах очаг располагался в центре помещения. Его расположение также зависело от количества опорных столбов. «Если в жилище было четыре ряда опорных столпов «чигинжи», то очажная яма устраивалась в промежутке между четырьмя срединными столпами» [5, 255]. Этот очаг располагается в середине помещения и имеет название «орта от жагъа». А если в доме было три ряда опорных столбов, то он либо располагался в центре, либо «между двумя срединными и двумя притесненными опорными столпами».

Очажная яма имеет четырёхугольную форму, а глубина достигала 25-30 см., обрамлялась гранитными брусками. Чуть дальше очага располагались плоские камни для сидения. Над очагом устраивалось плетенное приспособление в виде навеса, имело форму четырёхугольной плоской корзины. Дым от очага выходил через отверстие, обычно небольшое круглое или четырехугольной формы, сделанное в боковой стене.

После изучения поселений и жилищ балкарцев конца XIX – начала XX века мы можем сделать выводы. Балкарские села были расположены в верховьях горных рек, выбиралась самая широкая часть ущелья, имеющая достаточно условий для занятия скотоводством и земледелием. В XIX – начале XX века в Балкарии населённые пункты по своей структуре делились на полифамильные и монофамильные образования. Хозяйственные постройки главным образом связаны со скотоводством, а их комплексы находили за пределами села. Для возведения жилых и хозяйственных построек балкарцы широко использовали камень и лес. Камень как стройматериал имелся во всех ущельях, а лес был только в Баксанском. Поэтому большая часть жилищ сооружалась только из камня.

1. Документ по истории Балкарии (конец XIX – начало XX века). Нальчик, 1962. С. 16. 2). С. 15. 3)С. 15-16. 4)Там же. С. 17. , С. 88.
2. Чеченов И.М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969; Мизиев И.М. Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая. Нальчик, 1970.
3. Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961. С.39.
4. Текеев К.М. Новые селения Карачая и Балкарии во второй половине XIX – начале XX вв. // Вопросы археологии и традиционной этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск. 1987. С. 95.
5. Бернштейн Э.Б., Асанов Ю.Н. Традиционная архитектура Балкарии. Пятигорск. 2018. С. 235; С. 248. ; С.255.
6. Мамбетов Г.Х. Некоторые традиции и обычаи кабардинцев и балкарцев, связанные с жилищем // Вестник КБНИИ. В. 4. Нальчик, 1970. С. 83-84.
7. Дроздовский А.И. Краткий медико-топографический очерк Кабардинского округа Терской области. Тифлис, 1870. С. 13.
8. Лавров Л.И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX века. Кавказский этнографический сборник. Вып. IV. М., 1969. С.107.
9. Тульчинский Н.П. Пять горских обществ Кабарды // Терский сборник. 1903. Вып. V. С. 201 Там же. С. 201.

Н.А. Баззаев,
аспирант СОГУ им. КЛ. Хетагурова
(г. Владикавказ)

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1920-ЫЕ ГГ.: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ ЮГО- ОСЕТИНСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ)

В статье анализируется аграрная политика Советского правительства периода новой экономической политики применительно к Юго-Осетинскому региону Грузинской ССР. Определяются её концептуальные принципы, цели, характеризуются принятые во исполнение новой политической стратегии в аграрной сфере решения. Констатируется крах новой аграрной политики в Южной Осетии, вследствие неучёта местных особенностей региона и исходного уровня его сельскохозяйственного развития. Утверждается отсутствие в регионе предпосылок для реализации ведущего принципа советской аграрной политики 1920-х гг., направленного на создание естественных предпосылок для постепенного перехода к коллективным формам хозяйствования в аграрной сфере.

Ключевые слова: новая экономическая политика, аграрный вопрос, национализация земли, кооперативное движение, колхоз.

The article analyzes the agrarian policy of the Soviet government during the period of the new economics policy to South Ossetia autonomous region of the Georgian Soviet Socialist Republic. Its conceptual principles and goals are defined and the decisions adopted in pursuance of the new agrarian policy in South Ossetia due to the neglect of the local characteristics of the region and the initial level of its agricultural development is stated. The absence in the region of prerequisites for implementing the leading principle if the Soviet agrarian policy of the 1920s aimed at creating of the natural background for the gradual transition to collective forms of economic management in the agrarian sphere is stated.

Keywords: new economics policy; the agrarian question; nationalization of the land; the cooperative movement; collective farm.

Анализ различных аспектов аграрной политики Советского государства на протяжении всего периода его существования в настоящее время представляет собой актуальный предмет исторических исследований. Это вызвано, в первую очередь, необходимостью оценить справедливость тезиса о том, что неудачи государственной политики в аграрной сфере явились первостепенной причиной крушения СССР. Кроме того, очевидно, что исследование данной проблематики необходимо и в контексте разработки эффективной модели аграрной политики современной Российской Федерации. Указанными обстоятель-

ствами обуславливается обращение в рамках представленной статьи к анализу аграрной политики Советского государства в один из самых противоречивых периодов его развития, в 1920-е гг. При этом её основные тенденции подвергаются анализу в региональном контексте, на примере Юго-Осетинской автономной области.

Содержательная парадигма аграрной политики советского правительства в рассматриваемый период времени определялась исходными принципами и установками партии большевиков к решению аграрного вопроса. В марксистской теории содержание аграрного вопроса в широком смысле усматривалось в классовом конфликте по поводу земельной собственности и связанной с этим социальной борьбе. В узком смысле оно сводилось к вопросу о методах устранения докапиталистических отношений в сельском хозяйстве. Соответственно, решение аграрного вопроса виделось в революции – экспроприации земельной собственности с последующим её переделом или национализацией [1, 60].

В реальной политической практике указанные установки нашли своё отражение первоначально в реализации положений одного из основополагающих актов периода становления советской государственности, Декрета о земле. Вместе с тем, в условиях начавшегося острого гражданского противостояния, аграрная политика большевистского правительства приобрела крайне радикальные характеристики в рамках реализации доктрины «военного коммунизма», который принял характер социального эксперимента, несовместимого с реальными потребностями и интересами большинства населения. В результате осуществления такой политики крестьянство «не только положило конец классу помещиков, но и своим все возрастающим сопротивлением заставило большевиков отказаться от «военно-коммунистического» эксперимента и перейти к новой экономической политике», которая представляла собой своеобразный компромисс между теоретическими установками идеологии большевизма по аграрному вопросу и практическими экономическими интересами крестьянства, носящими в большинстве своём мелкобуржуазный характер [2, 139].

Другими словами, в начале 1920-х гг. начался новый этап в реализации государственной аграрной политики, который был связан с обеспечением условий для постепенного «естественного» эволю-

ционирования мелких крестьянских хозяйств в направлении формирования разнообразных видов сбыто-снабженческой, кредитной и производственной кооперации.

В этой связи к середине 1920-х годов в качестве долгосрочной программы большевистской партии в аграрном вопросе сложился так называемый ленинский кооперативный план, в соответствии с которым наиболее оптимальным путем перехода крестьян к социалистическому хозяйству провозглашалась кооперация. Построение социализма в сельском хозяйстве, которое должно было занять длительное время, рассматривалось как развитие всех видов кооперации и постепенный переход от её «низших» форм (потребительских, кредитных и «простейших» производственных кооперативов) к «высшим» (колхозам). Обязательным условием данного процесса называлась добровольность. Крестьяне на собственном опыте должны были убедиться в преимуществах крупного общественного хозяйства. В резолюции XIII съезда РКП(б) указывалось, что «кооперированное крестьянское хозяйство неизбежно будет терять свой индивидуальный характер, превращаясь в хозяйство коллективное» [3, 234].

Вышеуказанные теоретические установки определили универсальные характеристики содержания нормативно-правового регулирования аграрной политики отдельных частей советского федеративного государства. Так, программный документ, определяющий сущность аграрной политики в Грузинской ССР, а именно декрет Революционного комитета Грузинской ССР о национализации земли, принятый 6 апреля 1921 г., определял следующие установки её реализации:

- отмену частной собственности на землю и предоставление земельного фонда в общественное достояние;
- осуществление конфискации частных земель в государственный общедоступный фонд за исключением земельных владений мелких и средних собственников земельными комитетами с преобладающим составом мелких и средних крестьян-собственников, органами Народного комиссариата земледелия, а также Советами крестьянских депутатов соответствующих уровней;
- регламентацию личной собственности на небольшие усадебные земельные участки;

- установление совместного контроля за процессом распределения земельных владений со стороны Советов крестьянских депутатов и революционных комитетов;

- передачу крупных земельных участков с высококультурными хозяйствами государству с целью формирования на их основе показательно-образцовых хозяйств;

- предоставление исключительных организационно-финансовых мер поддержки первичным формам коллективного крестьянского хозяйствования (коммунам и артелям) с преобладанием мелких крестьянских собственников;

- предоставление права пользования землёй и, соответственно, земельного участка любому гражданину советской грузинской республики, изъявившему желание заниматься сельскохозяйственным производительным трудом по определенной трудовой норме.

- предоставление права на имущественную поддержку лицам, пострадавшим от имущественного переворота, проявляющим желание заниматься сельскохозяйственным производительным трудом на период приспособления к новым социально-экономическим условиям [4, с.195].

Таким образом, декларируемые принципы аграрной политики Грузинской Советской республики определяли двуетапную цель: во-первых, должны были содействовать укреплению имущественного положения мелких и средних крестьянских собственников, а во-вторых, создавать практические условия для постепенного становления и развития коллективных крестьянских хозяйств в форме первичной кооперации, которые должны были рассматриваться в определенной перспективе в качестве наиболее выгодной альтернативы эволюции единоличной крестьянской собственности. Кроме того, обращает на себя внимание и желание советских органов власти создать положительный имидж для классовых врагов, в связи с чем декларацию их потенциальной возможности участвовать в новых формах аграрного хозяйствования следует рассматривать в качестве своеобразной формы их амнистии. Такое стремление властей можно оценить в позитивно-рациональном ключе, учитывая неблагоприятные последствия Гражданской войны и необходимость поиска социального консенсуса в качестве главного условия стабилизации политического процесса в республике.

Вышеуказанная цель аграрной политики последовательно реализовывалась на территории Грузинской ССР, в том числе и в Юго-Осетинской автономной области посредством осуществления мероприятий в аграрной сфере, принятых партийным руководством РСФСР. В частности, на территории республики был реализован новый налоговый режим, принятый в интересах мелких и средних крестьянских собственников, в рамках которого предусматривались такие меры, как:

- замена продовольственной и сырьевой разверстки продналогом;
- снижение в два раза продналога на хлеб, картофель, масличные семена;
- введение единого сельскохозяйственного налога, взимаемого хлебом и деньгами;
- снижение размера налога на 40% в 1925/26 хозяйственном году.

С целью получения наибольшего положительного эффекта от указанного изменения налогового режима разрешалась сельскохозяйственная стационарная торговля, а также коммерческая аренда земли. Кроме того, получила распространение система контрактации, которая предусматривала взаимные обязательства государственных, кооперативных органов, промышленных предприятий и крестьянских хозяйств по обеспечению крестьян кредитами, техникой и продажей государству сельскохозяйственной продукции в определенном количестве и по твердым ценам.

Одновременно были реализованы мероприятия по льготному кредитованию крестьянских хозяйств. На 1 октября 1926 г. было выдано кредитов на сумму 401 млн. руб. Ссуды выдавались наиболее нуждающимся хлеборобам при полной гарантии своевременного погашения. С этой целью были созданы фонды для кредитования беднейших хозяйств. Максимальный размер ссуды определялся в три тысячи рублей дензнаками 1922 года. За пользование ссудой взимался один процент в месяц. Кредит носил производственно-целевой характер и предназначался для приобретения лошадей, сельскохозяйственного инвентаря и семян. Он являлся долгосрочным, предоставлялся сроком до трех лет. Как правило, банк давал 90 процентов стоимости приобретаемых предметов, остальные 10 процентов должно было внести само кредитуемое хозяйство. Кредит должен был быть обеспечен залогом имеющегося и приобретаемого имущества, а так-

же поручительством. Кредитная система призвана была защищать интересы, прежде всего, беднейших слоев населения, и направлена на стимулирование его экономической активности, организованности и инициативы. Кредитование крестьянских хозяйств производилось не только денежными средствами, предполагалась помощь семенным материалом, в котором была насущная необходимость. Семенные ссуды выдавались в основном беднейшим хозяйствам и сельскохозяйственным коллективам, что стимулировало их рост [5].

Государство брало на себя поставку сельскохозяйственных машин, минеральных удобрений. В рамках государственной политики был разработан комплекс мер по развитию животноводства. Создавались конезаводы и племенные хозяйства. Получила развитие кооперация. В 1921г. насчитывалось 24 тыс. различных сельскохозяйственных кооперативов, в 1925 г. – почти 55 тыс. [5,176-182.].

Следует отметить, что вышеуказанные мероприятия осуществлялись в отдельных регионах Грузинской ССР с разной интенсивностью, которая напрямую зависела от местных условий. Как свидетельствуют архивные документы, несмотря на чрезвычайную отсталость аграрного сектора Южной Осетии, правительство стремилось осуществлять вышеуказанную аграрную политику и в данном регионе. При этом первоочередной задачей партийных и государственных структур стала защита и поддержка малоимущих и безземельных слоев крестьянства.

В этой связи сразу после принятия РК Грузинской ССР декрета о национализации земли в Южной Осетии были запрещены кабальные договоры купли-продажи сельскохозяйственной продукции малоимущим крестьянским семьям [4, 195-197]. Основной формой их поддержки стала активизация кооперативного движения, осуществляемая, в первую очередь, административными методами. В частности, уже в ноябре 1922 г. партийное руководство и местные Советы крестьянских депутатов инициировали создание Единого рабочего кооператива в Цхинвали, к которому постепенно присоединяли все сколько-нибудь значимые организации крестьянской кооперации [4, там же]. В июне 1924 г. СНК Грузинской ССР принял решение об организации сети кредитных сельскохозяйственных кооперативов.

Однако кооперативное строительство не имело успеха, о чём прямо сообщали официальные партийные документы. В частности,

в докладной записке ЦИК Юго-Осетии констатировалась чрезвычайная слабость финансово-организационной базы созданного в 1924 г. Союза сельскохозяйственных кооперативов Южной Осетии, существующего исключительно на краткосрочные кредиты и ссуды [6]. В результате к 1925 г. коллективные формы хозяйствования в аграрной сфере объединяли лишь 7,5% всех крестьянских хозяйств области [4, 214-215]. В связи с этим заявлялось о настоятельной необходимости организации действенной финансовой поддержки из республиканского центра.

Одновременно была интенсифицирована деятельность по конфискации частной земельной собственности. К февралю 1923 г. в Южной Осетии действовало 86 земельных комитетов, которые национализировали 19 имений местных помещиков [4, 200]. Уже в мае 1923 г. частных земельных владений в регионе фактически не осталось. Только в Рукском районе при ведущей роли малоземельных крестьян, преимущественно входивших в состав земельных комитетов, были конфисковано более 1526, 05 десятин земли, которые были розданы во владение. При этом на площади садов и виноградников было создано образцовое культурно-аграрное хозяйство [4, 202]. При этом характерной особенностью проводимых мероприятий являлся совершенный неучет интересов малочисленной прослойки средних крестьянских собственников, что шло вразрез с официальной концепцией аграрной политики.

Фактически в Южной Осетии была продолжена репрессивная политика времен «военного коммунизма», нацеленная на перераспределение земельной собственности в интересах малоземельных крестьян. Важно отметить, что такая стратегия сталкивалась со значительными сложностями, вызванными отсутствием организационно-финансовых средств для осуществления нового «передела земли». Так, например, заведующий отделом землеустройства местного отделения Наркомзема в июле 1923 г. сообщал о фактическом отсутствии в регионе землемеров, вследствие чего землеустроительные работы не могли производиться [7].

Таким образом, можно констатировать, что мероприятия, проводимые в Южной Осетии в рамках концепции новой аграрной политики, утвержденной Советским правительством и партийными органами в 1920-е гг., имели формальный характер и явились фак-

тически безрезультатными. Большинство положений принятой РК Грузинской ССР Декрета о национализации земли не выполнялись. Единственным региональным «достижением» в аграрной сфере стало разрушение прежней системы землеустройства посредством проведения конфискации и национализации частных земельных владений. Создать новые формы единоличных крестьянских хозяйств, имеющих тенденцию к «естественному перерастанию» в коллективные формы хозяйствования, не удалось. Кооперативное движение в сельском хозяйстве Южной Осетии носило фрагментарный и неоформленный характер, созданные преимущественно методами административного принуждения кооперативы характеризовала организационная и финансовая слабость. Показательно, что на официальном уровне к 1927 г. был констатирован крах аграрной политики в регионе, который объяснялся исключительно «тяжёлым наследством» аграрной отрасли, полученным в результате «аграрного хозяйствования» меньшевиков в годы Гражданской войны [8].

---

1. Медушевский А. Н. Аграрные реформы в России: проекты и реализация // Мир России. 2007. № 1.

2. Ильиных В. А. Проекты социалистической модернизации сельского хозяйства // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная морфология и практика. Сборник научных трудов. Уральский федеральный университет. Екатеринбург, 2016.

3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1983, Политиздат, Т. 4: 1926-1929. 575 с.

4. Восстановление и развитие народного хозяйства Юго-Осетии. Сб. документов и материалов (1921-1929 гг.) Сост. И.Н. Цховребов. Сталинир, 1960 г. Т.1. 561 с.

5. Засорина Т. Д. Проблемы реформирования экономики в период новой экономической политики: 1921-1927 гг. // Экономика и экологический менеджмент. № 1. 2012.

6. Центральный государственный архив республики Южная Осетия (далее – ЦГА РЮО) Ф. 4. Д. 31. Л. 538-542.

7. ЦГА РЮО. Ф. 4. Д. 25. Л. 10.

8. ЦГА РЮО. Ф. 4. Д. 135 а. Л. 38-40.

Д.Ф. Афаунова,
магистрант КБГУ им. Х.М. Бербекова
(г. Нальчик)

НАДЕЛЕНИЕ ЗЕМЛЁЙ ФЕОДАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ НАРОДОВ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ В XIX ВЕКЕ

В статье рассматривается один из важнейших аспектов аграрной политики Российской империи на Северном Кавказе в пореформенный период: царское правительство и его местные административные круги усиленно создавали на Кавказе новый класс частных земельных владельцев из местного служилого населения путем массового отчуждения горских земель в пользу горской знати. В статье проанализирована данная практика, которая была распространена во всех округах Терской области в XIX в. Затрагиваются и вопросы, связанные с условиями наследования земель по обычному праву у горцев, приводятся выдержки из приказов наместников Кавказа по вопросу награждения земельными участками отдельных представителей знати.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Терская область, частная собственность, награждение земель, феодальная знать, наследственное право, политика Российской империи.

The article deals with one of the most important aspects of the agrarian policy of the Russian Empire in the North Caucasus in the post-reform period: the tsarist government and its local administrative circles intensively created in the Caucasus a new class of private land owners from the local serving population by mass alienation of mountain lands in favor of the mountain nobility. The article analyzes the practice, which was common in all the districts of the Terek region in the nineteenth century, addresses the issues associated with the terms of the inheritance of land under customary law at the highlanders, are extracts from the orders of the governors of the Caucasus on the question of awarding of land to individual members of the nobility.

Keywords: North Caucasus, Terek region, private property, land awarding, feudal nobility, inheritance law, policy of the Russian Empire.

Известно, что в ходе Кавказской войны сложилась практика дарения российским правительством земли многим горским князьям и офицерам за особые заслуги. В ходе проведения земельной реформы эти участки государство либо выкупало, либо права на владения ими снова подтверждались императором. С какой легкостью закреплялись земли за местными феодалами, наглядно показывают следующие факты.

В 1825 году за князем Ф. Бековичем-Черкасским была закреплена вся территория Малой Кабарды. Еще 24 октября 1824 года командир Отдельного Кавказского корпуса генерал от артиллерии А.П. Ермолов принял решение о передаче земель в Малой Кабарде в потомственную собственность Бековичам-Черкасским. Ермолов позволил князю Бековичу-Черкасскому «переселить в Малую Кабарду 70 дворов узденей и чёрного народа по азиатскому праву ему с матерью и братом подвластных...» [1, 73].

Земли эти в соответствии с нормами обычного права кабардинского народа принадлежали пресёкшейся фамилии Мударовых. Такое решение было принято на основании того, что мать Бековича-Черкасского, урожденная княгиня Кончокина, по происхождению была из рода Мударовых, и, следовательно, имела право наследовать эти земли. Уже в июне 1825 года А.П. Ермолов в письме Ф. Бековичу-Черкасскому писал об утверждении Александром I Грамоты на закрепление за последним земель Малой Кабарды.

19 мая 1825 г. Кабинет министров постановил закрепить в вечное и потомственное владение Бековичей-Черкасских земли, лежащие в Малой Кабарде по правому берегу реки Терек, близ бывшего редута Александровского, заключающуюся в 98511 дес. 250 саж. с лесными и другими угодьями, принадлежавшей предкам их по матери князьям Мударовым с населенными на ней узденями и чёрным народом [2, 76]. Главным основанием принадлежности этих земель Черкасским выставлялось право наследования по родству с фамилией князей Мударовых.

После смерти последнего владельца из этого рода князя Мисоста, наследником этих земель выступил его ближайший родственник в мужском колене, князь Темрюк Ахлов, но последний был обвинён в возникших при нём волнениях и беспорядках и лишён права владения землями.

Так как не было других наследников по мужской линии, все земли в таком случае должны были остаться в казне. По древним обычаям кабардинского народа, женщины и все лица, происходящие от женского колена, были лишены права на наследство недвижимым имуществом. Поэтому в последующие годы развернулась борьба за права владения этими землями между Ахловыми и Бековичами-Черкасскими.

Не признавая за князьями Бековичами-Черкасским и наследственных прав, командир Отдельного Кавказского корпуса генерал от инфантерии Е.А. Головин писал командующему войсками на Кавказской линии и Черномории П.Х. Граббе: «Если бы право наследовать недвижимым имением Мударовых принадлежало князьям Бековичам, то они даже без особого распоряжения начальства могли вступить во все владения фамилии Мударовых и при содействии генерала Ермолова заняли бы их и распространили власть свою на всех азиатцев, поселившихся в обширных владениях князей Мударовых. Но они не только не присвоили в то время всех владений Мударовых, но даже претензий на них не объявляли. Из всего этого следует, что право князей Бековичей на владение землями в Малой Кабарде проистекает не из наследственного права, но основанного на акте генерала Ермолова, Высочайше утвержденном 19 мая 1825 г.» [3, 78]. Трудности возникли и при отмежевании земель Черкасским. Это было связано с тем, что в своём акте Ермолов определенно не обозначил границы земель, подлежащих заселению.

Притязания на земли со стороны Ахло Ахлова усилились после того, как в 1847 г. подполковник Ефим Бекович-Черкасский продал земли в количестве 39316 дес. 549 саж. в казну для 1-го Сунженского полка и получил за это 58974 р., 34 коп. Князь Ахлов доказывал незаконность наследования Черкасским этих земель и, соответственно, просил аннулировать эту сделку.

В январе 1860 года Кази Ахлов писал главнокомандующему Кавказской армией и наместнику Кавказа, генерал-фельдмаршалу А.И. Барятинскому, о несправедливом захвате Бековичами-Черкасскими их родовых земель. В частности, в письме говорилось: «Бекович-Черкасский не хочет удовлетворить нашу тяжбу и отдать нам все деньги, вырученные с проданных земель (половину денег предлагал отдать его отец, на что брат мой не согласился), но даже не считает нас прямыми владельцами и в остальной части нашей земли, уверяя даже наших подданных, коих до 60-ти дворов, что он владелец земли, а не мы, через что люди наши нам не стали уже платить податей из опасения, чтобы Бекович впоследствии не потребовал с них вторичных податей» [4, 83].

Просьбу Ахлова рассмотреть его дело заново и решить его по

справедливости, Начальник Главного штаба Кавказской армии генерал-адъютант Д.А. Милютин направил командующему войсками Левого крыла Кавказской линии графу Н.И. Евдокимову и приказал детально разобрать наследственные права Бековичей-Черкасских на земли Малой Кабарды.

Для справедливого решения вопроса Милютин предлагал «либо переселить аул князя Алхова на другое место, вне земель, отмежеванных князьям Бековичам, или, объяснив последним всю шаткость их прав на поместное право владения землей, предложить им отмежевать на неотъемлемую собственность князей Ахловых земли в пропорции по 20 дес. на душу мужского пола» [5, 89]. В конце отзыва Милютин спрашивал Евдокимова о вариантах разрешения вопроса, и нужно ли покупать земли у Черкасских в казну.

Изучив обстоятельства дела, Н.И. Евдокимов предлагал решить его следующим образом: «Не возобновляя вопроса о правах князя Бековича на продажу земель, взятых для 1-го Сунженского полка, оставить в его владении всю сумму, полученную им за эти земли, и сверх того, отмежевать ему в вечное и потомственное владение 3000 дес. земли на поместном праве, а всю же остальную землю, считавшуюся за ним, обратить в казенную собственность. Для вознаграждения князей Ахловых отмежевать им также 3000 дес. в вечное потомственное владение на помещичьем праве, остальную же затем землю, как принадлежащую правительству, отдать в надел аулам, на ней поселенным» [6, 89].

Правительство же решило выкупить у Бековичей земли Малой Кабарды по цене 1 руб. 50 коп. за десятину. Всего оставшихся земель было 56194 дес. 2101 саж. на общую сумму в 79792 руб. 17 коп.

12 января 1866 г. состоялся акт купли-продажи. Интересы Бековичей-Черкасских представлял отставной майор Артемий Христофорович Артемьев, со стороны казны – Председатель Терской сословно-поземельной комиссии Д.С. Кодзоков. Артемий Артемьев получил 50 тыс. руб. серебром [7, 132].

Предложение же Евдокимова было осуществлено на практике с поправкой, вместо 3000 дес. земли Ахловым даровалось пособие в 3000 руб. Правительство исходило из того, что отмежевание

земель в собственность Ахловым может дать повод другим кабардинским князьям домогаться о признании владельческих прав их на землю в Малой Кабарде. Деньги давались в качестве пособия для переселения их аула в другую местность.

Этот пример не является единственным. В Малой Кабарде были награждены крупными участками отдельные представители знати, в частности, Хату Анзоров получил 12 тыс. десятин земли, Адиль-Гирей Анзоров – 7577 дес, Шора Ногма – 1000 дес. [8, 49].

В 1834 г. командир Отдельного Кавказского корпуса, «в видах поощрения полезной службы генерал-майора Султана Азамат-Гирея, ходатайствовал о наделении его в вечное и потомственное владение землей из участков Воровсколесской станицы и Ногайской степи в количестве 10 тыс. десятин». Николай I утвердил предложение Г.В. Розена. В 1852 г. эта земля понадобилась для казаков 1-го Хоперского казачьего полка, взамен Азамат-Гирею выделили в районе реки Курисовки 10297 десятин [9, 424].

Раздача царизмом горских земель частным землевладельцам было распространено во всех округах Терской области. Так, например, князь Туганов получил в 1837 году в Осетии землю в количестве 19900 дес. [10, 32]. При размещении 1-го Владикавказского казачьего полка у них был куплен участок в 6288 десятин за 43 тыс. рублей.

Здесь же, в Дигории, фамилиям бадилятов Кубатиевых отвели 3 тыс. десятин, Караджаевых – 800 десятин, Абисаловых – 200, Чегемовых – 110, Кобановых – 100, Карабугаевых – 100 десятин [9, 424].

В 1863 году наместник Кавказа издал приказ № 418, где было сказано «о праве раздачи частным лицам – русским и туземным офицерам, а также лицам гражданского ведомства, участков свободных казённых земель в Терской, Кубанской, Дагестанской областях и в Ставропольской губернии». Согласно этому приказу, право покупать у местного населения земельные участки получили русские офицеры и чиновники областной администрации [11, 22]. С появлением этого приказа раздача горских земель частным владельцам приобрела широкий и массовый характер.

По ходатайству начальника Терской области 6 апреля 1867 года было получено предписание наместника Кавказского на разрешение отмежевания в Чечне частной собственности. В частную соб-

ственность за заслуги было роздано местным влиятельным людям Чечни 8674 десятины.

Пока продолжалась война, отличившихся чеченцев награждали крупными участками. Но сначала о номинальном претенденте спрашивали у стариков и односельчан – находятся ли они в почёте у населения, каковы их родословная и доходы.

Некоторые представители высшего сословия Терской области были наделены крупными земельными участками по Указу правительствующего Сената, «...во внимание к особому ходатайству Наместника и согласно удостоению Кавказского комитета». Таким образом получили землю в вечное и потомственное владение: майор Улубий Чуликов – 400 десятин, капитан Ватуш Цутиев – 225 десятин, поручик Сатау Эльджуркаев – 182 десятины [12, 79].

Особенно усилено шла раздача земельных участков в частное владение в 70-х годах. За первые пять лет, с 1871 по 1875 г., в одном Владикавказском округе и в районе Малой Кабарды было роздано и продано разным лицам 19109 десятин.

Например: полковникам Смекалову и Нуриду – по 1600 дес., полковнику Морозову – 750 дес., генерал-майорам Павлову, Сви-стуну и Волконскому вместе – 13734 дес., полковнику Золотаре-ву – 1200 дес., генералу Соковнину – 207 дес., вдове сотника Феодосии Баратовой – 200 дес., вдове Деревянеко – 150 дес., коллежскому регистратору Иванову – 150 дес., войсковому старшине Караулову – 200 дес. и т.д. [10, 31].

Таким образом, одним из важнейших аспектов аграрной политики царизма на Северном Кавказе в пореформенный период было массовое отчуждение горских земель в пользу горской знати. Царское правительство и его местные административные круги усиленно создавали здесь новый класс частных земельных владельцев из местного служилого населения. Такой класс должен был стать своего рода столпом, на который в разных случаях должно было опираться правительство. Дарование крупных участков земли в частную собственность отдельным представителям местной феодальной знати (майору Ф. Бековичу-Черкасскому 98 тыс. дес. в Малой Кабарде, генералу А. Туганову 19 тыс. дес. в Осетии и др.), усиливало малоземелье и усугубляло и без того сложные аграрные отношения в регионе.

1. Письменный акт командир Отдельного Кавказского корпуса генерала от артиллерии А.П. Ермолова о закреплении за князьями Бековичами-Черкасскими земель Малой Кабарды принадлежавших пресёкшейся фамилий Мударовых по «азиатскому праву» 1824 г. 24 октября. Тифлис. Копия // Антология памятников права народов Кавказа. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2013. Т. 5. 812 с.

2. Точный список с журнального постановления Комитета Министров в 19 день мая 1825 г. о закреплении в вечное и потомственное владение Бековичей-Черкасских земель Малой Кабарды. Копия. // Антология памятников права народов Кавказа. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2013. Т. 5. 812 с.

3. Список с предписания командира Отдельного Кавказского корпуса генерала от инфантерии Е.А. Головина командующему войсками на Кавказской линии и Черномории П.Х. Граббе отмежевать подполковнику Е. Бековичу-Черкасскому земли до южной стороны Кабардинского хребта // Антология памятников права народов Кавказа. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2013. Т. 5. 812 с.

4. Копия прошения князя Кази Ахлова главнокомандующему Кавказской армией и наместнику Кавказа генерал-фельдмаршалу А.И. Барятинскому о несправедливом захвате Бекович-Черкасских их родовых земель, 1860 г. // Антология памятников права народов Кавказа. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2013. Т. 5. 812 с.

5. Копия отзыва начальника Главного штаба Кавказской армии генерал-адъютанта Д.А. Милютина командующему войсками Левого крыла Кавказской линии графу Н.И. Евдокимову о необходимости тщательно разобрать наследственные права Бековичей-Черкасских на земли Малой Кабарды в свете прошений А. Мисостова и К. Ахлова, 1860 г. // Антология памятников права народов Кавказа. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2013. Т. 5. 812 с.

6. Копия отзыва командующего войсками Кубанской и Терской областей генерал-адъютанта графа Н.И. Евдокимова начальнику Главного штаба Каказской армии генерал-адъютанту Г.И. Филиппону о необходимости решить вопрос о принадлежности земель Малой Кабарды административным путем, 1860 г. // Антология памятников права народов Кавказа. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2013. Т. 5. 812 с.

7. «Купчая крепость», свидетельство о продаже земель, принадлежавших князьям Бековичам-Черкасским государству и получении за нее 50 тыс. руб. серебром, 1866 г. // Антология памятников права народов Кавказа. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2013. Т. 5. 812 с.

8. Антология памятников права народов Кавказа. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2013. Т. 5. 812 с.

9. Кузьминов П.А. От военного покорения к поиску путей интеграции: замыслы и начало осуществления аграрных преобразований у народов Северного Кавказа в 60-х гг. XIX века // Аграрные отношения у народов Северного Кавказа в Российской политике XVIII – нач. XX вв. Нальчик: Эль-Фа, 2006. Т. 1. 469 с.

10. Берозов Б.П. Аграрный вопрос и крестьянское движение в пореформенной Северной Осетии. Орджоникидзе: Книжная типография Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров СО АССР, 1980. 126 с.

11. Ибрагимова З.Х. Мир чеченцев. XIX в. М.: Пробел-2000, 2007. 111 с.

12. Ибрагимова З.Х. Царское прошлое чеченцев. Политика и экономика. М.: Пробел-2000, 2009. 872 с.

И.С. Пазов,
аспирант КБНЦ РАН
(г. Нальчик)

ЗОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1913 ГОДА: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

В данной статье рассматривается актуальность проблемы Зольского восстания 1913 года на территории Нальчикского округа. Автором раскрываются причины данного восстания и роль фактора пастбищного хозяйства в контексте земельных отношений, затронувших эту проблему; вопросы хода событий, приведших к восстанию, и его дальнейший ход. Приводится вывод о неизбежности данного социального конфликта и невозможности царской власти решить вопрос зольских пастбищ более справедливым способом. Сочетание всех этих факторов привело к формированию монополии внутри Нальчикского округа и к дальнейшему обострению «земельного вопроса».

Ключевые слова: пастбища; зольское восстание, правила; монополия; крестьяне.

This article discusses the relevance of the problem of the Zolsky Rebellion of 1913 in the territory of the Nalchik District. The author reveals the causes of this Rebellion and the role of the factor of pasture management in the context of land relations affected this problem. The issues of the course of events leading to the uprising and its further course are considered. The conclusion about the inevitability of this social conflict and the impossibility of the tsarist government to solve the problem of the Zolsky pastures in a fairer way is given. The combination of all these factors led to the formation of a monopoly within the Nalchik District, and to the further aggravation of the «land issue».

Keywords: pastures; Zolsky Rebellion; rules; monopoly; farmers; breeders.

К началу XX века в Нальчикском округе сложилась уникальная по своей структуре система землепользования в орбиту которой было включено всё пастбищное землевладение округа, представлявшее собой Зольские и Нагорные пастбища. По новым правилам 1912 гг. пастбищные угодья Нальчикского округа фактически были разделены на три части. Две части доставались крупным и средним коннозаводчикам и скотоводам, третья общинникам. Лучшие равнинные Зольские пастбищные земли перешли в руки коннозаводчиков, а горные, где можно было возвести хуторские постройки, остались за богатыми овцеводами, а худшие, менее пригодные для пастбы скота участки, достались крестьянам.

Местное крестьянство было лишено права пользоваться Зольскими и Нагорными пастбищами, так как располагали нужным количеством скота. Поэтому новые правила» вызвали сильное недовольство кабардинских и балкарских крестьян. Основным их требованием было прекращение практики деления общественных горных пастбищ, и «ввести такое же общее пользование пастбищными местами на Золке, как и на террасах» [1].

Новыми правилами царская власть, скорее всего, намеревалась не только способствовать развитию животноводства (в основном коневодства), но и разделить сферы пастбищных интересов обозначенных выше групп общинного населения и тем самым уменьшить их противоречия. Однако на практике это вызвало «клубок противоречий» между сферами влияния каждого из сельских обществ, грозивших рано или поздно вырваться в серьезный социальный взрыв.

Зольское восстание 1913 года было отражением последствий существовавшего, как указано выше, конфликта интересов между общинниками и крупными землевладельцами. Однако без подробного анализа данного события сложно будет установить объективную картину происходящего.

Зольскому восстанию 1913 года уделялось большое внимание со стороны советской историографии, в частности можно выделить наиболее крупные труды Кокиева и Цораева. Авторы обстоятельно излагают ход и исход восстания, определяя место восстания в аграрном движении округа. Данные труды написаны на основе ценных архивных источников Северной Осетии и Кабардино-Балкарии, не потеряли своей актуальности, оставаясь наиболее подробным анализом событий Зольского восстания 1913 года.

Однако существует ряд концептуальных нареканий к этим монографиям Г.А. Цораева и М.А. Кокиева, так как они создавались под влиянием идеологической матрицы марксистско-ленинского подхода. Основная идея этих трудов заключалась в критике всех действий царской администрации, разрабатывавшей правила землепользования 1905-1912 годов, в русле столыпинской аграрной политики и поддержке крупных землевладельцев, угнетавших общинников, мелких крестьян, приобретая большое количество земель. Но данный подход не совсем верен: 1) касаясь столыпинской аграрной ре-

формы, то здесь не существовало обратной связи между предпринятыми мерами управления округа и столыпинской реформой, так как аграрные преобразования, проводившиеся под руководством П.А. Столыпина, непосредственно затрагивали только русскоязычное крестьянство Ставропольской губернии, а на казачество и горское население не распространялись [2, 296]. По данным А.С. Кондрашевой, «в 1912 г. силами Особого совещания и представителей горских народов был составлен Проект закона о землеустройстве горского населения Нагорной полосы Терской области и Карачая Кубанской области, что явилось попыткой со стороны кавказской администрации применить положения столыпинских аграрных законов к местным условиям. Однако горское крестьянство так и не получило те экономические права, которые стали реальностью для других категорий населения Российской империи. Все проекты по этому вопросу не смогли выйти за рамки Канцелярии Генерального штаба» [3, 78]. Предпринятые в этот период три последовательные попытки приступить к преобразованиям в сфере землевладения и землепользования, составление проектов и представление их в столицу так и не увенчались успехом. Таким образом, мероприятия реформ официально не перешагнули границ Терской области, в состав которой входил Нальчикский округ; 2) недостаточность объективности в установлении причин данного восстания и действий участников, не указав, что подвигло управление округа к данным действиям, и какова позиция самих коннозаводчиков по вопросу Зольских пастбищ.

Причина восстания 1913 года заключалась в том, что к началу XX века на территории Нальчикского округа начинала формироваться крупная монополистическая структура, включавшая в себя скотоводов и коннозаводчиков. Данная структура сформировалась благодаря поддержке царской администрации, как со стороны Терского областного управления, так и Нальчикского округа. Действовали они в соответствии с существующей тогда в Российской Империи экономической политики государственного капитализма, суть которой заключалась в сращивании государства и капитала, где проявляется стремление власти взять под контроль крупных частных производителей, каковыми и являлись крупные коннозаводчики.

Резюмируя, следует отметить, что к 1913 году в сельских обществах Нальчикского округа сложились два мнения. Первое выражали крупные землевладельцы, которые выступали за распределение пастбищ пропорционально количеству скота и лошадей. Второе – общинное большинство, которое отрицало исключительные права первых в условиях общинного порядка пользования. При этом в каждой группе было немало землепользователей, спекулировавших на аренде. Вследствие этого и возникла проблема пересмотра Правил 1907 и 1912 года, ставивших задачу сохранения общественного спокойствия [5, 85].

Однако на практике изменение правил землепользования стало тем самым катализатором, вызвавшим восстание 1913 года, так как столкновение интересов выше обозначенных групп все больше нарастало и как следствие, социальный взрыв был неизбежен.

Что касается Зольского восстания, то, проанализировав все имеющиеся данные, можно составить полноценную картину. К сожалению, скудность архивных материалов и указанные выше труды Кокоева и Цораева ограничивают эту возможность, но даже их наличие способствует изучению событий 1913 года.

24 апреля 1913 года в Нальчике состоялся съезд доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ, который окончательно принял и усовершенствовал правила 1912 года о пользовании Зольскими и Нагорными пастбищами [5, 120].

Таким образом, было санкционировано применение новых правил пользования пастбищными землями, в результате которых 12 тысяч десятин в нижней части Зольских общинных пастбищ отошли в руки крупных коннозаводчиков. При распределении Зольских пастбищ участков оказалось гораздо меньше, чем коннозаводчиков, поэтому пастбища начали распределяться по жребию, вследствие чего многие крупные коннозаводчики не получили участков на Золке. Таких коннозаводчиков наделяли за счёт общинных крестьянских земель, находящихся за Кичмалкой [5, 121].

Решение, вынесенное апрельским съездом, стало катализатором крестьянского восстания; общинники и мелкое крестьянство из-за потери хороших пастбищных угодий оказывались на грани окончательного разорения.

Восстание началось 29 мая 1913 года, его центром стало селение

Наурузово. Организатором и руководителем восставших был крестьянин этого же селения, из Атлескировского квартала, Пшемахо Ерижев. Он стал вести агитацию среди жителей своего квартала, убеждая их в том, что новые правила пользования пастбищами не выгодны для народа [6, 310].

30 мая 1913 года был созван общенародный сход для принятия присяги.

Агитация проводилась и среди других селений: Кучмазукино, Тамбиево I, Тыжево, Коново, Ашабово, Атажукино I, Атажукино II. Суть агитации заключалась в необходимости прогнать коннозаводчиков с Зольских пастбищ и занять их крестьянским скотом [6, 312].

31 мая и 1 июня в Наурузово был объявлен общий сбор, откуда собравшиеся должны были выступить на Зольские пастбища. В эти же дни в селение прибыл помощник начальника 1-го участка Нальчикского округа прапорщик Докшоков, который призывал народ разойтись по домам, но из-за прибывающих в большом количестве крестьян из соседних сёл, Докшоков был вынужден арестовать несколько почетных стариков: П. Мазанова, У. Гукетлова, П. Бекова и др. Позже крестьяне, возмущенные этим поступком, освободили арестованных, а Докшокову пришлось спасаться бегством [6, 312].

Данный инцидент явился сигналом к всеобщему выступлению.

К вечеру 2 июня на бывшем участке Зольских пастбищ жителей сел. Наурузово, отошедших в аренду коннозаводчикам, расположились наурузовцы в числе 500 человек, тамбиевцы – в числе 500–600 человек и ашабовцы – в числе 700–800 человек. 3 июня численность восставших достигла 2500–3000 человек [6, 38].

Оказавшись в затруднительном положении, администрация Нальчикского округа была вынуждена обратиться за помощью к руководству Терской области. Из управления округа за подписью Клишбиева были посланы телеграммы на имя начальника Терской области генерал-лейтенанта Флейшера, который немедленно отправил в Кабарду своего старшего помощника, генерал-майора Степанова, получившего от начальника области «надлежащие указания к принятию строжайших мер для восстановления спокойствия и применения, в случае надобности, воинской силы» [6, 313].

2 июня 1913 г. по приказу генерала Степанова и начальника штаба Терского казачьего войска генерала Чернозубова в станицах Марьинской и Зольской были срочно мобилизованы, вооружены и отправлены на Зольские пастбища 400 казаков второй и третьей очереди. Таким образом, против безоружных крестьян в первый же день восстания было брошено большое количество хорошо вооруженных воинских частей [6, 39]. В тот же день восставшие на Золке были окружены казачьими сотнями и регулярными частями царских войск. Положение восставших, оказавшихся в окружении, которые расположились на высотах, стало ухудшаться: кончались продукты питания, не было воды и возможности её подвоза, их орудия были направлены прямой наводкой в места скопления восставших.

В этих условиях восставшие пошли на переговоры с генералом Степановым, к которому полномочным был отправлен П. Ирижев, заявивший: «Земля Божья, и потому всякий имеет право на ней пасти скот, а у нас наши коннозаводчики отняли наши земли, и мы отнимаем у них свои же собственные земли». Ответ генерала Степанова был следующими: «Земля действительно Божья, но распределяет эту землю между людьми государь император, и вы обязаны подчиниться его закону» [6, 313].

Командованием было предложено крестьянам, во избежание кровавой с ними расправы, освободить Зольские пастбища и разойтись по домам.

Восставшие не имели подкрепления и помощи из других селений: Тыжево, Абуково, Куркужин; эти селения заняли выжидательную позицию, готовились выступить на помощь к восставшим, однако все они были заблаговременно остановлены воинскими частями и возвращены обратно. В этих условиях к восстанию никто не смог присоединиться, к тому же были получены сообщения о том, что селения восставших заняты войсками и казаками, производят изъятие продуктов и фуража. Данная весть обеспокоила крестьян и внесла растерянность в их ряды. И уже к вечеру 3 июня участники восстания стали покидать Зольские пастбища и угонять скот [6, 42].

После шестидневного сопротивления восставшие крестьяне вынуждены были подчиниться требованию царской администрации. Начавшееся 29 мая массовое движение крестьян Нальчикского

округа 3 июня 1913 г. было подавлено.

Как утверждали профессор Кокиев и Цораев, сведения о количестве участников движения 1913 г. разноречивы, так что пока не представляется возможным сделать окончательные выводы. Но цифры, приводимые ими, могут дать сведения о примерной численности – от 1000 до 3000 человек.

Если принять во внимание почти поголовное участие в восстании всего взрослого мужского населения сельских обществ Наурузово, Тамбиево, Ашабово, частичное участие жителей сел. Кучмазукино, Тыжево, Коново, Атажукино и Атажукино II, то можно предположить, что цифры, исходящие из официальных источников, умышлено занижены. По словам начальника Терской области, в зольских событиях, вышедших за пределы сел. Ашабово, Тамбиево и Наурузово, принимало участие большинство кабардинского народа, а потому «не будь со стороны власти предпринято своевременных мер для подавления беспорядков введением в пределы Кабарды достаточной воинской силы, таковые из аграрной вспышки имели все шансы разрастись в большой стихийный пожар» [6, 314].

Движение 1913 года было примером классического крестьянского восстания, выразившееся массовым выступлением в большинстве своем бедного крестьянства против крупных землевладельцев и коннозаводчиков, которое могло приобрести масштаб крупного социального взрыва на территории Терской области. Позиция крестьян в данном конфликте заключалась в возвращении пастбищных угодий, изъятых у них в ходе апрельского Съезда доверенных. Оказавшись в затруднительном положении и на грани разорения, крестьяне предприняли попытку занять пастбищные угодья. Но из-за плохой организованности и разобщенности, крестьяне не могли противостоять подоспевшим регулярным частям, которые скоординировали свои действия и подавили восстание в стадии зарождения. Что же касается официальной власти, то её позицию можно увидеть в приказе начальника Терской области ген. Флейшера, который пытался разъяснить крестьянам их поддержку коннозаводчикам: «Всю преступность и беззаконье, резко сказавшиеся в их самоуправных действиях... в отношении Зольских пастбищ, предоставленных на известных условиях коневодам из среды кабардинского же народа», при этом указывая, что «подоб-

ные выступления преступны и нетерпимы ни в каком правовом государстве, а поэтому при новом повторении чего-либо подобного не только понесут наказания отдельные общества и лица, как в данное время, но и весь кабардинский народ» [6, 315]. Таким образом, царская власть аргументировала свои действия в рамках правового поля Российской Империи и предотвратила массовые беспорядки на территории Нальчикского округа.

Несмотря на то, что Зольское восстание 1913 года было подавлено, оно стало серьёзным прецедентом, для руководства округа в деле расширения поддержки и создания крупной монополии коннозаводчиков и дальнейшего вытеснения всего мелкого крестьянства с рынка.

Об этом можно судить по постановлениям, принятым управлением округа. Клишбиев постановил 10 ноября 1914г. в Нальчике организовать сбор коннозаводчиков для организации общества коннозаводчиков, которое должно было собрать 2346 р. 40 коп. для командировки в Петроград летом 1915 года депутации для отвода казенных земель для поддержания Кабардинского коннозаводства. Данное постановление содержало следующий текст: «Мы, кабардинские коннозаводчики Нальчикского округа, собравшись сего числа в слободе Нальчик по приглашению Начальника Нальчикского округа, подполковника Клишбиева, для обсуждения и решения некоторых вопросов, связанных с кабардинским коннозаводством, установили: 1) учредить Общество кабардинских коннозаводчиков, 2) для выработки Устава Общества набрать из своей среды Комиссию из трех лиц, а именно: Магомет-Гирея Шипшева из селения Докшукина, Магомета Шалбарова из селения Иналова и Кяшифа Абукова из селения Абукова и вместе с тем просить подполковника Клишбиева принять участие в названной комиссии, 3) размер членского взноса для каждого коннозаводчика, вступающего в члены общества, определить в десять рублей, 4) коннозаводчиков, которые не присоединятся к обществу при его организации, в дальнейшем считать лишенными права на вступление в члены общества и на какую бы то ни было помощь со стороны общества, 5) просить Начальника Нальчикского округа ознакомить и предложить подписать настоящее постановление всем коннозаводчикам, которые не явились на собрание» [9].

Таким образом, на территории Нальчикского округа к 1914 году

была создана крупная монополия коннозаводчиков, окончательно оформившей себя на уровне местного законодательства. В состав данного общества вошли представители самых крупных коннозаводческих фамилий: Лафишевы, Тамбиевы, Шалбаровы, Тавкешевы, Атажукин, Коцев и др. После принятия постановления и создания Общества коннозаводчиков был принят его устав.

После организации Общества коннозаводчиков было отправлено прошение от его имени уполномоченными А. Атажукиным и Г. Тамбиевым в Главное управление государственного коннозаводства прошение, содержащее следующую информацию: «Издавна кабардинские табуны были источником получения военной лошади, и в настоящее время Кубанское и Терское казачье войско кавалерии, Горная артиллерия и Пограничная стража берут из Кабарды до 3000 коней ежегодно; немалое количество лошадей расходуется и населением Кавказа. Но мы отстали от быстро меняющихся условий жизни, мы не успели перейти от чисто табунного на совершенный способ разведения лошадей; в течение лета наши табуны имеют хорошие горные пастбища, но опустившись на зиму вниз, не находят на плоскости прежней накоси, так как теперь вся земля распахивается, и лошади с трудом доживают до весны, когда можно опять идти в горы. От зимней бескормицы наши табуны сокращаются количественно и падают качественно, и мы, чтобы не уничтожить совершенно своего коневодства, просим немного: дайте нам возможность перейти от чисто табунного на более культурный способ разведения лошади; для этого нам временно нужны участки для зимовки табунов, никакими иными способами мы земли этой использовать, не намерены, но чтобы лошади не гибли зимой, необходимы места, где бы можно было накопить на зиму сена. Земли прежней зимовки табунов теперь этой цели служить не могут, и спасти лошадей может только аренда близлежащих казённых, за которые мы согласны платить их настоящую арендную стоимость, и просим только преимущества аренды коннозаводчиков перед другими арендаторами, арендуемыми эти земли для других целей. Таковые казенные земли имеются в Ставропольской губернии под названием Сухопадинского участка мерою около 80000 десятин и участок Ингули Удельного Ведомства».

К сожалению, из-за отсутствия архивных документов сложно су-

дять о том, было ли удовлетворено данное прошение кабардинских коннозаводчиков, и была ли отправлена делегация в Петроград (в 1915 году); одно известно точно – были собраны средства в сумме 2346 р. 40 коп., а об их реализации на практике нет никаких данных. Можно предположить, что этот вопрос был отложен из-за непростой политической и экономической обстановки в Российской Империи в тот период – из-за Первой мировой войны.

Подводя итоги, отмечаем, что в идеологическом плане Зольское восстание 1913 г. представляло собой конфликт интересов большинства с существующей действительностью. Конфликт между традиционной системой землепользования и новыми явлениями в организации хозяйственной жизни: хуторным коннозаводством, арендными отношениями и т.п. Весьма показательно, что после этого события русской администрацией никаких уроков для земельной политики извлечено не было. Несмотря на крупное крестьянское восстание, новый порядок пользования пастбищами остался без изменений, юридически потворствуя формированию монополии.

Наиболее подробно эту ситуацию характеризует С.И. Месяц: «Население нищало, а захватившие хуторные участки спекулировали ими, мало обращая внимания на улучшение коневодства. Ни для кого не секрет, что большинство лошадей, сдаваемых коневодами в ремонт, не принадлежали им, а скупались у мелких коневодов, не получивших хуторных участков.

А между тем этим прикрывались все коневоды, и в настоящий момент многие серьезно верят этому. Мы очень скептически относимся к тем предположениям, что в период от 1912 до 1917 гг. коневодство достигло наибольшего расцвета в Кабарде и было поставлено на правильные рельсы...» [10, 164]. В подтверждение этому предположению заметим, что к 1917 году коннозаводческое производство переживало серьезный перепроизводственный кризис, судя по показателям, в период с 1914 по 1916 годы, коннозаводчиками было продано 19211 голов строевых лошадей за 3 677 405., кроме того, было продано 29696 рабочих лошадей на сумму 3435435 [11,124]. Однако эти показатели отражали количественный, а не качественный рост в способах производства, а он, в свою очередь, испытывал серьезные проблемы, «так как коннозаводчики отстали от быстро меняющихся условий жизни, не успели перейти от чисто табунного

на совершенный способ разведения лошадей» [9]. От зимней бескормицы табуны сокращаются количественно и падают качественно, следствием чего и стало формирование данной монополии управлением Нальчикского округа, для решения вопроса кризиса в технологиях производства, так как многими коннозаводчиками использовались устаревшие методы экстенсивного коневодства требовавшего расширения угодий, а не изменения технологии интенсивного развития.

По данным акта от 14 января 1915 г. хозяйственной комиссии по проверке хуторных участков на Золке и выяснению количества имеющихся у коннозаводчиков лошадей, было установлено, что у 83 коневодов на участке не оказалось «ни лошадей, ни хуторных построек... у некоторых коневодов... даже не скошено сено, засеянное же просо продано вместе с соломой». Также выяснилось, что коневоды «вновь передали другим лицам с половины распахку земли под посев проса на текущий год». В целом «удовлетворительными» были названы только 72 коннозаводчика, а остальные или сомнительными, или «без сомнения» не имеющими «плодовых табунов» [10, 164-165]. Тем самым юридическое оформление хуторного пастбищного землепользования, привело к серьёзным последствиям, вылившимся в Зольское восстание 1913 года, а также не придало должного импульса развитию монопольных форм организации аграрного предпринимательства. Напротив, оно не столько способствовало росту поголовья скота и лошадей, сколько стимулировало спрос на лучшие сельскохозяйственные угодья.

---

1. УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы КБР. Ф.И-40. Оп.1. Д.209. Л.49.

2. Прасолов Д.Н. Аграрные реформы П.А. Столыпина и проблемы трансформации землевладения и землепользования в Нальчикском округе в начале XX в. // П.А. Столыпин и исторический опыт реформ в России. К столетию со дня гибели П.А. Столыпина. Материалы международной научно-практической конференции 28-30 сентября 2011 г. Нальчик, 2005.

3. Кондрашева А. С. Кавказское наместничество и его деятель-

ность на Северном Кавказе, вторая половина 40-х гг. XIX в. – начало XX в.: Дис.... канд. ист. наук. М. 2003.

4. Прасолов Д.Н. Пастбищное и лесное общинное землепользование в Кабарде во второй половине XIX – начале XX в. // Земельные отношения в Кабарде и Балкарии: история и современность. Материалы научно-практической конференции 11 августа 2005 г. Нальчик, 2005. С.85.

5. Щеголев А.И. Крестьянское движение в Кабардино-Балкарии в годы Столыпинской реакции и нового революционного подъема. Нальчик, 1962.

6. Кокиев Г.А. Аграрное движение в Кабарде в 1913 г. // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Сборник статей и документов. Нальчик, 2005.

7. Цораев М.А. Восстания кабардинских и балкарских крестьян в 1913 году. Нальчик, 1963.

8. УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы КБР.Ф.И-6. Оп.1. Д.896. Л.8-9.; Л.40-40 об.

9. Месяц С.М. Пастбищное хозяйство Кабарды. Воронеж, 1928.

10. Мамбетов Г.Х. К вопросу о проникновении капиталистических отношений в экономику Кабарды и Балкарии во второй половине XIX – начале XX веков // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Вып. IX. Нальчик, 1961.

**В.В. Амелян,
магистрант КБГУ им. Х.М. Бербекова
(г. Нальчик)**

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МОЛОДЁЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В статье рассматриваются организационно-правовые аспекты деятельности молодёжных организаций в Российской империи.

Ключевые слова: молодёжное движение, молодёжные общества, молодёжные объединения, студенчество, студенческая корпорация, клубы по интересам.

The article deals with the organizational and legal aspects of youth organizations in the Russian Empire.

Keywords: youth movement, youth societies, youth associations, students, student Corporation, interest clubs.

Молодёжь и молодёжные объединения Российской империи с начала своего возникновения обращали на себя внимание государственных институтов власти, поскольку это наиболее мобильная часть населения, традиционно принимающая активное участие в социальных и политических процессах, особенно в переломные моменты развития общества. Для России такими периодами были рубеж XIX-XX вв. и рубеж XX-XXI вв.

В молодёжном движении дореволюционного и современного этапа развития нашей страны прослеживаются схожие тенденции: отсутствие единой последовательной государственной молодёжной политики, появление «тайных» (XIX – XX вв.) или «альтернативных» (XX-XXI вв.) молодёжных организаций, молодёжных националистических обществ. Для многонациональных и многоконфессиональных территорий, таких, как Северный Кавказ, характерно распространение молодёжного терроризма и экстремизма.

Цель данной статьи проанализировать нормативно-правовую базу возможностей создания и функционирования молодёжных объединений, что позволит определить формы и содержание инициатив молодёжи в переломный момент Российской империи.

Прежде чем начать анализ документальных материалов, необходимо определить, что понималось под «молодёжными объединениями».

ями» в XIX – начале XX вв. и на современном этапе развития общества. Возьмем за основу термины «организация» и «объединение».

«Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля XIX в., так формулирует эти понятия:

Объединение – действие соединять, приводить в единство.

Организация – организм, само дело или вещь [1, 237].

С.И. Ожегов (середина XX в.) в «Толковом словаре русского языка» дает следующие формулировки:

Объединение – организация, общество.

Организация – общественное объединение или государственное учреждение [2, 243].

Современные словари так определяют эти понятия:

Объединение – добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения [3].

Организация – общественное объединение или государственное учреждение, созданное с определенными целями и правилами работы.

Членство в организации определяется уставом [4].

Как видно из приведенных выше формулировок, определение «объединение» в XIX веке в своей основе содержало глагол, то есть рассматривалось как действие, а не как группа людей, так как этих групп, по сути, не существовало. В словаре С.И. Ожегова уже определено как учреждение, а в современной трактовке как некое формирование.

Определение понятия «организация» также претерпело ряд изменений. Единственным термином из указанного ряда понятий, определяющим в XIX в. объединение людей, было понятие «общество».

Таким образом, можно сделать вывод, что эволюция и совершенствование историко-правовых понятий зависит от формирования и развития общественных организаций, в частности молодёжного движения. И в XIX в. молодёжные движения, с правовой точки зрения, были, скорее всего, «молодёжными обществами».

Когда же возникло молодёжное движение в Российской империи, и что стало катализатором этого процесса?

На возникновение и развитие молодёжного движения в нашей стране значительное влияние оказало несколько событий:

- Учреждение университетов, которым в первые годы их существования была предоставлена внутренняя автономия, предполагавшая свободу деятельности студентов и поощрявшая образование различных научных студенческих обществ;
- Националистическая борьба поляков за восстановление Речи Посполитой в границах 1772 г., и воздействие идей Великой Французской революции, ставшие причиной образования молодёжных националистических объединений;
- Реакция передовой молодёжи на действия царя и правительства после войны 1812 г., приведшая к увлечению юношества идеями зарубежных мыслителей и вызвавшая желание переустройства России [5, 73].

Первым правовым актом, где должно было, на наш взгляд, упоминаться о молодёжных организациях (обществах) был «Проект об учреждении Московского университета» (1755 г.), но, кроме учебной работы, этот документ не регламентировал никаких других аспектов жизни студенческой молодёжи, об этом в документе даже не упоминалось, следовательно, не было и запретов [6].

В связи с открытием новых университетов в Вильне, Казани и Харькове в 1804 г. был утверждён первый Общий университетский устав, который дал определенную автономию университетам. В параграфе 11 Устава было предусмотрено создание на базе университетов научных обществ: «К особливому достоинству Университета отнесется составление в недре оного ученых обществ, как упражняющихся в словесности Российской и древней, так и занимающихся распространением наук опытных и точных, основанных на достоверных началах (*exactes*). Университет может споспешествовать им печатанием трудов их и периодических сочинений на иждивении хозяйственной суммы» [7].

Никаких иных корпоративных привилегий для студенческих обществ в основном университетском законе прописано не было. Для этого еще не сформировались должные основания, поскольку студенчество как корпоративная общность в начале XIX в. отсутствовала.

Ко второй трети XIX в. начался процесс его самоорганизации по

интересам в кружки, что уже не могло пройти незамеченным. Правительство своевременно отреагировало на эту зарождающуюся тенденцию корпоративной консолидации студенчества. 10 октября 1834 г. была утверждена специальная инструкция, в соответствии с которой учреждалась должность инспектора студентов. Ему была поставлена задача собирать информацию о своих подопечных: «с кем они живут и общаются, какие имеют способы существования и чем упражняются вне лекций» [8, 156]. Все эти сведения были нужны руководству вузов для предупреждения создания общественных объединений студентов.

Новый Общий университетский Устав 1835г. значительно ограничил самостоятельность университетского управления, поставив университеты под опеку попечителей учебных округов, но не остановил процесса создания студенческих корпораций, что подтвердили студенческие волнения 1857-1859 и 1861-1862 гг., повлекшие за собой остановку занятий в университетах. Министерство народного просвещения активно боролось с волнениями и даже упразднило студенческую общеимперскую форму одежды, так как считалось, что «обязательное и постоянное ношение мундира predisполагало к развитию и укреплению в среде студентов корпоративного духа, который нередко имел последствием неблагоприятных действий студентов» [9, 439].

Однако полицейско-охранительные меры против естественно формировавшейся корпоративной солидарности студентов оказались малоэффективны. Более того, они дали основание русскому хирургу и педагогу, члену-корреспонденту Императорской Санкт-Петербургской академии наук (ИАН) Н.И. Пирогову в 1863 г. при обсуждении проекта устава университетов предупредить его составителей о том, что бюрократически отторгаемая академическим режимом студенческая корпорация «все-таки будет существовать, но уже совершенно незаконная, неорганизованная и вовсе устранённая от нравственного влияния университетов» [10, 187]. Но пожелания Н.И. Пирогова не были учтены.

Корпоративных прерогатив студентов не подтвердил и самый либеральный университетский устав 1863 г., предоставивший известные автономные права профессорской коллегии. Согласно этому нормативному акту, университетам воспрещались любые коллек-

тивные действия – сходки, подача коллективных адресов, жалоб, прошений, выбор депутатов для переговоров с учебным начальством, выражение отношения к преподавателям, устройство в помещениях университетов касс взаимопомощи, библиотек, читален, курительных комнат, организация благотворительных спектаклей, концертов. Однако при обсуждении проекта устава прозвучало мнение сторонников академической автономии о необходимости дать студентам возможность группироваться в товарищества и кружки под наблюдением и за ответственностью университетского начальства.

До конца XIX в. отношение к этому вопросу в правящих сферах колебалось между абсолютным отрицанием студенческого права на корпоративное волеизъявление в делах академических и самоорганизацию, и признанием необходимости во имя «успокоения» студенчества его корпоративной организации.

В уставе императорских университетов 1884 г., разработанном и введенном в действие министром народного просвещения И.Д. Деляновым, одним из краеугольных осталось положение о студентах как «отдельных посетителях университета» [11, 54].

Оно было сформулировано в прилагаемых к уставу «Правилах для студентов и посторонних слушателей императорских университетов»: студенты считаются отдельными посетителями университета, а потому не допускается никакое действие их, носящие на себе характер корпоративный. В Правилах четко определены возможности и запреты студенческого сообщества: подача адресов и прошений за подписями нескольких лиц, посылка депутатов, выставление каких бы то ни было объявлений от имени студентов; устройство в зданиях, дворах и садах университета студенческих читален, кух-мистерских столовых, а также организация театральных представлений, концертов, балов и «других подобных публичных собраний, не имеющих научного характера»; «всякие сборища и сходки с целью обсуждения каких-либо дел сообща, произнесение публичных речей, а равно какие бы то ни было денежные сборы»; «участие в каких бы то ни было тайных обществах и кружках, хотя бы и не имеющих преступной цели» [12].

В связи с всероссийскими студенческими забастовками в 1899-1902 гг. правительству пришлось пересмотреть свою политику за-

прета студенческой корпоративности, и на собранном министром народного просвещения Н.П. Боголеповым совещании пришло к выводу, что проблема заключается в разобщенности студенческой корпорации, и отдаленности её от преподавателей и администрации, в связи с этим необходимо создание при участии администрации кружков на основе науки, спорта, искусства.

Однако тут же последовали запреты. Несмотря на то, что Правилами МВД от 29 апреля 1897 г. разрешалось организовывать общегражданские общественные организации, министр Боголепов 30 ноября 1899 г. вносит предложение о запрещении приема в организации несовершеннолетних учащихся (до 21 года), и о лишении достигших совершеннолетия права на «действительное членство» в них с решающим голосом.

И, хотя эти корректировки не были официально приняты, МВД, утверждая проекты уставов новых общественных организаций, учитывала их.

Данное Правило было изложено в циркуляре от 21 июня 1899 г., в котором признавалось полезным учреждение под непосредственным ответственным руководством профессоров «научных и литературных кружков», а также организация хоров и оркестров «для интересующихся пением и музыкой» [13, 54]. Особое внимание в циркуляре обращалось на регулирование численности кружковцев, дабы их многолюдство не превращало кружки в неуправляемые организации. Циркуляр предписывал учебному начальству сделать «предметом особой заботливости» выбор руководителей кружков, которые бы могли удержать последних «в требуемых границах». Вместе с тем «вредными для спокойного течения академической жизни» в циркуляре признавались любые представительные органы студенчества с выборными депутатами и старостами [14, 57].

Таким образом, циркуляр от 21 июня 1899 г. стал первым ведомственным нормативным актом, ревизовавшим один из краеугольных принципов университетского устава 1884 г., – абсолютный запрет любой формы корпоративной самоорганизации студенчества.

22 декабря 1901 г. Николай II утвердил государственный акт межведомственного действия «Временные правила организации студенческих учреждений в высших учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения», который существовал

но расширил круг и типологию административного разрешения студенческих организаций. Помимо научных и культуртрегерских кружков, правила разрешали открытие студенческих самостоятельных библиотек, читален, столовых, чайных, касс «попечительств для недостаточных студентов». В академический быт студенчества вводились ещё недавно отвергаемые учебной администрацией как деструктивные элементы корпоративного представительства курсовые и факультетские собрания по исключительно академическим вопросам [15, 58].

Важной вехой в области осуществления в России свободы союзов (в современной трактовке – права на объединение) стала революция 1905-1907 гг. В конституционных проектах начала XX в. под свободой союзов понималось право составлять общества и союзы без предварительного разрешения власти в целях, не противоречащих уголовным законам, предоставленное всем гражданам России без исключения.

Свобода союзов была провозглашена в Манифесте от 17 октября 1905 г. и получила разработку во Временных правилах об обществах и союзах, утвержденных именным высочайшим указом Сенату от 4 марта 1906 г. [16]. Они заложили правовые основы для образования и деятельности общественных организаций, создали правовое поле для действий администрации по отношению к ним. Издание этих актов означало признание государством права подданных на самостоятельную сферу деятельности. Прежнее отрицание властью значения общественных организаций заменялось признанием его, хотя и в пределах, которые определялись государством.

Временные правила состояли из двух частей: собственно правил об обществах и союзах и правил о профессиональных обществах, которые учреждались лицами, занятыми в торговых и промышленных предприятиях, а также владельцами этих предприятий.

Временные правила об обществах и союзах провозглашали образование обществ и союзов без правительственного разрешения (ст. 2), т.е. явочным путем, однако сохраняли многие атрибуты действовавшей ранее концессионной системы учреждения организаций. Учредители в обязательном порядке предоставляли губернатору (градоначальнику) заявление с ходатайством о создании организации, которое чиновники могли передать на рассмотрение

губернского или городского по делам об обществах присутствия (ст. 17). Распорядителям (правлениям) обществ предписывалось уведомлять губернаторов (градоначальников) или начальников полиции об изменениях в составе организаций, открытии или закрытии отделений (ст. 32) [17].

Право приобретать и отчуждать недвижимое имущество, иметь денежные средства, заключать договоры, выступать истцом и ответчиком в суде предоставлялось лишь тем обществам, которые были зарегистрированы в установленном порядке. Для этого учредители обществ должны были внести проект устава организации в губернское (городское) по делам об обществах присутствие, которое обязывалось в месячный срок со дня подачи губернатору заявления об образовании общества разрешить регистрацию или отказать в ней (ст. ст. 22-23). (Речь. 1906. 10 марта) [18, 149].

Регистрация обществ производилась путем внесения их в реестр, который велся присутствием. Общество считалось легализованным с момента внесения его в реестр (ст. 23), после чего экземпляр его устава возвращался учредителям с соответствующей визой губернатора (градоначальника) (ст. 24). Регистрации в обязательном порядке подлежали общества, имевшие отделения, а также союзы (ст. 3). Закон не обязывал присутствие к точному указанию оснований отказа в учреждении обществ, а также не указывал путей для обжалования бездействия присутствия в случае превышения им месячного срока регистрации обществ.

Губернаторам (градоначальникам) предоставлялось право вносить на рассмотрение присутствий предложения о закрытии обществ, которые допускали те или иные нарушения, уклонялись от заявленных в их уставах условий деятельности (ст. 33). Губернаторы наделялись также правом приостанавливать действия обществ, представлявших угрозу общественной безопасности и спокойствию или принимавших безнравственное направление, до решения вопроса о его закрытии губернским (городским) по делам об обществах присутствием (ст. 35), а также отдавать распоряжения о проведении местного дознания (ст. 36). Определения губернских (городских) по делам об обществах присутствий могли быть обжалованы лицами, подавшими заявление об образовании общества, в первый департамент Правительствующего Сената (ст. 38). Споры

между губернаторами и присутствиями также разрешались Сенатом (ст. 39).

Временные правила об обществах и союзах вводили ограничения на ассоциирование для отдельных категорий российских подданных. К образованию обществ и участию в них не допускались лица, не достигшие совершеннолетия, а также учащиеся начальных и средних учебных заведений. Устанавливались ограничения также для учащихся высшей школы и лиц, состоящих на военной, военно-морской и иной государственной службе, а также работающих на предприятиях транспорта и связи (ст. ст. 7-12). Действие Временных правил не распространялось на религиозные организации и на общества, образуемые учащимися учебных заведений из своей среды и с разрешения учебного начальства (ст. 4) [19].

Провозглашенная Манифестом 17 октября 1905 г. свобода союзов в правовом отношении была реализована в урезанном виде. Встав во главе правительства, П.А. Столыпин был озабочен тем, чтобы облечь Временные правила об обществах и союзах в форму постоянно действующего закона. Эта задача была поставлена П.А. Столыпиным 6 марта 1907 г., когда он формулировал план деятельности своего кабинета в Государственной думе второго созыва. П.А. Столыпин признал декларативность закрепленных временными правилами свобод, в т.ч. – свободы союзов, которые составляли материальные нормы, воплощающие в себе новые правоотношения, вытекающие из реформ последнего времени. Наряду с актами, устанавливающими свободу слова, собраний, печати, совести, неприкосновенности личности и жилищ, закон о свободе союзов закладывал нормативную базу для формирования в России правового государства, что признавалось Столыпиным одной из главных целей правительства: «Преобразованное по воле Монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое, т. к. пока писанный закон не определит обязанностей и не оградит прав отдельных русских подданных, права эти и обязанности будут находиться в зависимости от толкования и воли отдельных лиц, т.е. не будут прочно установлены» [20, 106].

Таким образом, на протяжении конца XVIII до начала XX вв. шел непрерывный процесс формирования законодательной базы деятельности молодёжных общественных организаций. Сначала в

государственных актах закреплялось признание самого факта существования молодёжных обществ, затем – регламентация их деятельности в рамках университетской жизни, а на завершающем этапе, когда произошёл выход студенческих молодёжных обществ и организаций за пределы высшей школы (системы образования), регулирование их деятельности включалось в более широкий контекст нормативно-правовых актов об обществах и союзах.

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Избранные статьи. / Под ред. Л.В. Беловинского. М., 2004.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений/Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М., 2003.
3. Объединение / электронный ресурс: URL. <http://ru.wikipedia.org/wiki> [Дата обращения: 11.05.2014 г.].
4. Организация / электронный ресурс: URL. <http://slovari.yandex.ru> [Дата обращения: 11.05.2014 г.].
5. Полищук Е.Н. Нормативно-правовое регулирование деятельности студенческих корпораций в российских университетах XVIII – XIX вв. // Юридическая мысль. 2009. № 5.
6. Проект об учреждении Московского университета 12 января 1755г. / Электронный ресурс: URL.<http://www.hist.msu.ru/Science/HisUni/Ustavi/U1755.htm> [Дата обращения: 04.05.2014 г.].
7. Университетский Устав 1894 г. / Электронный ресурс: URL. <http://www.hist.msu.ru/Science/HisUni/Ustavi/shem04.htm> [Дата обращения: 04.05.2014 г.].
8. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры в 3-х томах. Искусство. Школа. Просвещение. М., 1994.
9. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1894. Т. 10. Стб. 54.
10. Пирогов Н.И. Избранные педагогические сочинения. М., 1985.
11. Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004.

12. Правила для студентов и посторонних слушателей императорских университетов/ Электронный ресурс. URL. <http://www.runivers.ru/bookreader/book457636/#page/1/mode/1up> [Дата обращения 05.05.2014].

13. Правительственный вестник. СПб., 1899. 22 июля. № 158.

14. Правительственный вестник. СПб., 1899. 22 июля. № 158.

15. Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004.

16. ПСЗ-III. Т. 26. № 27479.

17. Именной высочайший указ правительствующему Сенату о временных правилах об обществах и союзах / Электронный ресурс: URL. <http://constitution.garant.ru/history/act> [Дата обращения: 08.05.2014].

18. Полищук Е.Н. Нормативно-правовое регулирование деятельности студенческих корпораций в российских университетах XVIII – XIX вв. // Юридическая мысль. 2009. № 5.

19. Именной высочайший указ правительствующему сенату о временных правилах об обществах и союзах / Электронный ресурс: URL. <http://constitution.garant.ru/history/act> [Дата обращения: 08.05.2014].

20. Государственная дума. Второй созыв. Сессия вторая. 1907 год. Стенографические отчеты. СПб., 1907. Т. I.

**И.А. Элимханов,
студент ЧГУ**

**Э.М. Оздамирова,
кин, доцент ЧГУ
(г. Грозный)**

ЧЕЧНЯ В РЕВОЛЮЦИЯХ 1917 ГОДА

В статье рассматриваются революционные события, происходившие в Чечне, в частности, в г. Грозный, в 1917 г.; анализируется участие чеченских и казачьих крестьян на стороне большевиков, которые обещали им свободу, независимость и землю. Описываются события, в которых также принимала участие национальная интеллигенция, уверовавшая в демократические обещания большевиков, разделивших мир на капиталистический и социалистический лагеря. В традиционную жизнь чеченцев эти события внесли кардинальные изменения: в экономическом, политическом, культурном развитии.

Ключевые слова: революция, большевизм, аграрный вопрос, царизм, казачество, горская беднота, Чечня, Грозный, советы, Петроград.

This paper presents the revolutionary events in Chechnya, particularly in Grozny, in 1917.; analyzes the participation of the Chechen and Cossack peasants on the side of the Bolsheviks, who promised them freedom, independence and land. Events in which the national intelligentsia also took part, believed in the democratic promises of the Bolsheviks, and changed the world order and divided the world into capitalist and socialist camps. In the traditional life of the Chechens, these events brought about cardinal changes: in economic, political, cultural development.

Keywords: revolution, Bolshevism, the agrarian question, tsarism, the Cossacks, the Mountain Poor, Chechnya, Grozny, councils, Petrograd.

Февраль 1917 года – детище Первой мировой войны. 23 февраля (8 марта) 1917 года в Петрограде начались демонстрации, требовавшие в основном «хлеба» и «мира». 25 февраля экономические забастовки перерастают во всеобщую политическую стачку под лозунгами «Долой царя», «Долой войну». Происходят столкновения с полицией участников протестного движения. 26 февраля против полиции выступила часть Павловского полка. Полиция фактически перестала противодействовать демонстрантам, и город оказался в руках восставшего народа. Всеобщая антипатия к власти вела к нарастанию стихийных выступлений. 27 февраля члены «Прогрес-

сивного блока» создали временный комитет Государственной думы под председательством М. В. Родзянко, который взял на себя «восстановление государственного общественного порядка». В тот же день по инициативе думской социал-демократической фракции и рабочих был создан Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов (Петросовет). В него вошли умеренные социалисты, в том числе и меньшевики. Петросовет избрал временный исполнительный комитет.

Совет пользовался большим влиянием на рабочие и солдатские массы в казармах. Он упирался на реальную вооруженную силу – на столичный гарнизон. Первым руководителем Петросовета был избран лидер меньшевиков Н. С. Чхеидзе. 28 февраля волнение охватили студенчество Петроградского университета и Горного института. Студенты организовали отряды народной полиции. Гарнизон Петропавловской крепости и экипажи некоторых кораблей перешли на сторону революции. Защищать царскую власть стало некому: она фактически перестала существовать. Император вынужден был пойти на уступки ради сохранения социального мира, но решение создать ответственное перед парламентом правительство запоздало.

Судьба конституционной монархии оказалось в центре переговоров между Временным комитетом Думы и Временным исполнительным комитетом Петросовета. Стороны легко договорились о создании временного правительства, однако разошлись в другом. Думцы считали, что России нужен новый царь, а Петросовет соглашался только на безусловное отречение царя от трона. Временный комитет Думы издал распоряжение, обязывающее солдат вернуться в казармы и подчиниться офицерам, а Временный исполнительный комитет Петросовета под давлением солдатских депутатов издал приказ №1 о предоставлении широких прав солдатам. Этот приказ закладывал основы демократизации армии, что резко снижало ее боеспособность.

Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов становится вторым центром власти. Исполком Петросовета отвергал свое участие во Временном правительстве, но вместе с тем не допускал сосредоточения всей власти в его руках. Между Временным правительством и Петросоветом возникало все больше разногласий.

Кадеты предлагали образовать особый фонд удельных, монастырских, кабинетских и части помещичьих земель и из него наделять крестьян землей за выкуп. Временное правительство настаивало на сохранении в руках командного состава аппарата армии. Петросовет требовал ввести в армию выборные начала и самоуправление. Таким образом, установившееся в стране двоевластие вело к нарастанию противоречий в обществе. Политические события в Петрограде отразились на настроениях народных масс на окраинах имперской России, том числе и в Чечне. Наиболее остро здесь стоял аграрный вопрос.

В результате колониальной земельной политики царизма, еще во второй половине XIX века, на месте бывших чеченских и ингушских земель была создана Сунженская линия казачьих станиц. Царизм ставил горцев и казаков в такие экономические и политические рамки, чтобы посеять между ними семя непреодолимой вражды и ненависти. Практически чеченцы и ингуши оказались вне закона, они были объявлены потенциальными разбойниками, над которыми была установлена неограниченная власть Терского казачества.

Горское население Чечни испытывало острую нужду в земле. Терская область официально была объявлена казачьей областью. В результате такой аграрной политики царских властей население лишилось значительной части своих земель на плоскости, с нарастающей силой испытывало жесточайший земельный голод в бесплодных суровых горных районах.

Обширные земельные пространства на плоскости и в горах Чечни находились во владении казачьих верхов, русских, чеченских и горских офицеров и кулаков. В экономической и политической жизни чеченского народа главным являлся, как уже отмечалось, аграрный вопрос.

В Терской области крайне напряженными были и межнациональные отношения именно из-за нерешенного земельного вопроса. Здесь, с одной стороны, в равнинной Чечне было многоземельное население, где в основном располагались земельные владения зажиточного казачества, пользовавшееся всеми привилегиями, с другой стороны – инородное население и безземельные горцы, которые находились в полном экономическом и политическом подчинении у крупных землевладельцев. Поэтому царским властям и

горским верхам порой удавалось натравливать друг на друга отдельные народы, провоцировать между ними конфликты, нередко приводившие к разгрому целых аулов и станиц.

В горских аулах и казачьих станицах интенсивно шел процесс социального размежевания. Здесь были представлены зажиточная часть сельского населения, офицерство, чиновничество, батраки. Серьезные изменения социальной дифференциации происходили в казачьей станице, где имелись зажиточные слои населения, средняя и беднейшая часть казачества.

В 1917 году царские органы управления в крае в результате Февральской революции практически повсеместно были низложены. Жандармы и городские разбежались, гарнизоны выходили из подчинения воинского начальства. Местными органами Временного правительства становились гражданские исполнительные комитеты. 3 марта был учрежден гражданский комитет во Владикавказе, заявивший претензии на власть во всей Терской области. 4 марта гражданский комитет организовывается в Грозном. Для руководства деятельностью этих гражданских комитетов Временного правительства направило в Терскую область комиссаром казачьего лидера и члена Временного комитета Государственной Думы М.А. Караулова.

Февральская революция побудила к активной деятельности и национальное движение горцев Северного Кавказа. Инициативу захватила и национальная интеллигенция, которая оказалось наиболее подготовленной к политической деятельности.

В марте – апреле 1917 года стали создаваться и местные органы власти горцев: национальные комитеты и комиссариаты в округах. В качестве их организаторов выступили три социальные группы чеченского населения, более остальных склонные к политической деятельности и руководству – национальная интеллигенция, офицерско-помещичья знать и мусульманское духовенство, которые в зависимости от внутренних условий объединялись в блоки и группировки [1, 170].

Одним из самых активных участников революционных событий на Северном Кавказе был М.К. Левандовский. Участник Первой мировой войны, после госпиталя, в конце 1917 года, Михаил Левандовский демобилизовался и решил вернуться домой, в охваченный

революционным движением Грозный. Поезда ходили только до станции Беслан. Дальше в сторону Грозного рельсы были разобраны, мосты взорваны. Ещё в пути Левандовский наслушался рассказов, один страшнее и невероятнее другого о событиях на Тереке от попутчиков, встречных «очевидцев» и беженцев. Действительность оказалась не менее кошмарной. Понять, что происходит в крае, было трудно. Станицы и аулы опоясались окопами. Боевые действия велись с участием всех родов войск: пехоты, кавалерии и артиллерии. Бронепоезд курсировал со своей «прислугой», восстанавливающей разбираемые участки пути, обстреливая прилегающие аулы.

Шагая по проселочной дороге от станицы Червленной к Грозному, М.К. Левандовский с тревогой и болью вглядывался в охваченные пожарищем войны родные места. Какие же темные силы раздули эту чудовищную междоусобицу, эту братоубийственную войну? Встречные казаки говорили, что во всем виноваты горцы, что в Чечне есть некий имам Узун-Хаджи, который поднимает мусульман на войну с русскими под зеленым знаменем ислама, и что в Ингушетии все мужчины мобилизованы для борьбы с казаками. Левандовский слушал их, с недоумением смотрел на развалины Старого-Юрта, на горящие вдали аул Новый-Юрт и хутор Сарахтинский, на чудовищные огненные языки подожженных нефтяных фонтанов Новых промыслов, и не мог ничего понять. Доехав до дома, он выяснил, что обстановка накалилась в области после известий о событиях в Петрограде октября 1917 года, и что на месте казачьи-горские верхи провоцируют межнациональные столкновения [2, 15].

Октябрьские события в Петрограде действительно всколыхнули весь рабочий класс Грозненского нефтепромышленного района, оказали серьёзное влияние на умы и настроения революционно настроенных солдатских масс. Под влиянием указанных событий оказались и массы горской и казачьей крестьянской бедноты.

5 марта 1917 года в городе Грозном был образован Совет рабочих, солдатских и казачьих депутатов. Председателем Грозненского Совета был избран руководитель грозненских большевиков, Николай Андреевич Анисимов.

В период двоевластия и наступления контрреволюции в стране, в том числе и в Грозном, создалась сложная обстановка, потребовавшая больших усилий большевиков в привлечении масс на свою

сторону – в борьбе за большевизацию Советов.

В этих революционных преобразованиях огромную помощь большевикам Грозного оказали опытные революционеры С.М. Киров и Н.А. Анисимов. Под руководством Н. Анисимова и С. Кирова большевики Грозного начали создавать отряды Красной Гвардии, проводить агитационную работу среди воинских частей и крестьянства, готовить вооруженное восстание. Грозненские большевики сумели завоевать большинство в Совете, который стал подлинным выразителем интересов трудящихся всех национальностей, поддерживавших идеи большевизма [3, 48].

В связи с победой большевиков в октябрьских революционных событиях в Петрограде, Грозненский Совет 26 октября 1917 года на своём расширенном заседании провел резолюцию, одобряющую переход всей полноты власти в стране к Советам, решимость защищать завоевания революции. На сторону Советов встал грозненский гарнизон. Н. А. Анисимов был делегатом II Всероссийского съезда Советов. По возвращению в Грозный он разъясняет декреты Советской власти, организывает защиту завоеваний большевиков в Грозном.

Обстановка в Грозном еще более обостряется к концу 1917 года: меньшевики, эсеры, дашнаки всячески тормозили действия большевиков, а контрреволюционные силы устраивали всевозможные провокации, сеяли слухи, готовили прямой удар по революционному Грозному. Силы оказались неравными. Стремясь избежать кровопролития, из Грозного выводятся революционно настроенные части – 111-й полк и 250-я Самарская дружина. Вместе с этими частями на Ставрополь выехал Н. А. Анисимов.

В декабре Грозный оказался в руках контрреволюции. Совет был разгромлен, большевики ушли в подполье. Однако благодаря помощи частей Кавказской армии были созданы условия для дальнейших революционных действий.

В конце декабря 1917 года в Грозном создается Военно-Революционный Комитет (Совет) во главе с Г. З. Ионнисиани. Для борьбы с контрреволюцией Комитет создавал боевые дружины, отряды Грозненской Красной Армии [4, 28].

Чеченцы в массе своей поддержали большевиков не только в период установления Советской власти в Терской области. В пери-

од вторжения белой гвардии Деникина в Терскую область в феврале 1919 года создается Чеченская Красная Армия во главе с Асланбеком Шериповым. На стороне большевиков против белогвардейцев выступил и Узун-Хаджи, глава Северо-Кавказского эмиратства со своими мюридами. Окончательно Советская власть в Чечне была провозглашена в марте 1920 года, изменившая в корне социально-экономическую и политическую жизнь горцев, традиционный быт, повседневность чеченского народа.

-
1. Ахриев И.Г. Гапур Ахриев (Историко-биографический очерк), издание второе. Грозный. 1969.
  2. История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2-х томах Т.И. История Чечни XX начала XXI веков. Грозный, 2008.
  3. Понамарева И.З., Севостьянов М.П. Памяти вечно достойны. Грозный, 1987.
  4. Ефанов К.И. Классовая борьба в чечено-ингушском ауле в период социалистического строительства. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1979. 118 с.

Л.Б. Салихова,
кин, мнс ИИАЭ ДНЦ РАН
(г. Махачкала)

К ВОПРОСУ О ВЫБОРАХ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ (ДАГЕСТАН)

В статье рассматривается на примере Дагестана предвыборная работа, а именно агитация, проводимая противоборствующими сторонами для участия в выборах в Учредительное собрание. Среди источников представлены взгляды современников событий, отобразивших мнение по этому поводу в своих работах. Отмечено, что усилия двух сторон по привлечению избирателей оказались напрасными, Учредительное собрание было разогнано.

Ключевые слова: Дагестан, Исполнительный комитет, Дагестанский мусульманский национальный комитет, Дагестанская социалистическая группа, выборы, Учредительное собрание.

On the example of Dagestan, the paper deals with electoral work, namely, agitation carried out by the opposing sides to participate in elections to the Constituent Assembly. Among the sources are the views of contemporaries of events reflecting their opinion on this issue in their works. It was noted that the efforts of the two parties to attract voters were in vain, the Constituent Assembly was dispersed.

Keywords: Dagestan, Executive Committee, Dagestan Muslim National Committee, Dagestan Socialist Group, elections, Constituent Assembly.

Февральская революция привела к падению самодержавия в России, началась подготовка выборов в Учредительное собрание, которые неоднократно переносились: назначенные на 17 сентября 1917 г. были перенесены на 12 ноября.

Всероссийская комиссия по делам о выборах в Учредительное собрание начала свою работу 7 августа, она занималась вопросами их технической подготовки и проведения. В сентябре городские Думы и земства занялись подготовкой списков избирателей, в октябре были опубликованы кандидатские списки по политическим партиям [1, 101].

Около 50 партий были представлены на выборах в Учредительное собрание, в то время как в избирательных списках было отображено около 220. «Поражало обилие «обывательских» списков губернского уровня (конечно, не имевших шансов на успех)» [2, 929].

Несмотря на это, и от Дагестана предполагалось отправить своих представителей на Учредительное собрание.

Как было отмечено выше, в послеоктябрьский период началась подготовка к выборам в Учредительное собрание. В связи с тем, что долгий период в Дагестане народу внушали, что всё откладывается «до Учредительного собрания», население следило за ходом избирательной кампании. На предстоящее в Петрограде собрание предполагалось направить 3–4 представителей от Дагестана. Ввиду того, что социалисты не желали работать совместно с Исполнительным комитетом, по Дагестану было выдвинуто два списка: от Дагестанского национального комитета и от социалистической группы [3, Л. 4; 4, 197].

В список кандидатов в Учредительное собрание от Терско-Дагестанского избирательного округа вошли в социалистическую группу Джэмал-Эдин Коркмасов, Махач (Магомет-Али) Дахадаев, Магомет-Мирза Хизроев, Абдул-Меджид Зульпукаров, Алибек Тахо-Годи, К. Закарияев (список № 11).

Кандидатами от «Милликомитета» (Дагестанского мусульманского национального комитета) были: Гайдар Бамматов, Магомед Кади Дибиров, Зубаир Темирханов, Ибрагим Гайдаров, Байбала Султанов, Суйфудин Куваршалов, Нажмуддин Гоцинский, Джамалудин Кади Мамаев (Карабудахкентский) (список № 3) [5, Л. 1, 3].

Иронизируя по поводу последнего списка, А. Тахо-Годи писал: «Как видите, список был образцовый, на все вкусы. Даже имам Северного Кавказа, не знавший ни одного русского слова, баллотировался в Учредительное собрание» [6, 36].

Оба списка были разосланы для голосования по округам, тем самым ещё сильнее обострив классовую борьбу в аулах [7, 115], констатировал А. Далгат. Агитация за привлечение голосов избирателей усиленно велась с обеих сторон, в ход шли различные методы. Накануне выборов представители «милликомитета» выпустили следующее обращение: «Социалисты выступают против частной собственности на землю и требуют её обобществления. Такие требования противоречат нашей религии и не в нашу пользу» [8, 139]. Или же Казикумухский национальный мусульманский комитет в период выборов писал, пытаясь очернить социалистов, что те «говорят, что люди не должны быть разные, они

все одинаковые, всё равно мусульманин ли, гяур ли. Как мужчина имеет право развод дать жене, так и женщина должна иметь право уходить от мужа и выйти за другого. Отобрать у кого есть земли» [9, Л. 3]. А. Тахо-Годи, характеризуя агитацию со стороны национального комитета, отмечал, что в период выборов «агенты его стояли у избирательных ящиков и прямо говорили: «это – в рай, это – в ад. Клади, куда хочешь». Нужно было быть большим смельчаком, чтобы голосовать за социалистов, особенно, когда через имама были разосланы директивы всем муллам, кадиям чуть ли не рвать списки и отлучать от ислама крестьян, у которых будут найдены бланки с именами социалистических кандидатов» [6, 36-37].

М.-К. Дибиров, описывая предвыборную кампанию со стороны социалистической группы, писал следующее: «Социалисты усиленно агитировали в народе за свой список, и с этой целью они отправили своих людей в округа. Но всё же большинство народа к ним относилось враждебно как ведущим борьбу с религией и шариатом» [10, С. 44]. «В каждом ауле голосовавших за список социалистов было очень мало – единицы, но это были уже известные в народе революционные активисты» [11, С. 99]. Таким образом, с обеих сторон велась усиленная агитация за выборы их представителей для участия в Учредительном собрании.

26, 27, 28 ноября 1917 г. во Владикавказе проходили выборы в Учредительное собрание, на которых было выставлено 11 кандидатских списков от разных политических организаций. За Дагестанский мусульманский национальный комитет (№3) было подано 69 голосов, а за Дагестанскую социалистическую группу (№11) – 28 голосов [1, С. 106].

Несмотря на то, что за кандидатов от «милликомитета» было подано большинство голосов «... на заседании Учредительного собрания в Петрограде присутствовал только И. Гайдаров, баллотировавшийся по Закатальскому округу (Закавказский избирательный округ № 12)» [12, 119].

Однако Учредительное собрание, открывшееся 5 (18) января 1918 г. в Петрограде, было разогнано большевиками в ночь с 6 (19) на 7 (20) января 1918 г. [2, 931]. Таким образом, старания Дагестанского мусульманского национального комитета и Дагестанской со-

циалистической группы по привлечению избирателей оказались напрасными.

1. Доного Х., Дахдуев Д. Мухаммад-Кади Дибиров. На изломе веков. Махачкала, 2015.
2. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис/ Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2014.
3. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД). Ф. р-610. Оп. 1. Д. 14.
4. Кашкаев Б.О. От Февраля к Октябрю. М., 1972.
5. ЦГА РД. Ф. р-610. Оп. 1. Д. 5а.
6. Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927.
7. Далгат А. В огне революции. Махачкала, 1960.
8. Гаджиев А-Г. Помощь русского народа в установлении Советской власти в Дагестане. Махачкала, 1963.
9. ЦГА РД. Ф. р-614. Оп. 3. Д. 1.
10. Дибиров М.-К. История Дагестана в годы революции и гражданской войны. Махачкала, 1997.
11. Далгат А.М. Страна революционной героики. Махачкала, 1968.
12. Булатов Б.Б., Идрисов Ю.М. Дагестанская интеллигенция в трех революциях. Махачкала, 2007.

Л.К. Пухова,
студентка СОГУ им. К. Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)

СТУДЕНЧЕСТВО СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В 20-30-Е ГГ. XX В.

Статья посвящена вопросу студенчества Северной Осетии в 20-30-х гг. XX в. Выделенный период рассматривается через призму повседневной жизни североосетинского студенчества. Анализируются социально-политические перемены, происходившие в обществе Северной Осетии в первое послереволюционное десятилетие, особенности отображения их в повседневно-бытовой сфере жизни студенчества.

Ключевые слова: студенчество, Северная Осетия, 20-30-е гг., большевизм, первое послереволюционное десятилетие.

The article is on the studenship of North Ossetia in the 20-30s of XX century. The selected period is viewed through the prism of the daily life of North Ossetian students. The social and political changes that took place in the society of North Ossetia in the first post-revolutionary decade, the features of their display in the everyday life of students are also analyzed here.

Keywords: students, North Ossetia, 20-30s, Bolshevism, first post-revolutionary decade.

С первых дней прихода к власти большевики стремились взять под свой контроль всю образовательную систему России. Декретом ВЦИК и СНК от 9 ноября 1917 г. был создан первый большевистский орган по управлению образовательной системой страны – Государственная комиссия по просвещению, рабочим органом которой стал Наркомпрос. В июле 1918 г. Наркомпрос на основании декрета СНК получил все полномочия для формирования и осуществления образовательной политики новой власти. Обширность и сложность задач, стоявших перед Наркомпросом, привели к созданию в апреле 1919 г. Государственного ученого совета (ГУС), в ведении которого и сосредоточилась советизация высшей школы.

В июле 1918 г. Наркомпрос провел первое Всероссийское совещание по реформе высшей школы. На совещании развернулась бурная дискуссия. Оппонентом профессору-правоведу, большевику М.А. Рейснеру и наркому просвещения А.В. Луначарскому выступила группа правых профессоров и преподавателей во главе с ректором Московского университета профессором М.А. Мензбиром.

Противники большевиков высказались против контроля общественных организаций за деятельностью вузов и участия студентов в управлении высшей школой. В результате острой дискуссии были приняты такие важные положения реформы высшей школы, как бесплатность обучения и необходимость демократизации состава студенчества [2, 96].

Принятый Совнаркомом 1 августа 1918 г. декрет «О правилах приёма в вузы» открывал широкие возможности для получения высшего образования представителям пролетариата и беднейшего крестьянства. Эти социальные группы государство обещало обеспечить стипендиями. Само студенчество надеялось, что с приходом к власти большевиков, которые постоянно говорили о своей приверженности подлинной демократии, их мечта о свободной высшей школе наконец-то сбудется. Но они в этом жестоко ошибались. В результате проведения комплекса мер уже к началу 1920-х гг. советскому правительству удалось ликвидировать последние очаги автономии высшей школы. Борьба студентов и профессоров вузов страны за свободную, демократическую высшую школу закончилась поражением. Ни о каком студенческом самоуправлении, ни о какой реформе вузов с целью повышения качества и уровня теоретического образования теперь не могло быть и речи [3, 420].

Сложный процесс реформирования высшей школы в 1920-е гг., политика советизации вузов породили серьезные противоречия и трудности во взаимоотношениях Советской власти и университетской корпорации. Суть происходивших в эти годы изменений системы обучения, сложившейся еще с дореволюционных времен, сводилась в целом к формированию поколения новых специалистов с коммунистическим мировоззрением. Протекавшее в русле реформ изменение учебных программ весомо влияло на учебную и общественную повседневную жизнь будущих «преданных пролетарской идее». Именно в учебной деятельности лидеры Коммунистической партии видели основной долг молодого человека, переступившего порог высшего учебного заведения. Идеологическое закрепление данное положение получило в ноябре 1921 г. в циркулярном письме ЦК РКП(б) «О мобилизации студентов – или же коммунистов высших учебных заведений», в котором указывалось, что главный труд

студента заключается в успешном выполнении им учебных заданий [1, 100-102].

В своей работе по воспитанию у учащейся молодёжи отношения к учебе как к революционному долгу партия исходила из того постулата, что труд, в данном случае, учебный, составляет сущность социалистического образа жизни, пронизывает всё общество, строящее социалистические отношения.

Период 20-х гг. XX века без преувеличения можно назвать эпохальным в истории всего российского высшего образования и основополагающим в истории северо-осетинской высшей школы. Основания для подобных выводов даёт сама политика Советской власти в области высшего образования, которую можно свести к следующим основным принципам: 1) классовый подход к подготовке специалистов во всех областях, 2) как следствие этого – пересмотр учебных программ и планов в сторону расширения общественных дисциплин в соответствии с теоретическими установками марксизма, 3) ликвидация университетской автономии и введение государственного контроля за высшей школой. Несмотря на невероятные трудности периода гражданской войны и послевоенной разрухи, количество вузов в СССР в 1927 г. составило 129, в то время как в довоенной России их было 96 (по другим данным, 105).

Соответственно возросло и количество обучающихся в вузах студентов: 150 тыс. к концу 1920-х, против 121,7 (127,4) в 1914 г. В это время первые высшие учебные заведения появляются и на территории Северной Осетии, их целью стало формирование кадров интеллигенции из национальной рабоче-крестьянской среды [4, 123].

Следует учитывать, что в Северной Осетии в процессе подготовки новой советской интеллигенции большевистское правительство исходило не только из классовых, но и из национальных соображений, стремясь ликвидировать диспропорцию в аудиториях вуза, увеличив контингент студентов-горцев. Но эта цель в исследуемое десятилетие так и не была достигнута, хотя численность горской молодёжи в аудиториях владикавказских вузов неуклонно росла.

Тем не менее, несмотря на экономические трудности, к концу 20-х гг. северо-осетинское студенчество превратилось в реальную силу. Его внедрение в производство решало одну из главных политических и идеологических задач того периода – замены «старых

специалистов» новыми, «красными специалистами». Именно поэтому такие студенческие центры, расположенные в таких промышленно развитых городах, как Ленинград, Москва и другие, всеми способами стремились увеличить число рабочих в вузовских аудиториях. Этой же цели – максимально расчистить дорогу пролетариату и не допустить «социально чуждый элемент» – была подчинена вся процедура направления командированных студентов в вуз.

Регулирование «классовой чистоты» обучаемых осуществлялось следующими способами: 1) командирование в вузы политически благонадёжной молодёжи; 2) расширение сети специализированных учебных заведений для рабоче-крестьянской молодёжи (рабфаки, рабочие университеты и т.п.); 3) исключение из вузов лиц непролетарского происхождения (самое радикальное из всех трёх направлений, репрессивная политика так называемых «чисток» вузов) [2,102].

В 1920-е гг. «новое студенчество» Северной Осетии в своей материально-бытовой повседневности в полном объёме ощутило на себе экономические трудности страны периода «военного коммунизма», нэпа и постепенного отхода от него. Плата за обучение, отсутствие стипендии или крайне низкий её уровень, вынуждавшие студентов тратить время и силы на изыскание вспомогательных источников финансирования, дополнялись комплексом специфических студенческих проблем, связанных с вопросами жилья, поиски которого отнимали слишком много времени. Лишь немногим, преимущественно рабоче-крестьянским студентам, учебное заведение гарантировало общежитие.

В свою очередь, жизнь в общежитии превращалась для студента в настоящее испытание на прочность. Холод, грязь и сырость подрывали его здоровье, а переполненность комнат и довольно частое отсутствие освещения и элементарных удобств не позволяли полностью сосредоточиться на учебном процессе. Отличительной чертой советского массового студенческого досуга являлась его чрезмерная идеологизация и политизированность, которые, в свою очередь, не всегда находили понимание у студенчества. Государство бесцеремонно вмешивалось в приватную сферу досуга с одной лишь целью – сформировать определённый культурный тип

личности, отвечающий идеологическим требованиям нового государства [1, 310].

Таким образом, хотелось бы ещё раз подчеркнуть важность исследуемого нами периода, рассмотренного через призму повседневной жизни северо-осетинского студенчества. В повседневной бытовой сфере жизни студенчества, как в зеркале, отразились все социально-политические перемены в обществе изучаемого региона, проходившие в первое послереволюционное десятилетие.

---

1. Хубулова С.А., Гапеева М.С. «Маленькие люди» в «большой истории»: повседневная жизнь владикавказских обывателей в 1917-1920 гг. Владикавказ, 2007. 359с.

2. Хубулова С.А., Синанов Б.А., Хубулова Э.В. «Красная молодёжь» в вузах СССР: повседневная жизнь в 1920-1930-х гг. Владикавказ, 2009. 160с.

3. Ленин В.И. О приёме в высшие учебные заведения РСФСР: Проект постановления Совета народных комиссаров // Полн. собр. соч. Т. 37. 598с.

4. Гадзаов Б. Славный путь: К 60-летию Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова // Соц. Осетия, 1980.

III. ИСТОЧНИКИ. ИСТОРИОГРАФИЯ

**А.А. Журтова,
кин, ст. преподаватель КБГУ им. Х.М. Бербекова
(г. Нальчик)**

РОССИЙСКО-ЧЕЧЕНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XVI – XIX ВВ. В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье изучены постсоветские историографические источники по проблеме взаимоотношений России и Чечни в XVI–XIX вв. В частности, в ней проанализированы работы Я.З. Ахмадова, Дж. Гакаева, И.М. Сигаури, Ш.А. Гапурова и других современных исследователей, посвящённые проблеме российско-чеченского исторического взаимодействия.

Ключевые слова: историография, Россия, Чечня, Кавказская война, завоевание.

The article examines post-Soviet historiographic sources on the problem of relations between Russia and Chechnya in the XVI–XIX centuries. In particular, it analyzes the works of Ya.Z. Akhmadov, J. Gakaev, I.M. Shigauri, Sh.A. Gapurov and other modern researchers devoted to the problem of Russian-Chechen historical interaction.

Keywords: historiography, Russia, Chechnya, Caucasian war, conquest.

Формирование Российского многонационального государства является одной из наиболее дискуссионных проблем в современной исторической науке. Различное понимание вызывают все наиболее значимые вопросы вхождения малых народов в состав России: причины, характер взаимоотношений, значение для будущего развития этноса. Многоаспектность проблемы обусловила значительный объем публикаций. Это – сборники документов, монографии и статьи, защищенные диссертации и публицистические очерки в журналах и газетах. Историографический анализ взаимоотношений России и народов Северного Кавказа даёт необходимый материал для их ретроспективного анализа и возможности на его

основе выстроить новую линию российско-кавказских отношений в XXI веке.

В процессе исследования проблемы ученые и публицисты дают различные оценки процессу включения Северного Кавказа в состав России. Концептуальные различия «завязаны» вокруг следующих понятий: «завоевание», «военно-политический союз», «вхождение», «добровольное присоединение», «подданство» и др., при этом у разных авторов одна и та же категория наполнена различным фактологическим содержанием. Всё это создаёт сложную палитру мнений и оценок, которые политизируются, идеологически конфликтуют и создают дискуссионное поле, требующее глубокого научного анализа.

Основы отечественного кавказоведения были заложены в дореволюционный период. Его становление и развитие шло параллельно с завоеванием региона Российским государством. Публикации осуществлялись преимущественно военными, офицерами Отдельного Кавказского корпуса, чиновниками, представителями Академии наук. Труды, созданные в XVIII в., носили, как правило, описательный характер. С активизацией военных действий в годы Кавказской войны наблюдается интенсивное изучение региона, что объясняется трансформацией целей и методов российской политики.

В исторической науке 20-80-х гг. XX в. сформировалось несколько концепций по проблеме вхождения северокавказских народов в состав России, произошла трансформация идей от колониального завоевания в первые десятилетия советской историографии до добровольного присоединения в исследованиях второй половины XX в.

Перемены в общественно-политической жизни страны в конце 80 – начале 90-х гг. XX в. выдвинули на первый план работы преодоление границ исторического анализа, задаваемых вплоть до этого времени марксовской схемой истории [1, 4], и многочисленных перекосов в исторических исследованиях. В науке наметился переход от монистической интерпретации истории к объемному плюралистическому толкованию переломных моментов в истории народов. Смена социально-политических основ государственности в начале 90-х гг. XX в. создала особую методологическую ситуацию, в рамках которой, с одной стороны, идет поиск новых теоретико-философских инструментов познания, с другой – наблюдается мобилизация

всего предшествующего исследовательского опыта, познавательного потенциала предшествующих эпох и культур. В результате современная историческая наука, по мнению А.В. Лубского, превращается в «мультипарадигмальную» дисциплину, становясь когнитивным полем многообразных мнений и интертекстуальных «языковых игр», в ходе которых историческая реальность растворяется во множестве научных дискурсов, тропов и смысловых миров [2].

По изучаемой теме за последние годы опубликовано немалое количество работ, в том числе авторами, занимавшимися исследованием русско-вайнахского исторического взаимодействия еще в период господства в историографии марксистской парадигмы. В постсоветской чеченской историографии ярко проявилось резкое неприятие и критика концепции «добровольного присоединения» Чечни к Российской империи, навязанная в начале 80-х годов XX в. научному сообществу.

В частности, Я.З. Ахмадов посвятил вопросам взаимоотношений Чечни и России в XVII–XIX вв. ряд исследований [3]. Анализируя причины, которые обусловили внимание российских властей к Чечне, он подчеркивает, что «выдвижение сугубо колониальных задач» начинается с периода правления Петра I, когда Россию здесь заинтересовало «плодородие почв, рудные богатства, контроль над торговыми путями ... и т.д.» [4, 148].

Автор считает, что многочисленные присяги, которые были принесены в XVII–XVIII вв. старшинами и князьями вайнахских обществ России, нельзя наделять статусом нормативно-правовых актов, «их было принято сотни и тысячи», все они носили формальный характер, и обе стороны смотрели на них как на временное явление. Основным средством Российской империи «в деле покорения Чечни оставалось оружие» [4, 148, 149]. В 20-30-х гг. XIX в., согласно Ахмадову, наступил новый этап в русско-чеченских отношениях. «В отношениях с Чечней Россия по-прежнему отдавала приоритет военным средствам. Но все дело в том, что изменился не только субъект-завоеватель (Россия), но изменился и объект завоевания (Чечня). В новый, XIX в., чеченцы вступают, – утверждает автор, – «сильнейшим» народом Кавказа. Богатые общества с развитым сельским хозяйством и ремеслом, зрелой освободительной идеологией, основанной на положениях ислама, открывают борьбу с наступлением

царизма по всему фронту. В Чечне и Дагестане активизируется процесс создания горского государства. С провозглашением имамом Шамиля этот процесс получает реальное воплощение» [4, 149]. Всё это привело лишь к многолетним кровавым столкновениям с российскими войсками, завершившимися в 1859 г. «оккупацией» Чечни царской армией и за короткий послевоенный период «царизм произвёл здесь классическое колониальное ограбление» [4, 149]. В целом, в постсоветских работах Ахмадова акцентируется внимание на завоевательной, аннексионистской политике России.

Дж.Ж. Гакаев, анализируя предпосылки Кавказской войны, подчеркивает геополитический фактор: «В XVI в. Кавказский перешеек становится объектом притязаний трех великих держав – Османской империи, Сефевидского Ирана и Московской Руси. Кроме того, здесь скрестились региональные интересы крупных северокавказских феодалов, грузинских царей и объединений вольных горских обществ» [5, 16]. В результате первого чеченского официального посольства в Москву, считает автор, в 1588 г., отправленного владельцем Ауха («Окочанская земля») Ших-Мурзой, с Россией установились дружественные отношения. В лице Ших-Мурзы она приобрела «верного и влиятельного в Чечне и на Северном Кавказе союзника».

В XIX в., заявляет Гакаев, «чеченцы вступили... «сильнейшим» свободолюбивым народом Кавказа, ..., претендующим на роль лидера горских народов Кавказа. Это обстоятельство выдвинуло чеченцев на передний план в антиколониальной борьбе горцев Кавказа, а Чечня стала ее оплотом. В результате, – продолжает он, – чеченцы оказались на острие Кавказской войны, развязанной царской Россией. Российская империя, в отличие от Московского царства, уже не нуждалась в горцах, как в союзниках» [5, 18].

Окончательное включение Чечни в состав Российского государства автор относит к 1858 г., а событием, ознаменовавшим конец Кавказской войны, считает завоевание Ауховского общества 15 мая 1858 г. [5, 26].

Свою трактовку изучаемой проблемы дает И.М. Сигаури. Интересен его анализ политики северокавказской феодальной знати, лавировавшей между Россией, Турцией и Персией в решении своих внешне- и внутривнутриполитических проблем. С точки зрения автора, северокавказские политические образования выступали в качестве

«самостоятельного субъекта» международной политики «вплоть до окончательного завоевания края», и местным элитам «приходилось строить свою политику одновременно с учетом двух политических факторов» [6, 238]. Первый фактор – это противоречия на региональном уровне, связанные с острой борьбой за лидерство; второй – вмешательство великих держав во внутренний политический процесс. Наличие этих двух факторов, согласно Сигаури, делало политическую ситуацию на Северном Кавказе чрезвычайно взрывоопасной. При наличии такого клубка противоречий решение любого спора неизбежно приводило к военным столкновениям [6, 238].

Изменения в российской политике по отношению к Северному Кавказу начинают происходить в XVIII в. По мнению Сигаури, «если до Петра I политика России в отношении северокавказских народов определялась в основном ее противостоянием с Турцией, Крымом и ... Ираном, то теперь на первый план выходят задачи чисто колониальные. Речь идет о колонизации края, широком использовании его природных ресурсов» [6, 243, 244]. Курс на окончательное завоевание Северного Кавказа был взят после завоевания Закавказья и завершения наполеоновских войн. В 1818 г. на р. Сунжа закладывается крепость Грозная. Затем начинается период бесконечных военных столкновений.

Автор полагает, что ситуация изменилась в начале 50-х годов XIX в.: «Чечня, которую российское командование считало главной житницей имамата и главным поставщиком живой силы, была обескровлена и разорена. Вырубая многокилометровые просеки в гуще лесов, российские войска занимали стратегически выгодные районы, где спешно возводились укрепления с многочисленными гарнизонами... Потеря равнинных земель была для чеченцев равнозначна национальной катастрофе» [6, 298]. Это облегчило процесс завоевания Чечни, который завершился в 1859 г. После окончания Кавказской войны она перестала быть «самостоятельным субъектом мировой политики». Таким образом, Сигаури, как и Я.З. Ахмадов, является сторонником идеи о насильственном присоединении чеченского народа в середине XIX в. Интересно не только концептуальное, но иногда и текстуальное совпадение фактов у обоих авторов.

Укрепление государственности в РФ и в Чеченской Республике в начале XXI века, ограничение и локализация военных действий,

наведение гражданского порядка изменили акценты в научных публикациях чеченских исследователей [7, 344]. Появились исследования, где предпринимаются попытки анализа российско-чеченского исторического взаимодействия сквозь призму сотрудничества и взаимопомощи.

Данная тенденция, в частности, прослеживается, в исследованиях Ш.А. Гапурова. Он утверждает, что взаимная заинтересованность чеченских обществ и царских властей в мирных политических отношениях привела к установлению между ними военно-политического союза в 1588 г., который широко отмечался в 2008 г. как праздник 420-летия установления добрососедских отношений между чеченцами и Россией [8, 5].

Говоря о факторах, повлиявших на установление более тесных связей между Чечней и Россией в начале XIX в., автор выделяет целый комплекс «геополитических, экономических и международных факторов». Российские власти понимали важность Кавказа «как военно-стратегического плацдарма для проведения своей восточной политики». Кроме того, «эксплуатация Кавказа, по территории которого пролегали торговые пути из Европы на Средний Восток, могла принести большие прибыли государственной казне» [9, 224]. В связи с этим, уже в последней трети XVIII в., по мере усиления здесь России и ослабления ее соперников в регионе – Ирана и Турции, «царизм всё более активно начинает переходить от союзнических отношений с чеченцами к их прямому подчинению». С 1818 г., со строительства крепости Грозной, начинается Кавказская война, «самая трагическая страница в российско-кавказских отношениях» [8, 6].

Борьба народов Чечни и Дагестана в 20-50-е годы XIX века, подчеркивает Гапуров, носила «народно-освободительный, антиколониальный характер». Итоги Кавказской войны «имели огромное геополитическое значение» для России, поскольку она, по сведениям историка, «обеспечила свою безопасность на юге; создала условия для мирного освоения Северного Кавказа как составной части империи; лишила иностранные державы возможности вмешательства в кавказские дела; в заметной степени восстановила свой престиж после поражения в Крымской войне» [10, 268].

С точки зрения исследователя, присоединение Чечни к России стало результатом «не только военных действий, но и закономер-

ным итогом политико-дипломатических контактов, торгово-экономических связей между Чечней и Россией, становление которых началось в конце XVI века и которые развивались..., не прерываясь даже в страшные годы Кавказской войны, которая стала общей трагедией и для русского, и для чеченского народов» [10, 269]. Таким образом, в исследовательских подходах Ш.А. Гапурова переплетаются традиции советской историографии начального периода ее развития, когда историками подчеркивался колониальный характер российской политики в регионе, и части современных исследований, в которых демонстрируется союзнический характер русско-чеченских взаимоотношений в XVI–XVIII вв.

Таким образом, большинство современных чеченских исследователей обосновывают концепцию о российском завоевании Чечни в ходе Кавказской войны. При этом авторы подчеркивают наличие у Чечни в XIX в. статуса независимого субъекта международной политики. Во многих работах подчеркивается взаимовыгодный, союзнический характер российско-вайнахских связей в XVI–XVIII вв. Подобный подход свойственен большинству современных северокавказских исследований, поскольку национальные историки стремятся продемонстрировать равную степень вклада народов Северного Кавказа и русского народа в развитие Российского государства. Едины исследователи в одном: взаимоотношения России с народами Северного Кавказа всегда носили сложный характер; за период многовекового взаимодействия эти отношения испытали и мирное сосуществование, сотрудничество, и трагические военные столкновения.

---

1. Боров А.Х. Проблема синтеза в историческом кавказоведении // Исторический вестник ИГИ КБР и КБЦ РАН. Нальчик, 2008. Вып. VI.

2. Лубский А.В. Постмодернизм и историческая наука // URL: http://teoretik.info/index.php?option=com_content&view=article&id=109:2012-03-10-17-55-14&catid=68:2012-03-10-13-48-38. (дата обращения: 01.07.2012).

3. Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. Грозный, 1991; Его же. История Чечни с древ-

нейших времен до конца XVIII века. М.: Мир дому твоему, 2001. 426 с. и др.

4. Ахмадов Я.З. Взаимоотношения Чечни и России (вторая половина XVI – середина XIX вв.) // Чеченцы: история и современность / Под ред. Ю.А. Айдаева. М., 1996.

5. Гакаев Дж. Очерки политической истории Чечни (XX век). М.: Чеченский культурный центр, 1997. Ч. 1, 2. 473 с.

6. Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. М.: Русская жизнь, 1997. 366 с.

7. Кузьминов П.А. Эпоха преобразований 50–70-х годов XIX века у народов Северного Кавказа в новейшей историографии. Нальчик: Печатный двор, 2011. 536 с.

8. Гапуров Ш.А. Россия и Чечня: этапы многовекового содружества // Россия и Кавказ: история и современность. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 1150-летию зарождения российской государственности. г. Грозный, 19-20 июня 2012 г. Махачкала, 2013.

9. Гапуров Ш.А., Саралиева Л.Ш. Из истории российско-северокавказских взаимоотношений конца XVIII в. // Россия и Кавказ: история и современность. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 1150-летию зарождения российской государственности. г. Грозный, 19-20 июня 2012 г. Махачкала, 2013.

10. Гапуров Ш.А., Израйилов А.М., Товсултанов Р.А. Чечня на завершающем этапе Кавказской войны (страницы хроники русско-горской трагедии XIX века). Нальчик, 2007.

М.Х. Загазежева,
аспирант НОЦ КБНЦ РАН
(г. Нальчик)

ПРОБЛЕМА ЧЕРКЕССКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ АДЫГСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Статья посвящена исследованию адыгско-российских отношений в научном наследии адыгских просветителей. В работе рассматриваются взгляды представителей адыгской интеллигенции на политику России на Кавказе. Сформулирована и обоснована мысль о том, что решающее влияние на формирование мировоззрения просветителей оказал исторический контекст.

Ключевые слова: адыгские просветители, культурное пространство, мировоззрение, сотрудничество, интеграция.

The article is devoted to studying of the Adyg-Russian relations in the scientific heritage of the Adyghean educators. The views of the representatives of the Adyghean intellectuals on Russian policy in the Caucasus are considered in the work. The author for the first time formulate and justify a thesis that historical context influenced cardinaly the worldview formation of the Adyghean educators.

Keywords: Adyghean educators, cultural space, worldview, partnership, integration.

Историческое развитие России утвердило устойчивый и непреходящий принцип её многонациональности. Важное культурно-воспитательное значение изучения позитивных аспектов прошлого актуализирует обращение исследователей к представителям национальной интеллигенции и их вкладу в процесс интеграции своих народов в Российское государство. Касается это и феномена адыгского просветительства, остающегося в сфере научных интересов современных исследователей.

Современная Россия переживает весьма сложное и противоречивое время, когда происходят существенные изменения во всех сферах жизни общества. Учёными, представителями политической элиты и общественностью активно ведутся поиски наиболее оптимального существования и дальнейшего развития государства в новых условиях. И эти поиски будут результативными только в том

случае, если они будут вестись с учетом ментальности, культуры каждого народа, населяющего страну. В этой связи нам представляется важным изучение жизни, деятельности, взглядов адыгских просветителей, стремившихся как раз к выработке наиболее приемлемых вариантов вовлечения адыгского народа в состав России. Для глубокого понимания мировоззрения адыгских просветителей необходимо понять ту сложную историческую ситуацию, в которой им выпало жить, действовать и творить.

Изучение просветительской мысли адыгов в указанном направлении представляется интересным еще и потому, что она является одновременно и взглядом «изнутри», и взглядом «извне». Ведь творчество адыгских просветителей пришлось на сложный исторический период, когда шел процесс интеграции народов Северного Кавказа, в частности адыгов, в политическое, социально-экономическое и культурное пространство Российского государства. Адыгские просветители принадлежали к разным культурным мирам: адыгскому и русскому; они получили образование в российских учебных заведениях, контактировали с представителями передовой общественной мысли России, находились на российской военной и гражданской службе. Шора Ногмов служил в Отдельном Кавказском корпусе в Тифлисе, затем работал секретарем Кабардинского временного суда; Хан-Гирей являлся командующим Кавказско-горского полуэскадрона, Адиль-Гирей занимал должность командующего Кавказского конно-горского дивизиона, а затем – командира Кубанского казачьего дивизиона; Казы-Гирей в чине штаб-ротмистра служил в Кавказско-горском полуэскадроне. Наряду с этим, просветители прилагали неимоверные усилия для просвещения своего народа, создания письменности на родном языке, учреждения школ. Для этого они содействовали российской власти в процессе присоединения народов Северного Кавказа к России, но активно выступали против насильственных методов присоединения.

Как отмечает С.А. Айларова, адыгская интеллигенция возникла на «скрещении автохтонного и российского обществ, на том историческом «перекрёстке», на котором встретились, вошли в контакт элементы горского «социума», уклада традиционной горской жизни... и русской культуры» [1, 31]. Можно сказать, что появление адыгской интеллигенции явилось результатом роста национального самосо-

знания адыгов, но этот процесс «значительно ускорился и стимулировался воздействием на них идей русского просвещения, русской культуры, русской общественно-политической мысли» [2, 4].

Такая двойственность положения адыгских просветителей нашла отражение практически во всех их художественных произведениях и историко-этнографических трудах. В качестве примера приведем отрывок из рассказа Султана Казы-Гирея «Долина Ажитугай», который, на наш взгляд, более всего характеризует то сложное положение, в котором находились адыгские просветители указанного периода. Через восприятие лирического героя автор выражает свои мысли, чувства: «...думал ли я, десять лет тому назад, видеть на этом месте русское укрепление и иметь ночлег у людей, которым я грозил враждою, бывши ещё дитятею. Все воинские приемы, к которым я приноравливался во время скачек на этом поле, всегда были примером нападения на русских, а теперь я сам стою на нем русским офицером» [3, 204].

Проблема черкесско-российских взаимоотношений – одна из центральных в творчестве адыгских просветителей первой половины XIX века. Их жизнь и деятельность совпала с разгаром, а затем – затуханием Кавказской войны. Находясь по долгу службы в гуще событий, решавших судьбу их родины, они выступали за единение с Россией, в которой видели могущественное государство, способное защитить адыгов от восточных завоевателей, положить конец племенным распрям, создать верные условия для их экономического и культурного процветания, улучшения социального порядка, политической стабилизации. Так, например, Казы-Гирей в одном из своих писем отмечал: «Россия стала вторым моим Отечеством, не менее родным, и её пользы не менее драгоценными, тем более, что из пользы России только может истечь благо моего родного края» [4, 131].

Единение адыгов с Россией – основная политическая концепция адыгских просветителей первой половины XIX века. Они осознавали сложность геополитического положения адыгских обществ, в котором они оказались из-за обострения и углубления противоречий между великими державами, претендовавшими на Кавказ. Так, Исмаил Атажукин был уверен, что только Россия может предотвратить физическое уничтожение адыгов, защитить их. Он говорит: «Поло-

жение нашего края подле сильного государства должно обратить наше внимание, дабы сохранить себя и пользоваться нашим имуществом в спокойствии... Благоразумие наших предков, которых память нам любезна... советовало нам жить под защитой сего великого государства» [5, 140].

Таких же позиций придерживались и остальные просветители. Как отмечает С.Н. Жемухов, «политической целью сочинений Хан-Гирея, Ногмова и многих других адыгских общественных деятелей, находившихся на российской службе, являлось обоснование взаимоотношений России и адыгов» [6, 68]. Просветители отмечали важность политической ориентации адыгов в середине XVI века на Москву, вызванной крымско-османской агрессией; подчеркивают общую заинтересованность двух народов в борьбе с внешними врагами. Эти авторы видели перспективу развития своего этноса только в союзе и дружбе с Российским государством [7, 133]. По мнению просветителей, «боевое содружество ...является одним из важнейших факторов становления союзнических отношений» между Российским государством и адыгским народом [7, 133].

Султан Хан-Гирей полагал, что присоединение адыгов к России необходимо осуществлять не военными методами, а путем изучения и учёта своеобразия социально-экономического строя адыгского народа. Просветитель активно занимался поиском альтернативы военно-колонизаторской политики царизма на Кавказе, пытался выработать мирные способы установления российской власти в этом регионе. Для выражения подобной позиции он употреблял следующие выражения – «приведение черкесского народа в гражданское состояние кроткими мерами с возможным избежанием кровопролития», «водворение в Черкесии тишины и благоустроенного порядка» [8, 272].

Хан-Гирей подчеркивает, что такая просвещенная страна, как Россия, покоряет черкесов не в целях корыстной выгоды, а для блага самих же «туземцев». «Обязанности мои по службе, – пишет Хан-Гирей, – ...доставляли мне неоднократно случай быть свидетелем тех пожертвований, которые правительство делает для блага кавказского края» [9, 45].

В «Записках о Черкесии» Хан-Гирея читаем: «Черкесы на собственном языке не имеют книг, ибо лишены лучшего приобретения

человеческого разума – письмен» [9, 45]. Мы видим, что одной из первостепенных своих задач просветители считали создание письменности родного языка, распространение просвещения через светские школы, постановка образования на государственную основу. Во многом деятельность представителей адыгской интеллигенции по укреплению, углублению связей между адыгами и Россией была подчинена важной задаче приобщения своего народа к русской культуре, европейской ментальности.

Содействие упрочению дружеских отношений адыгов с Россией, просвещение народа – основные задачи деятельности Ш.Б. Ногмова. Его труд «История адыгейского народа» пронизан идеей крепкой дружбы черкесского и русского народов. Просветитель видел в России большую силу, которая способна дать адыгам прекрасное будущее. Особое внимание Ногмов уделял боевому сотрудничеству адыгского и русского народов. Он подчёркивал, что «более всего народ был обрадован союзом и покровительством России» [10, 144].

Сложные условия Кавказской войны повлияли также на мировоззрение Султана Адиль-Гирея, который сам непосредственно принимал в ней участие. Он был непосредственным исполнителем директив царя, однако высказывал критические замечания в адрес военного командования. Адиль-Гирей отмечал, что кавказские чиновники применяли «крутые меры», которые «восстанавливали против русских» горское население [11, 491].

Адиль-Гирея глубоко волновала проблема просвещения народа. Он считал образование горцев одним из действенных средств их развития по пути прогресса, привлечения их на сторону России. Он горячо поддерживал молодых горцев, обучавшихся в русских учебных заведениях, с интересом следил за опытами создания письменности родного языка. Где бы ни находился Адиль-Гирей, он всегда был связан делами и помыслами с родиной, стремился принести ей посильную помощь и пользу. Будучи очевидцем и участником Кавказской войны, видя неисчислимы бедствия, принесенные и приносимые ею горцам, Адиль-Гирей понимал, что мирный исход её зависит от дружбы народов. Именно этим отчасти было продиктовано его обращение к литературному творчеству. Через свои произведения он знакомил русского читателя с историей, бытом и культурой родного народа и тем самым способ-

ствовал сближению русских с горцами. Но творчество просветителя знаменовало и пробуждение национального самосознания образованной части горцев, осознававших необходимость и важность изучения своего края, развития национальной культуры и литературы.

Таким образом, важным содержанием просветительской мысли черкесов была пропаганда тесного сотрудничества и сближения адыгов с Россией и приобщения их к ее культуре. Важно подчеркнуть, что черты мировоззрения адыгских просветителей первой половины XIX века определялись историческим контекстом эпохи, в которую они жили. Сложные условия Кавказской войны, в которой они принимали непосредственное участие, наложили отпечаток на их взгляды, убеждения, образ мышления. Они были представителями народа, участвовавшего в войне с Российской империей. При этом их становление как общественных деятелей и писателей проходило в русскоязычной культурной среде. Адыгские просветители сумели посмотреть на ситуацию в более широком контексте, чем предполагало их время, и предложить альтернативу насильственному включению горцев в состав России. Ими был предложен целый ряд мер по мирной интеграции черкесов в правовое, политическое и культурное пространство России, предполагавшей взаимовыгодный культурный обмен при сохранении национальной самобытности.

---

1. Айларова С.А. Общественная мысль народов Северного Кавказа в XIX веке: культурно-исторические проблемы модернизации. Владикавказ, 2003.

2. Хашхожева Р.Х. Адыгские просветители XIX – начала XX века. Нальчик, 1993.

3. Султан Казы-Гирей. Долина Ажитугай // Шаги к рассвету. Адыгские писатели-просветители XIX века. Избранные произведения. Краснодар, 1986.

4. Центральный государственный исторический архив, ф. 932, оп. 1, ед. хр. 88, л. 1. Цит. По: Хакуашев А.Х. Адыгские просветители. Нальчик, 1978.

5. Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961.
6. Жемухов С. Н. Мировоззрение Хан-Гирея. Нальчик, 1997.
7. Дзамихов К.Ф. Адыги: вехи истории. Нальчик, 2008.
8. Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем. Санкт-Петербург, 1836. / Нагоев М.Б. Общественно-политическая мысль адыгов в первой половине XIX века: документы и материалы. Нальчик, 2007.
9. Султан Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978.
10. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1947.
11. Адиль-Гирей. Обзор последних событий на Кавказе // Военный сборник. 1859. Т. 10.

И.С. Тахушева
аспирант Северо-Кавказского института – филиала
РАНХиГС при Президенте РФ,
(г. Пятигорск)

СПЕЦИФИКА КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ В КОРРЕСПОНДЕНЦИЯХ
РОССИЙСКОГО ОФИЦЕРСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ
ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ЖУРНАЛОВ «СОВРЕМЕННОК»
И «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ»)

В статье анализируются публикации о Кавказской войне в ведущих столичных журналах «Современник» (1836-1866) и «Отечественные записки» (1818-1884). В редакции часто поступали письма и корреспонденции с Кавказа офицеров, находившихся в гуще событий и изнутри изучавших жизнь горского социума. По их наблюдениям редколлегия журналов пришла к мысли о необходимости использования мирных методов покорения Кавказа.

Ключевые слова: «Современник», «Отечественные записки», журнал, либерально-демократическая печать, Кавказ, Кавказская война, российское офицерство, офицеры-кавказцы, корреспонденция, рецензия, статья, критика

The article analyzes the publications about Caucasian War in the leading capital journals «Sovremennik» (The Contemporary) (1836-1866) and «Otechestvenniye Zapiski» (The Domestic Notes) (1818-1884). The editorial office often received letters and correspondence from the Caucasus from officers who were in the thick of things and from inside studied the life of mountaineers. According to their observations, the editorial boards of journals came to the conclusion that it was necessary to use peaceful methods of conquering the Caucasus.

Keywords: «Sovremennik», «Otechestvenniye Zapiski», journal, liberal democratic press, Caucasus, Caucasian War, Russian officers, officers-caucasians, correspondence, review, article, criticism.

Одной из наиболее острых проблем XIX в. было военное противостояние имперской России и горских народов. Редакторские коллективы либерально-демократических журналов «Отечественные записки» (1818-1884) и «Современник» (1836-1866) одними из первых обратили пристальное внимание на борьбу народов Северного Кавказа за свою свободу, в силу чего оставили обществу значительный корпус исторических и историографических источников.

Достоверной информации о ходе войны было мало. Победные реликвии, публиковавшиеся в официальных газетах и журналах, от-

нюдь не отражали истинного положения дел. Непосредственно в период боевых действий наиболее содержательным источником сведений были письма офицеров-кавказцев [1, 64], публиковавшиеся в либерально-демократических периодических изданиях. По-видимому, редакции «Современника» и «Отечественных записок», членами которых были известные писатели и поэты, революционные демократы Н.А. Некрасов, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов и др. поставили задачу сформировать определённое общественное мнение о действиях российского правительства на Кавказе.

В 1830-1840-х гг. в связи с политической конъюнктурой в стране и цензурными препонами публицисты не имели возможности печатать политическую информацию и давать оценку правительственным действиям, в том числе способам покорения Кавказа. Однако «Современник» и «Отечественные записки» размещали отзывы на новые книги, авторами которых были видные военачальники. Корреспонденты журналов через критико-библиографические статьи, безобидные рецензии на труды кавказских офицеров завуалированно выражали свою позицию в войне и о человеке на войне. Журналы стремились показать объективную картину политической ситуации и крупнейших военных экспедиций, побед и поражений в них как русских, так и горских войск.

Среди публикаций этого периода выделяются рецензии «Современника» на воспоминания русского офицера А.А. Неверовского [2, 85-100, 1-32] и будущего военного министра Российской империи Д.А. Милютина [3, 19-24].

В начале 1840 г. Александр Андреевич Неверовский (1818-1864) был зачислен в Генеральный штаб и назначен в отдельный Кавказский корпус. Пятилетняя служба на Кавказе протекла для Неверовского в многочисленных экспедициях и сражениях с горцами. Он числился в войсках Прикаспийского края и Кавказской линии. Трудности боевой походной жизни не помешали, однако, ему ознакомиться близко с краем и написать целый ряд исследований и статей, являющихся ценным материалом для изучения Кавказского края.

В трудах Неверовского были освещены: пролог военных действий в Дагестане – появление первого имама Кази-Муллы, его набеги на станицы и крепости Кавказской линии, описание Северного и Среднего Дагестана с приложением небольшой карты, сведения

о нравах и политико-правовой организации дагестанских обществ, военные действия на Кавказе в 20-е гг. XIX в. Опираясь на эти сведения, журнал предложил читателям небольшой, но достаточно содержательный очерк о Кавказе. Для российского читателя, интересующегося далеким регионом, публикуемые материалы о военных экспедициях, а также топографические, статистические и исторические данные от ведущего российского издания были особенно интересны, поскольку давали необходимую ему информацию. Вместе с тем, колонизируемый регион был слабо изучен и тем более освоен, поэтому он не мог быть описан подробно и точно. В силу этого, по признанию редакции, сведения о нравах и общественно-политических учреждениях дагестанцев, сообщаемых подполковником Генерального Штаба Неверовским, лишь частично удовлетворяли любопытство читателя в объективной информации.

Очерк военного историка и теоретика, будущего военного министра Дмитрия Алексеевича Милютина (1818-1912) «Описание военных действий 1839 г. в Северном Дагестане» [3, 19-24] был глубоко проанализирован сотрудниками «Современника». Полковник Милютин, участник экспедиции 1839 г. в Дагестане, собрал интересные сведения о горцах и военных действиях против них и издал их в 1850 г., в том числе и о ключевом сражении этого похода, осаде Ахульго. При всеобщем интересе российского народа к делам Кавказа публикация в журнале отзыва о наблюдениях Милютина была вполне закономерна. В очерке нарисована картина, дающая читателю понятие о Кавказской войне даже не знакомому с этим регионом и удовлетворяющая любопытство общества в отношении знаменитой восьмидесятидневной осады горского укрепления Ахульго [3, 20]. Положительный тон редакции о размышлениях Милютина, считавшего необходимым проводить более гибкую политику на Северном Кавказе, позволял думать о сочувствии дореволюционного журнала к горцам.

Во второй половине 50-х годов XIX в. редколлегия «Современника», в связи с общим курсом Александра II на либерализацию общественной жизни, получила возможность освещения и анализа на своих страницах политических вопросов, отводя материалам по актуальным общественным проблемам до 40-50 % объема журнала. В сентябре 1857 г. после структурной реорганизации вместо отде-

ла – «Заметки о журналах» в «Современнике» появился новый отдел «Современное обозрение», в котором стали публиковаться острые статьи о поражении в Крымской войне, язвах крепостничества, открытии губернских комитетов по улучшению жизни зависимых крестьян, завоевании Кавказа.

Одним из постоянных публицистов нового отдела стал полковник А.Л. Зиссерман (1824-1897), зарекомендовавший себя талантливым военным корреспондентом. С юности Арнольд увлекался произведениями А.А. Бестужева-Марлинского, в особенности его рассказами о Кавказе, и мечтал попасть в эти края. В 17 лет он послал прошение тифлисскому губернатору о принятии его на службу в его ведомство. Через полгода прошение юноши было принято, и 18-летний Арнольд Зиссерман в 1842 г. поступил на гражданскую службу в Тифлис в палату государственных имуществ. В 1849 г. он перешел на военную службу. Служил в разных частях кавказских войск. Участвовал в Табасаранском походе, взятии Гуниба, в закубанских походах в составе Адагумского отряда и других экспедициях против горцев.

Прослужив в гражданских и воинских чинах на Кавказе четверть века, Зиссерман имел возможность наблюдать противостояние имперской власти и горцев, изучать особенности менталитета, политическое и общественное устройство кавказцев: «Постоянной наблюдательностью, расспросами, сношениями с туземцами я узнал в подробности их нравы, образ жизни, взгляды и наклонности, и впоследствии в обществе туземцы почти забывали, что я русский, однако перестали при мне пускаться в ругательства и насмешки. При этих условиях и жизнь моя стала разнообразнее и легче; я стал находить в этой воинственной, полукочевой жизни своего рода поэзию и, наконец, пристрастился к ней до того, что изменить ей и расстаться со средой, у которой я приобрёл уважение, казалось мне невозможным» [4, 27-28]. Преодоление языкового барьера и межкультурных границ помогли Зиссерману успешно решать многие вопросы социальной и политической жизни местных жителей, убедить их в преимуществах стабильного развития в рамках российской государственности [5, 185].

Участвовавший во многих горячих схватках с горцами, Зиссерман с 1854 г. делился своими впечатлениями с подписчиками «Со-

временника». Его корреспонденции с Кавказа часто поступали в редакцию журнала [6, 31-43, 5-38, 1-42, 5-42]. В них достоверная информация о военных столкновениях в регионе соприкасалась с отображением образа горца. Так, «Очерк военных действий на левом крыле Кавказской линии в течение 1858 г.» знакомил читателя с краем, составлявшим Левое крыло Кавказской Линии (Ингушетия, Кумыкия, Чечня, Дагестан), с положением в нём русской армии и с ходом происходивших там событий и др. Вместе с тем, являясь активным проводником правительственной политики, он писал, «что Кавказские рыцари почти исключительно дикари-хищники, которым нужна свобода грабить и жить без всякой узды, без всякого уважения к правам другого племени», что князья разных Черкесских родов, сознавая неизбежность потери влияния при Русском владычестве, поддерживаемые Турецкими пашами, подстрекали массы к борьбе, а подстрекать было тем легче, что горцы боялись потерять торговлю по Черноморскому побережью с Турецкими кочермами, на которые сбывался живой товар для гаремов» [7, 602-603]. Несмотря на такую оценку Зиссерман демонстрируя качества настоящего «кавказца», проявлял гуманное отношение к горцам, открыто выступал против бессмысленного кровопролития, унаследовал высокий гуманизм русской литературы о Кавказе, преклонялся перед лермонтовским стихотворением «Валерик» с его всечеловеческим вопросом «Зачем?» [5, 188]. Только этим можно объяснить, что Арнольду Львовичу удалось убедить таких опытных либеральных издателей, как Панаев и Некрасов, опубликовать эти заметки о горцах. Сам Зиссерман с удивлением отмечал: «Хотя, казалось, подобные вещи мало гармонировали с духом и направлением «Современника»» [7, 604].

Злободневный для массовой аудитории вопрос войны с горцами Кавказа находил свое отражение и на страницах «Отечественных записок». Характерно, что публикации о военных действиях в регионе начали печататься с момента издания журнала, задолго до выхода и обращения «Современника» к данному вопросу. Это объяснялось стремлением первого издателя «Отечественных записок» П.П. Свинына собирать информацию о малоизученных уголках страны, прославлять подвиги соотечественников, укреплять русское национальное самосознание. В 1818-1838 гг. в журнале были

опубликованы труды о военных действиях на Кавказе генерал-майоров И.Г. Бурцева [8, 18-26], И.И. Германа [9, 352-382] и И.Т. Раджицкого [10, 127-168, 266-314], поэта, декабриста Ф.Н. Глинки [11, 25-39, 141-150], сообщения о горских народах и казаках Черноморской линии участника Кавказской войны, генерал-майора О.Л. Дебу [12, 86-104, 245-264, 354-381, 50-59, 195-223, 315-342, 234-248, 268-293, 48-74].

В работах очевидцев войны И.Г. Бурцева («Бой полковника Тиховского с закубанскими черкесами в 1810 г.») и Ф.Н. Глинки («Подвиги русских за Кубанью») воспевались мужественные подвиги русских солдат и офицеров на Кавказе, сравнимые по своей доблести с подвигами древних греков и римлян. Русские офицеры охотно жертвовали жизнью для достижения общей цели присоединения Кавказского региона и подавления турецкой агрессии. Так, полковник Тиховской, командовавший Черноморским войском, после двукратных нападений «хищного народа» – черкесов на пространство, расположенное между Ольгинским и Новоекатерининским укреплениями, не устроясь их численного превосходства, решил дать им сражение в 1810 г. Несмотря на отчаянную храбрость казаков, одолеть горский народ им не удалось, а полковник Тиховской пал в бою. Поэт и публицист Фёдор Николаевич Глинка также отмечал, что закубанские черкесы наводили страх своими набегами на русские селения и вынуждали предпринимать частые походы против них, которые практически всегда заканчивались победой русских (походы генерала Текелли в 1788 г. и др.).

Конечно, редакция журнала не имела цели, да и не могла в первой половине XIX в. давать беспристрастную оценку правительственным действиям на Кавказе. Задача Свинына заключалась в печатании трудов, которые сообщали ценные сведения о действиях российской армии в регионе и жизни населения далёкой окраины. Кроме военных подвигов русских солдат на Кавказе, статьи сообщали важные данные о местном населении: их топонимике и географической локализации, нравах, искусстве владения оружием [13, 297], статистическую информацию о населении Дербента [13, 153, 308]. Через данные публикации российская общественность знакомилась с горцами Кавказа.

В первые годы издания «Отечественных записок» редколлегия

редко выражала свое отношение к публикуемым работам, рукописи не рецензировались и не редактировались. Поэтому журнал отражал субъективный «портрет» кавказских народов. С приходом в журнал В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Н.А. Некрасова и др. тональность публикаций меняется. В «Отечественных записках» в 1850-1860-е гг. были опубликованы статьи и обзоры, в которых давались разнообразные оценки действиям России на Кавказе и самой Кавказской войне. В работах исследователей и авторских материалах редакционной коллегии поднимались проблемы соотношения сил в регионе, целесообразности борьбы России за Кавказ и стабилизации обстановки в регионе [14, 63-65, 3-17, 19-25, 56-63, 95-106, 263-268].

Так, в 1860 г. обозреватель «Современной хроники» сообщал об успехах российской армии в Кубанской области и её победах над шапсугами, назначении генерал-адъютанта Д.А. Милютина товарищем военного министра и связанных с этим преобразованиях в крае [15, 19-25], возведении новых укреплений на Северо-Западном Кавказе и переселении в эти места казаков [16, 56-63]. Примечательно, что сотрудники журнала высказывали некоторые соображения о принципах переселения россиян на Кавказ и устройства казачьих поселений. По их мнению, «переселять казаков за Кубань надо преимущественно из станиц; хутора следует оставить в покое: там уже устроилось хорошее хозяйство и есть капиталы – стало быть, все залог к развитию и усовершенствованию сельского хозяйства» [16, 61]. «Успеху нашей колонизации на Кавказе также могло бы принести большую пользу водворение азовских казаков в удобных местах по восточному берегу Черного моря» [16, 61-62]. Редакция давала читателям журнала продуктивные советы: «Чтобы русские поселения на Кавказе могли принести всю пользу, которую можно от них требовать, надо доставить поселенцам средства к образованию, или, по крайней мере, к грамотности; без этого наши колонии не только не могут иметь полезного влияния на туземцев, среди которых они поселены, но даже рискуют потерять свою народность, забыть свой язык» [16, 62]; «Распространение грамотности и образования между нашими поселенцами на Кавказе не требует ни расходов, ни усилий со стороны правительства. Дозволение духовенству, офицерам и чиновникам заняться

этим делом имело бы самые благие результаты; кроме того, поселенцы сами, на свой счёт нигде бы не отказались устроить школы и содержать их. Благородное начало устройству школ уже положено чиновниками и офицерами в укреплениях Нальчик и Хасав-Юрте; несколько десятков солдатских сыновей и дочерей изучает уже в этих двух школах закон божий, русскую грамоту и арифметику» [16, 62-63]. Характерно, что для прогрессивных сил русской литературы и публицистики, сотрудничавших в «Отечественных записках» (А.А. Краевского, С.С. Дудышкина и др.), покорение Кавказа непременно связывалось с просвещением горцев.

Таким образом, редакции журналов «Современник» и «Отечественные записки» много внимания уделяли Кавказской войне, особенностям противостояния имперского центра и горцев, способам и методам присоединения народов Северного Кавказа к России. С целью предоставления читателям объективной информации о событиях в далеком регионе редколлегии собирали и публиковали корреспонденции с Кавказа очевидцев войны – российских офицеров. Они отличались богатым фактографическим материалом и содержали ценные сведения о жизни местного населения. Из пояснений к трудам офицеров и рецензионных статей становилось ясно, что либерально-демократические журналы не признавали насильственные методы присоединения Кавказа к Российской империи. Ими ставился вопрос о приобщении горских народов к «цивилизации» исключительно мирными, демократическими методами.

---

1. Савельев А.Е. Оценка специфики Кавказской войны современниками // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2007. № 1-2.

2. Неверовский А.А. О начале беспокойств в Северном и Среднем Дагестане. СПб., 1847 // Современник. 1848. Т. 7; Его же. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб., 1847 // Современник. 1848. Т. 7.; Его же. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения власти лезгинов на Закавказье. СПб., 1848 // Совре-

менник. 1849. Т. 17; Его же. Истребление аварских ханов в 1834 г. СПб., 1848 // Современник. 1849. Т. 17.

3. Милютин Д.А. Описание военных действий 1839 г. в Северном Дагестане. СПб., 1850 // Современник. 1850. Т. 22.

4. Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. 1842-1867. М.: Кучково поле, 2014.

5. Матвеев О.В. «Настоящий кавказец» в конструировании пространства взаимопознания (на примере военно-литературной биографии А.Л. Зиссермана) // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сб. науч. ст. / отв. ред. И.И. Горлова; редкол. Т.В. Коваленко, Н.А. Костина, А.В. Крюков. М.; Краснодар: 2015.

6. Зиссерман А.Л. Военные действия на левом крыле Кавказской линии в конце 1857 г. // Современник. 1858. Т. 69; Его же. Очерк последних военных действий на Восточном Кавказе // Современник. 1860. Т. 82; Его же. Десять лет на Кавказе. Статья первая // Современник. 1854. Т. 47; Его же. Современное состояние Кавказа // Современник. 1857. Т. 66 и др.

7. Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе // Русский архив. М., 1885. Кн. 1.

8. Бурцев И.Г. Бой полковника Тиховского с закубанскими черкесами в 1810 г. // Отечественные записки. 1820. Ч. 2.

9. Журнал кампании по Кавказской линии покойного генерала от инфантерии и кавалера Ивана Ивановича Германа 1790 года от 22 сентября по 30 число // Отечественные записки. 1825. Ч. 24.

10. Радожицкий И.Т. Историческое известие о походе Российских войск в 1796 г. в Дагестан и Персию под командою Графа В.А. Зубова // Отечественные записки. 1827. Ч. 31.

11. Глинка Ф.Н. Подвиги русских за Кубанью, в 1789 г. // Отечественные записки. 1821. Ч. 5.

12. Дебу О.Л. Разные исторические замечания о Кавказских народах // Отечественные записки. 1821. Ч. 8; 1822. Ч. 9; Дебу О.Л. Разные исторические замечания относительно народов, соседственных Кавказской линии // Отечественные записки. 1822. Ч. 10; Замечания генерал-майора Дебу о состоянии Черномории и Черноморских козаков // Отечественные записки. 1823. Ч. 15; Дебу О.Л. О начальном установлении и распространении Кавказской линии, с означением

поселенных козачьих полков, оную охраняющих и их происхождении // Отечественные записки. 1823. Ч. 16; 1824. Ч. 18; 1824. Ч. 19.

13. Раджицкий И.Т. Историческое известие о походе Российских войск в 1796 г. в Дагестан и Персию под командою Графа В.А. Зубова // Отечественные записки. 1827. Ч. 31.

14. Современная хроника России: Последние известия с Кавказа // Отечественные записки. 1857. Т. 113; Современная хроника России: Очерк военных действий на Кавказе за 1858 г. // Отечественные записки. 1859. Т. 122; Современная хроника России: Известия с Кавказа // Отечественные записки. 1860. Т. 133; Современная хроника России: Обзорение дел на Кавказе // Отечественные записки. 1861. Т. 135; Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860 // Отечественные записки. 1860. Т. 128; «Письма с Кавказа» к редактору «Московских Ведомостей» Р. Фадеева. СПб., 1865 // Отечественные записки. 1865. Т. 162.

15. Современная хроника России: Известия с Кавказа // Отечественные записки. 1860. Т. 133.

16. Современная хроника России: Обзорение дел на Кавказе // Отечественные записки. 1861. Т. 135.

IV. АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

**А.Б. Багаев,
кин, снс СОИГСИ им. В.И. Абаева
(г. Владикавказ)**

ОХОТНИЧЬИ ОБЫЧАИ ОСЕТИН

Изучение субкультуры охотников имеет большое значение при исследовании традиционной культуры осетинского народа. Данное исследование посвящено выявлению и рассмотрению бытовавших в прошлом у осетин охотничьих обычаев. Автором рассмотрены конкретные обычаи, связанные с определенными фазами проведения охоты. Определены обычаи, которые исполняются осетинскими охотниками и в настоящее время.

Ключевые слова: охотничья субкультура, охотничья группа, охота, осетинский охотник, Афсати, дичь, обычаи.

The study of Hunting Subculture is of great importance in the study of traditional culture of the Ossetian people. This study is dedicated to identifying and reviewing the hunting customs that used to be common among Ossetians. The author reviewed specific customs associated with certain phases of the hunt. Defined customs that are executed by Ossetian hunters are being performed even now.

Keywords: hunting subculture, hunting group, hunting, Ossetian hunter, Afsati, game, custom.

Охота является одним из древнейших видов человеческой деятельности. Так же, как и у многих других этносов в прошлом, охота играла большую роль в жизни осетинского народа. В ходе многовековой практики осетинами были выработаны особые охотничьи обычаи. Они строго соблюдались, так как по представлению народа, успех на охоте в значительной мере зависел от четкого их соблюдения. Охотничьи обычаи являются важным элементом традиционной культуры. Их всестороннее исследование позволит лучше осветить

этническую историю и культурную традицию осетинского этноса.

Одним из первых авторов, который обратил внимание на обычаи связанные с охотой, был Г.М. Цаголов [1]. В самом конце XIX в. он записал охотничьи обычаи и язык у известных охотников: Цаголова Цако, Тогузаева Царая, Тогузаева Гуймана. Г. М. Цаголов в краткой этнографической заметке дал описание лишь наиболее распространенным охотничьим обычаям и обрядам. Кроме того, он приводит несколько слов из охотничьего языка осетин-дигорцев.

Весьма важные сведения по теме нашего исследования содержатся в этнографическом очерке Г.Ф. Чурсина «Осетины» [2]. Несмотря на краткость, собранный им материал очень ценен, так как некоторые описываемые им охотничьи обычаи в других источниках не встречаются. Сведения Г.Ф. Чурсина относятся к охотничьим обычаям южных осетин.

Важным трудом по рассматриваемой проблеме является хранящаяся в Научном архиве СОИГСИ рукопись Б.А. Алборова «Язык осетинских охотников». Данная работа лингвистического характера. Основную часть её составляют данные по языку охотников. Однако при анализе охотничьей лексики, в ней описаны и некоторые обычаи, и обряды охотников [3].

Интересной работой по исследуемой теме является книга В.А. Кесаева «Обряды и язык осетинских охотников» [4]. Автором собран значительный материал по охотничьей субкультуре. В книге широко использован материал вышеупомянутых авторов, а так же данные фольклора и художественной литературы. Работа носит публицистический характер, однако содержащиеся в ней данные важны при научном исследовании охотничьей субкультуры осетинского народа.

Исследуемая проблема в определённой мере затрагивалась в работах по традиционной культуре и языку осетин [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14 и др.].

При разработке исследуемой проблемы нами использованы этнографические и фольклорные материалы, описание охотничьих традиций в осетинской художественной литературе, а так же полевой материал собранный в с. Кемульты Республики Южная Осетия. В качестве информантов нам оказали помощь Багаев Нодар, Багаев

Алан, Багаев Уби и Багаев Инал.

Осетины, в особенности охотники, считали охоту даром богов. Так, Н. Бердзенов в середине XIX в. писал про осетин: «Охоту они считают за самое священное и молодеческое занятие, в котором, главным образом, действует счастье; тот, кто проворен и удачен на охоте, почитается у них самым счастливым и уважаемым человеком, убить оленя, по их мнению, удастся только наперсникам и любимцам фортуны» [15, 1].

По представлениям осетин богом охоты и покровителем диких животных (кроме волка и зайца), особенно тех на которых велась охота, является Афсати (*Æфсати*). Жизнь и смерть диких животных находится в его руках. Главнейшие из созданных им животных олень и горный тур. По мнению осетин, никто не может добыть зверя без соизволения Афсати. В некоторых народных песнях он назван сыном солнца. Он обитает в особой области, которая называется страной Афсати (*Æфсатийы бæстæ*, *Æфсатийы бынат*). Это гористая и лесистая местность. На этой территории охотник должен разговаривать только на охотничьем языке. Покровитель диких животных (так же, как и домашних животных – Фалвара) лишен правого глаза, поэтому его иногда называют кривой Афсати (*Сохъуыр Æфсати / Хъæрæу Æфсати*). Глаза ему повредил покровитель волков Тутыр [3, Л. 10]. По представлению осетин удача на охоте зависела от благосклонности Афсати. Многие охотники и в настоящее время придерживаются этого мнения.

Многочисленные обычаи и традиции, связанные с охотой, начинались исполняться уже с появлением намерения отправиться на охоту. Поведение охотников претерпевало определённую трансформацию. Охотник намеревавшийся отправиться на охоту переставал употреблять в пищу мясные блюда. По представлениям осетин Афсати обязательно узнает о том, что в доме есть мясо и дичи не даст.

Перед отправкой на охоту охотник должен был заранее почистить свою одежду и снаряжение. Так, чтобы от них никакого запаха не исходило. Заранее нужно было подготовить ружье и заточить нож. Делать это непосредственно перед охотой считалось предосудительным. Афсати мог это воспринять как щегольство и наказать охотника лишением дичи.

Каждый охотник брал с собой ружье, нож (или даже два) для

разделки туши, сумку, веревку и свой посох. Особое внимание уделялось обуви, в качестве которой использовалась горская обувь из сыромятной кожи, приспособленная для хождения по крутым склонам (*æрчитæ*). Они имели плетеную подошву, что предохраняла охотника от скольжения. Обувь, в которой охотник предполагал охотиться, он нес с собой. На пути к району охоты было определенное место, где охотники переобувались. Это место называлось место переобувания в арчи (*æрджигæнæн* или *æрчыивæн*).

У каждого охотника был посох (*лæдзæг*). По представлениям осетин, он обладал определённой магией. На нем охотник фиксировал убитое животное. После каждого сотого убитого зверя охотник обязательно устраивал ритуальное пиршество (*куывд*). С охотничьим посохом у осетин были связаны определённые поверья. Так, если охотник лишался своего посоха (терял в лесу или она срывалась у него в пропасть) он в течение трех недель не ходил на охоту. Считалось, что он убил критическое количество животных, и необходимо было сделать перерыв, при этом соблюдать своеобразный траур по убитым животным.

Охотники очень сильно опасались чародейства, колдовства и сглаза. Они считали, что охотничье оружие и снаряжение подвержено сглазу, в особенности ружье. Меткое ружье могло перестать попадать в цель если его сглазил недобрый человек. В этом случае охотник направлялся к знахарю (*дæсны*), который находил средство против сглаза, и ружье начинало опять точно бить в цель.

По представлениям осетинских охотников если при отправке на охоту им повстречается женщина, то они должны были вернуться домой. Они были уверены, что их постигнет несчастье, большая неудача, так как считалось, что женщина не чиста. Так же нельзя было спрашивать охотника «Куда ты идешь?» так как верили, что в этом случае его обязательно постигнет неудача. Именно поэтому охотники на охоту отправлялись затемно. Нельзя было окликать охотника, когда он уже выходил из дома. Имя охотника не произносили ни дома ни на улице, когда он находился на охоте [3, Л. 9]. По сообщению наших информантов, в определённой мере эти обычаи соблюдаются и в настоящее время.

Осетинам была известна как индивидуальная, так и групповая охота. Последняя форма охоты имела значительное распространение.

ние. Как правило, охотничья группа состояла из нескольких человек. Однако были и большие группы, численность которых могла достигать несколько десятков. Так, по свидетельству Г.Ф. Чурсина, осетины зимой устраивали «общественные охоты, в которых участвовало до 30-40 человек» [2, 197]. По сообщению наших информантов, в настоящее время таких больших охотничьих групп уже не бывает.

Охотничья группа была слаженным организмом. Вместе с бывальными, на охоту отправлялись и молодые неопытные охотники. Согласно охотничьим традициям осетин, молодые охотники беспрекословно должны были слушаться своих старших товарищей.

При движении первым шел самый старший и опытный охотник. Остальные двигались за ним по одному по старшинству. Так как тропы в горах были очень опасными, все шло след в след за предводителем группы. Двигались так, словно прошел только один человек. Группа шла молча без шума и гама. Двигаться надо было осторожно. В пути старший обычно подбадривал своих спутников, особенно на сложных участках дороги. В местах, где была большая вероятность сорваться в пропасть, использовали для страховки веревку [16, 237].

Строгое соблюдение дисциплины было одним из незыблемых охотничьих обычаев у осетин. Поручения главы группы должны были быстро и точно исполняться. Тот, кто нарушал дисциплину, не исполнял порученные ему дела, после завершения экспедиции совершенно исключался из группы. Члены группы должны были действовать согласованно и слаженно.

В определенных местах в горах, недалеко от района охоты были сборные пункты. Для них выбирали небольшие лужайки на вершине какого-нибудь утеса. Если поблизости была пещера, то охотники размещались в ней, если нет, то ставили шалаш. Это было местом для привала, тут они обсуждали планы дальнейших действий. Сюда приносили добычу. Здесь разводили огонь и делали шашлыки и возносили молитву Афсати, как перед началом охоты, так и после успешного её завершения.

Существовали определенные обряды, связанные с этим временным жилищем. Так, прежде чем войти, охотник клал с внешней

стороны свою сумку, ружье и посох. После этого он переступал порог, обязательно правой ногой и поручал себя покровительству Уастырджи пещеры (*Лæггæты Уастырджи*) и хозяину данного места (*Бынаыхыцау*). Только после этого он заносил внутрь свою сумку, ружье и посох. Тушу убитого животного сюда заносили головой вперед и клали её в правой части помещения. Когда охотники после завершения удачной охоты покидали свою стоянку, они обязательно оставляли там шампур с тремя долями шашлыка. Первая доля предназначалась Афсати, вторая – его маленькому сыну и третья – голодному страннику. Шампур укрепляли на стене [4, 97].

Некоторые из охотников, отправляясь на охоту, брали с собой три ритуальных пирога с сыром (*уæливых*). Ими они перед охотой молились Афсати, просили его принять их молитву и дать им из своего стада одного худого оленя или серну. Другие брали с собой только хлеб и соль. Этот обычай, по сообщению наших информантов, исполняется и в настоящее время.

На месте стоянки кто-то из охотников находился все время пока шла охота. Как правило, это был наименее выносливый из группы или самый молодой. Караульный (*бынатгæс*) выполнял важные функции. Он охранял съестные припасы, вещи и снаряжение. К приходу охотников он готовил топливо для костра, шампуры для шашлыка, приносил воду. Приготовив все необходимое, он ждал своих товарищей. Без них он не имел права ни есть ни пить. Если он нарушал запрет, то, по поверьям осетин, Афсати ничего не давал охотникам. Кроме того, караульному запрещалось разговаривать, петь, свистеть, кричать, так как это тоже могло не понравиться Афсати [1].

Отдохнув и помолившись на месте привала, охотники, пожелав друг другу удачи, отправлялись на охоту. Обычно старшие, более опытные и меткие охотники, сидели в засаде. Лучшее место занимал самый старший и опытный из них. У охотников оказывалось особое уважение к старшему поколению. Они имели право первого выстрела. Право первого выстрела давали и гостю, если таковой оказывался в группе охотников. Молодые, обычно более выносливые, гнали на них дичь [16, 239].

На охоте нельзя было указывать на что-либо пальцем. Осетинский охотник делал это только кулаком из опасения, что он может ненароком выколоть единственный глаз у Афсати [1].

Согласно охотничьим традициям осетин, подстреливший дичь, сам его свежует. Однако в некоторых районах Осетии свежевать тушу и делить его на равные доли входило в обязанности младшего из охотников [4, 95].

По свидетельству наших информантов, тот, кто подстрелил дичь, подходит к нему первым и перерезает ему горло. Он же получает голову животного (если медведь или лиса то – шкуру). В некоторых районах Осетии вместе с головой он получал так же шею и шкуру дичи. В других местах охотнику, подстрелившему животное, кроме того, предоставлялось право первым взять долю (*фыццаг хай райсыны бар*). Были общества, в которых голову дичи получал старший из охотников, а шкура доставалась младшему. Как видим, голова является самой престижной частью добытого животного. Вероятно, это восходит к архаическому представлению о том, что голова является богатым источником жизненной силы, которая приносит общине плодородие, изобилие, благополучие. Охотник, добывший дичь с красивой, мощной головой, повышал свой престиж в глазах общины.

В независимости от того, кто подстрелил животное, охотники делят его тушу на равное количество долей. В независимости от того, кто какую функцию выполнял во время охоты, каждый охотник должен был получить равную с другими долю. Этот принцип вытекал из того, что все участники предприятия совершенно равны друг перед другом. Каждый из них выполнял важную работу для того, чтобы их предприятие увенчалось успехом. И если сегодня одному из охотников удалось подстрелить дичь, то в другой раз это может быть любой другой из них. Важную роль в дележе туши играли и представления осетин, согласно которым нечестность при дележе дичи может обидеть или даже разгневать Афсати, и в следующий раз он уже не будет благосклонен к этим людям.

Так как разные части туши дичи не бывают одинакового достоинства, то поделить их на абсолютно равные доли – задача сложная. По свидетельству наших информантов, даже сейчас существует старый охотничий обычай, позволяющий избежать недопонимания в этом вопросе. Так, один из охотников к приготовленным долям становится спиной, другой раздает их. Раздающий (*уарæг*) каждый раз кладя руку на одну из долей спрашивает: «Чья это доля?». Стоявший

спиной, по очереди называет имена своих товарищей. Этот обычай позволяет избегать ненужных обид между охотниками. Каждый остается доволен доставшейся ему долей.

По традиции самому старшему из охотников сверх его доли преподносилась особая доля (*хистæры хай*).

В Южной Осетии существовал обычай, согласно которому тот из охотников, который еще никогда не добывал зверя, но первым встретился тому, кто подстрелил дичь, получал из его рук особую долю. Она состояла из нескольких правых ребер туши [2, 199].

Охотник, добывший зверя, забирал и его сердце. Его непременно надо было унести домой вместе с головой и шеей дичи. Подстреливший дичь обязательно устраивал пир и приглашал соседей, родственников и знакомых. Согласно ритуалу, сердце вместе с головой и шеей должны были располагаться на пиршественном столе перед старшими. При этом, место расположения каждой из этих частей туши, тоже были строго регламентировано. Голова ставилась посередине, слева от него располагалась шея, а справа – сердце [4, 98].

Обязательный общественный пир устраивал и молодой охотник, первый раз добывший дичь. Пир устраивался во славу *Стыр Хуыцау-а*, Афсати и других небесных покровителей, и духов, потому что считалось, что именно благодаря им ему улыбнулась удача на охоте. Охотник благодарил их за дарованную удачу, в особенности Афсати. Когда пир заканчивался, то для большего благословения голова дичи вместе с рогами устанавливалась в святилище.

Охотники, возвращаясь домой, обязательно брали особую долю (*æмбæлæггаджы хай*). По свидетельству наших информантов, этот обычай и сейчас строго выполняется среди придерживающихся традиций охотников. В разных ущельях Осетии эта доля состояла из разных частей туши убитого животного. В одних местах это были три передних левых ребра, в других – три передних правых ребра, в третьих это был огузок или какой-то другой кусок туши [4, 81]. Эту долю преподносили первому встречному человеку. Существовало поверье, что если охотники не поделятся даром Афсати, то в следующий раз он им уже ничего не даст.

Осетинские охотники устраивали ежегодный совместный праздник. Так, охотники Куртатинского ущелья осенью справляли праздник Бура (*Бурæ дзуарыбон*). С каждого дома, где проживал охотник,

собирали специальную чашу зерна для устройства праздника. Для жертвоприношения приобретали быка, которого посвящали своему небесному покровителю Афсати. Его резали в день праздника, из легких жарили шашлыки, а остальное мясо отваривали. Каждый охотник приносил из дома три осетинских ритуальных пирога с сыром (*уæливых*), а также пиво и самогон. Пиршество проходило шумно и весело, с песнями танцами и играми. Главной идеей этого мероприятия была молитва, направленная к Афсати, чтобы он своей благосклонностью никогда не обходил охотников [4, 90].

Среди осетинских охотников особенным считалось благопожелание о добыче семироного оленя (*авдсыон саг амар*). Считалось, что олень имеющий на рогах семь и более отростков, является взрослым (*æххæст саг*). Известно, что рога у оленя полностью развиваются от шести до двенадцати лет. Охотник, добывший такого оленя, обязательно готовил в своем доме три пирога и устраивал пир, на который приглашал друзей, соседей, родственников. Этот пир носил специальное название «*саджы куывд*» / «пир в ознаменование добычи оленя».

Охотники негативно относились к нарушителям охотничьих обычаев и традиций. Тот, кто жадничал на охоте, не был уважаем среди охотников. Они не допускали в свое сообщество и тех, кто обманывал своих товарищей, вел себя предосудительно.

Таким образом, как в целом осетинские обычаи, так в частности и охотничьи, имели региональные особенности. В каждом осетинском обществе в течение веков утвердились установки и взгляды на то, как лучше, то есть правильнее надо исполнять тот или иной обычай. Этот постулат относится и к охотничьим обрядам и обычаям. Вследствие того, что охота уже не занимает в жизни осетин того места, которое оно занимало в прошлом, многие охотничьи обычаи постепенно вышли из употребления, но, как свидетельствует полевой материал, основные из них продолжают функционировать и в настоящее время.

---

1. Цаголов Г. М. Охотничий язык и обряды у осетин // Терские ведомости. 1895. №58.

2. Чурсин Г.Ф. Осетины / Юго-Осетия. Тифлис. 1924.
3. Алборов Б. А. Язык осетинских охотников // Научный архив СОИГСИ. Ф.19. Оп.1. Д. 140.
4. Кесаев В.А. Обряды и язык осетинских охотников. Владикавказ: Ир, 1998. 148с.
5. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. Владикавказ: Ир, 2008. 599 с.
6. Калоев Б.А. Осетины. М.: Наука, 2004. 473с.
7. Магомедов А.Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе: Ир, 1968. 568 с.
8. Хадикова А.Х. Этнические образы и традиционные модели поведения осетин. Владикавказ, 1915. 441с.
9. Сокаева Д.В. Легенды и предания осетин: контекст традиции. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. 280 с.
10. Цаллагова И.Н. Паремии осетинского языка: язык осетинской загадки. Владикавказ, 2010. 230 с.
11. Гаглыева З.Д. Охота в верованиях и обычаях осетин и сванов // Известия ЮОНИИ. Вып.31. 1987.
12. Кусаева З.К. Мифо-фольклорные традиции в осетинской литературе // Фундаментальные исследования. 2013. №4-4.
13. Техов Ф.Д. Охотничий язык у осетин // Известия ЮОНИИ. Вып.17. 1972.
14. Цаллагова И.Н., Şahingöz E. Семантическая структура полисемантов «сæр / голова» и «зæрдæ / сердце» в дигорском варианте осетинского языка // Известия СОИГСИ. 2017. №26 (65).
15. Берзенов Новый год у осетин у осетин Владикавказского округа // Кавказ. 1850. №2.
16. Хетагуров К.Л. Избранное. М.: Гослитиздат, 1959. 479с.

Т.Т. Дауева
кин, снс отдела этнологии
(г. Владикавказ)

НОРМЫ ОБЫЧНОГО ПРАВА ОСЕТИН О ПОЛОЖЕНИИ ЖЕНЩИНЫ, БРАКЕ И РАЗВОДЕ

Статья посвящена исследованию системы гендерных отношений осетин в традиционном обществе. Анализ и изучение свода адатов осетин позволили выявить правовой статус женщины в брачно-семейных отношениях. Основное внимание уделено правовому положению женщины на этапе заключения брака, а также рассмотрение обычно-правовых норм, предусматривающих регулирование внутрисемейных ситуаций – развод и вдовство.

Ключевые слова и фразы: гендерные роли, брачно-семейные отношения, калым, развод, левират, сорорат.

The article is devoted to the study of Ossetian system of gender relations in a traditional society. Analysis and study of The Code of Ossetian Adats allowed to reveal the legal status of women in marriage and family relations. The main attention is paid to the legal status of women at the stage of marriage, as well as the consideration of customary laws regulating intra-family situations – divorce and widowhood.

Keywords and phrases: gender roles, marriage and family relations, dowry, divorce, levirate, sororat.

Гендерная проблематика занимает одно из ведущих мест в предметном поле исследований гуманитарных наук, что диктует необходимость её специального и глубокого осмысления.

Актуальность гендерных исследований обусловлена значительными изменениями института семьи и брака в современном обществе, которые приводят к формированию новых моделей семейно-брачных союзов, пересмотру системы поведенческих норм в сфере брака и семьи. Для понимания происходящих трансформаций в семейно-брачных отношениях необходим анализ и оценка гендерных отношений в традиционном осетинском обществе.

Свод норм обычного права был первой попыткой унификации и кодификации обычного права. Он наиболее полно представляет все многообразие вопросов, регламентируемых обычным правом. Касательно семейного права, адаты на протяжении веков регулировали почти все аспекты жизнедеятельности социума. Древние

законодательство и обычное право осетин отражали в том числе и гендерный аспект.

Семейно-родственный коллектив представлял собой целостную, обособленную систему социального порядка со своим управлением, материальным распределением и семейной обрядностью. В традиционном обществе было принято жесткое распределение и закрепление хозяйственных функций между мужчиной и женщиной. «Муж есть повелитель и судья своей жены, а жена первая работница в доме. Она только отправляет всякую домашнюю работу, стряпает кушанье, ткёт сукно, шьёт на мужа платье, но должна иногда седлать и убирать мужнюю лошадь» [1, 26].

В семейной иерархии мужчина стоял выше женщины. Управленческие функции были в руках главы и совета фамилии, состоящего из старших по возрасту мужчин, которые регулировали жизнь на основе обычно-правовой системы. Глава семьи обладал и юридическими полномочиями. В его функции входило разрешение семейных конфликтов, а также исполнение судебного постановления. Глава семьи (хæдзары хицау) обладал неограниченной правовой властью в рамках семейной общины. М.М. Ковалевский указывал: «Глава дома – это живой закон осетинской семьи» [2, 35]. В своей семье он решал вопросы общинного уровня. В ситуациях, когда правонарушение выходило за рамки обсуждения семейного совета, а приговор был вынесен общественными судьями, окончательное решение все же было оставлено за хæдзары хицау.

Одна из старших женщин семьи (*æфсин*) являлась главой женской части семьи и распорядительницей работы между женщинами. По свидетельству М.М. Ковалевского, «женщина эта стоит во главе всей женской половины; заведует кладовой и кухней, заготовлением припасов для всей семьи, хранит ключи» [2, 101]. Обычно место *æфсин* занимала старшая во дворе мать или жена *хицау*, а по смерти последнего, нередко и его вдова. Ей подчинялись все женщины без различия родственных отношений. В отличие от *хицау*, *æфсин* не имела судебных полномочий. Власть мужа над женой ограничивалась, в какой-то мере умерялась защитой её родни, которая могла вмешаться в конфликт. Жена могла вернуться в отцовский дом в случае злоупотребления мужа своими правами. Менее ограниченной была отцовская власть по отношению к дочерям.

Решающее слово при заключении брака всегда принадлежало отцу семейства. И если в таких случаях желание сыновей могло учитываться, то мнение дочерей не принималось во внимание [3, 126]. Выбор кандидатур, как невесты, так и жениха, часто зависел от их родителей.

Семейно-брачные отношения, как и заключение брака в традиционном осетинском обществе, регламентировались посредством обычно-правовых норм. Одним из важных условий вступления в брак являлось оформление брачного договора, выражавшегося в уплате калыма (*ирад*). Размеры калыма устанавливались исходя из родовитости фамилии. В начале XIX в. размер калыма составлял 30 – 100 быков [4, 173]. В сборнике адатов 1844 года в Дигорском обществе старшине за дочь полагался калым в размере 60 голов рогатого скота, тогда как у фарсаглагов он составлял 10 голов. В Тагаурском обществе за девушку отдавали 100 быков или 1000 рублей серебром. Куртатинское общество установило калым размером в 100 коров [1, 40-44]. Сама невеста не вправе была принимать калым, так как он являлся собственностью семьи невесты. Если её отец был в живых, то он принимал калым, если нет, то он передавался братьям невесты, а в случае отсутствия братьев, родственникам по мужской линии. Преимущество отдавалось тем, в чьем доме воспитывалась невеста [5, 266]. Позже одна треть калыма отдавалась в полное распоряжение невесты. Как указывается в ада-тах, долю из калыма имели ближайшие родственники невесты. По три скотины отдавалось братьям отца и по две – братьям матери невесты [1, 33].

В осетинском обычном праве спорными вопросами считались обстоятельства повторного бракосочетания вдовы или разведенной женщины. На этот случай также были разработаны особые регламентации. Известно, что члены Тагаурского общества выносили общее решение о выплате калыма за вдову только по согласию обеих фамилий. Единственным условием было то, что калым за вдову или разведенную женщину должен был быть меньше, чем за девуцу. «За вдову платили по обоюдному согласию с обеих сторон, но по уменьшенной цене сравнительно с калымом, платимым за девуцу. С 1830 г. по общему добровольному согласию между обществом тагаурских алдар, сделано условие платить: за девуцу 300 р. серебром

и лошадь, стоящую 30 р. серебром. За вдову по усмотрению же родственников и согласию их между собой» [6, 99].

В Куртатинском обществе за молодую вдову был установлен калым такого же размера, что и за девицу, то есть 100 коров; за женщину в возрасте платили не более 20 быков [1, 42-43]. В сборнике адатов 1866 г. Дигорское общество установило калым за вдову в размере 500 р.; в Тагаурском обществе алдары требовали 420 р. калыма как за девушку, так и за вдову [1, 69].

Нередко калым присваивали себе не только родственники жены, но и родственники покойного мужа.

Сравнительная история арийских законодательств показывает нам, что процесс постепенного вымирания калыма или платы за невесту состоял в переходе его в приданое. Вместо того, чтобы оставлять за собой полученное им от жениха имущество, отец невесты обращал его в пользу последней [2, 247].

В исследуемый период в Осетии еще наблюдались случаи левирата. Родственники мужа были заинтересованы в заключении брака между вдовой и братом умершего, так как, во-первых, если она уходила в родительский дом или выходила замуж за представителя другой фамилии, они теряли рабочую силу; во-вторых, если среди детей умершего были сыновья, то им необходимо было отдать долю отца. Вдове отдавалась часть имения, для того, чтобы она смогла жить вместе с дочерьми [1, 24].

При левирате имуществом умершего распоряжался его брат. Следует учесть, что дети оставались в семье умершего отца. Вероятно, что основной причиной согласия вдовы на левират было именно нежелание оставлять детей. «По смерти мужа родной его брат должен жениться на оставшейся вдове, хотя он и был женат; впрочем, более двух таких жен иметь не позволяется. Если же после покойного осталось несколько братьев, и ежели каждый из них желает взять вдову, то спор решается собственным её выбором» [7, 347].

Однако в нескольких случаях за вдовой оставалось право выбора: «Если вдова не имела детей и не хочет вновь выйти замуж, то новый муж должен заплатить семейству, из которого она выходит, половину покупной цены» [1, 27].

Согласно праву наследования жена и дочь не являлись наследницами и потому вдова не получала доли после смерти мужа. Если

она всё-таки уходила в родительский дом, то она имела право забрать предметы из своей комнаты. На это указывает и цитата из сочинения А. Есиева: «... жена, уходящая из дома умершего, может забрать все вещи и всё убранство своей комнаты» [8, 379]. Калым не возвращался, о чём свидетельствует адат: «Если вдова не пожелает остаться в доме бывшего её мужа и уходит к родным, то калым тоже не возвращается» [9, 254]. Приведём адат Дигорского общества: «Старшины и фарсалеки после смерти своих братьев женятся на их вдовах, которые отказаться от того не вправе, хотя бы и не хотели за них выходить. Тоже самое право на жён имеют братья неизвестно пропавшего. В обоих случаях если оставшейся брат не захочет жениться на вдове умершего или пропавшего брата своего, жена увольняется к родителям и за то даёт брату мужа своего пару быков» [10, 107].

Если у покойного было несколько братьев, то среди них вдова сама могла выбрать себе мужа. При левирате калым также имел место. В адатах Дигорского общества этот факт оговаривается следующим образом: «Если брат умершего бадилята женится на вдове покойного, то уплачивает вторичный за нее калым 150 р.», а также в сборнике адатов Тагаурского и Куртатинского обществ 1866 г.: «Если брат женится на вдове своего брата, то платит за нее вторичный калым, равняющийся 3-й части первого, т.е. 140 р.». Если вдова не желала оставаться в доме бывшего мужа и уходила к родным, то калым не возвращался [1, 67].

Приговором осетинского народа 1859 г. левират пытались отменить. Полковник М. Кундухов, по инициативе которого приговор был составлен, утверждал, что «вдову братья мужа удерживать или заставлять выйти замуж за кого – либо из них не могут, если она сама того добровольно не пожелает; как у христиан, так и у магометан, жена после смерти мужа остаётся свободною и может выходить замуж за кого ей угодно; но у христиан же выходить замуж за родственников прежнего мужа воспрещено церковным уставом» [11, 19].

Исследователи отмечают существование у осетин сороратной формы брака – вступление в брак вдовца с сестрой умершей жены [12, 114]. Главным фактором в данном случае были интересы детей, а также имущественный платёж – калым, который мог быть меньше.

Преступлением считалось прелюбодеяние или сожительство с замужней женщиной. Это правонарушение, по понятиям осетин, было достойно смертной казни. Нарушившие семейную нравственность должны были быть убиты, и в этом случае не предусматривались выкупы, которые полагались за другие виды преступных действий. Принятие их потерпевшими считалось в народе позором. Поэтому при отсутствии кровомщения преследование прелюбодея вменялась в обязанность всего общества, всего селения, которое изгоняло его. Но мог быть наложен и публичный штраф в пользу общественной казны, но ни в коем случае не потерпевшего.

Позднее осетинское право предложило альтернативу в ограничении убийства только прелюбодея и изувечение жены, а затем возвращение её в дом отца. Согласно адату, муж, застигший свою жену с мужчиной, вправе убить прелюбодея, не подвергаясь наказанию, то есть кровомщению. Если прелюбодею удавалось остаться живым, то его изгоняли из селения (если он не был постоянным жителем). Законный же член общины, по приговору суда, обязан был выплатить в общинную кассу денежный штраф в размере от 30 до 80 рублей. Этот штраф мог быть заменён быком или коровой. В. Б. Пфаф утверждал, что плата в общинную казну за прелюбодеяние – это единственное публичное денежное наказание, которое было известно осетинскому праву. Серьёзной мерой наказания было общественное презрение – достаточно было только подозрения в прелюбодеянии, чтобы в народе сложили песню, жёстко высмеивающую виновных. В архивных материалах описан случай, когда замужняя женщина покончила жизнь самоубийством, услышав от детей селения песню о себе и своём возлюбленном соседе [13]. Чтобы доказать свою невиновность, подозреваемому предлагалось оправдать себя присягой. Если он отказывался, муж имел право ранить или убить подозреваемого [1, 44].

Неверная жена также привлекалась к ответственности наряду с прелюбодеем. Месть или выкупные платежи не применялись в связи с тем, что она принадлежала к семье обиженного. «Жену – прелюбодейку раздевали донага, сажали на осла и водили по площади или улице, на которой стояли собравшиеся родственники, причём каждый из них, и во главе всех муж, обязаны были наносить ей удары, от которых она подчас и умирала» [2, 153]. Ту же процедуру

описывает В. Б. Пфаф: «по общему мнению обвинённую сначала наказывал муж публично очень сильно, затем привязывал её голую к ослу и пускал их через самую многолюдную улицу селения, причём муж бил плетью только осла. Дети и взрослые девушки бросали в преступницу помёт» [14, 275]. Этой экзекуции нередко предшествовало обезображивание жены отрезанием её носа и обрезанием волос. Как утверждал К. Борисович, «целомудрие жены главное достоинство женщины. Женщина не целомудренная, если её застанет муж на месте преступления, рискует быть убитой вместе с любовником или же непременно будет изгнана мужем, причём причину изгнания преступной жены не скрывает. Заведомое нецеломудрие девушки обрекало её на пожизненное девичество. Если же девушка, вышедшая замуж, окажется нецеломудренной, то хотя бы она в замужестве и была нецеломудренной, непременно будет изгнана мужем» [15, 230]. Однако, здесь речь идёт скорее об общественном наказании, супруг выполнял установленную обществом кару в соучастии с общинниками. Девушку, потерявшую целомудрие до брака, также строго наказывали. Её привязывали в одной рубашке с обнажённой грудью к ослу и водили по всем улицам села, причём каждый встречный имел право бросить в преступницу комок грязи.

В 1865 года Т.Ц. застал свою жену в доме своего соседа Л.З. Оскорблённый Ц. нанес З. две неопасные раны кинжалом; брат раненого Н.З. пытался отомстить, но сам был ранен. Суд вынес приговор согласно адату осетин, по которому он имел право убить соблазнителя жены, но не мог заменить убийство денежной компенсацией, поскольку его не убили, а только ранили. Учитывая данную ситуацию, суд вынес решение о закрытии дела [14, 210].

Обязательной формой разрешения данного вида конфликта было изгнание из семьи неверной жены. Родственники жены обязывались вернуть полный калым, который был отдан им за свою жену [1, 42]. Однако только в том случае, когда указывалась основательная причина для развода, муж был вправе требовать возвращения 1/3 калыма. «Если муж разведётся с женой вследствие дурного поведения последней, то получает обратно 3 часть калыма» [1, 68]. Претендовать на большую часть или весь калым он мог в случае, если не изувечил ее. Побывавший в Осетии в начале XIX века Ю. Клапрот пишет, что если жена подозревалась в неверности, то муж мог

получить только половину калыма, так как «он получил её молодой женщиной и должен был лучше следить за ней» [16].

Основной формой разрешения конфликта в случаях изнасилования было заключение брака потерпевшей с виновным. В случаях несогласия на брак, которое выражала сама потерпевшая сторона, обвиняемого приговаривали к тюремному заключению. В архивных материалах находим судебное дело, в котором рассказано о том, как Касполат М. уговаривал девушку выйти за него замуж, но получил отказ. Оскорблённый молодой человек, в отместку изнасиловал девицу, чем поставил её в безвыходное положение, после чего она по настоянию родственников была вынуждена дать согласие на брак [17].

При расторжении брака определение вины той или другой стороны имело целью определение имущественной ответственности или судьбы калыма, данного за жену. Для расторжения брака без материального ущерба имелись некоторые причины. В случаях наличия одной из причин, брак расторгался, а калым или доля калыма возвращалась. Причины, по которым допускалось расторжение брака по инициативе мужа примерно следующие: бесплодие, неуважение к свёкру и свекрови, дурной нрав, болезненное состояние и т.д. «Если кто имеет хорошую жену, которая не родит, то он берёт другую с уплатой калыма» [1, 37].

При решении дел, связанных с расторжением брака, суд обязывался определить «виновную сторону». Для сторон это решение связано с далеко идущими последствиями. Признание «виновности» женщины означало, что её родственники обязывались вернуть полученный за неё выкуп.

Одним из способов урегулирования конфликта было временное проживание жены в родительском доме. В случаях, если она была отправлена мужем, то женской частью семьи применялись меры для её возвращения в семью и воспитательные беседы. В случаях, когда жена сама уходила (*тæргай алыгъд*) семьей мужа применялись меры для её возвращения, такие как отправка в её родительский дом представителей фамилии. Борисевич заметил данный аспект внутрисемейной жизни осетин: «Иногда же буйных жён прогоняют к родителям. Когда они одумаются – берут обратно. Таким образом предупреждается разлад между братьями из-за жён» [3, 122].

Редкое явление развода можно объяснить невыгодными экономическими последствиями – потеря рабочих рук, а также вероятность невозвращения калыма. При разводе без основательных причин калым, а впоследствии приданое, не возвращались, а также следствием безосновательного расторжения брака могла быть кровная вражда со стороны отца и братьев жены. Причина развода должна была быть сформулирована перед родственниками жены, а также родственниками мужа.

Общество, принимая участие как в заключении брака, так и в разлучении и разводе, участвовало неодинаково. В случаях заключения оно участвовало лишь в качестве нотариального учреждения, руководила действиями сторон, присутствовала при их совершении, укрепляла эти действия. В остальных двух случаях общественная власть участвовала в роли судебного учреждения, выслушивала спор, оценивала доказательства и постановляла решение. Если муж разводился с женой, то адат определял, какую часть калыма родственники жены должны были вернуть. При основательных причинах развода муж имел право требовать от её родственников возвращения одной трети калыма. Если муж прогонял жену по собственному желанию, он должен был выдать ей часть калыма. У осетин-христиан жена получала известное имущество: третья часть калыма отдавалась родителями в её пользу, и этой частью муж был вправе распоряжаться только с её согласия; в случае развода, она полностью переходила во владение жены. Осетинский обычай признавал за мужем право в любое время прогнать жену: « Каждый дигорец может иметь две и три жены, а когда которая из них разлюбится, он увольняет любую, за исключением дворовых» [1, 37]. *Ауахта*, *усы ауагъд* – развод по воле мужа, *хицæн канын* – разводиться. Однако только в том случае, когда указана основательная причина для развода, муж был вправе требовать возвращения 1/3 калыма, которая в противном случае перешла бы к жене. В Тагауро-Куртатинском участке 1849 г. – если муж разведётся с женой вследствие дурного поведения последней, то получает обратно 3 часть калыма.

Если жена уходила от мужа без значимых причин, то её родственники были обязаны вернуть выплаченный за неё калым. «Если жена не хочет жить с мужем и уйдёт он него, что отце или братья её должны заплатить оставленному ею мужу 45 коров и если она впо-

следствии выходит замуж, то новый её муж должен заплатить старому, оставленному ею мужу опять 45 коров» [1, 27]. Алагирцы-наро-мамисонский участок: «Если жена уходит от мужа по прихотям последнего, не будучи ни в чем виновною, то калым мужу не возвращается» [1, 68].

Запреты и регламентации, принятые в осетинской традиции, а также правовые нормы брачной политики осетин были чрезвычайно развиты и, безусловно, являлись весомой частью не только семейного, но и общественного уклада. Таким образом, приведенные свидетельства указывают на характерные черты, присущие патриархальной семье.

---

1. Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1883. Вып. II. 396 с.

2. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон (обычное право осетин в историко-сравнительном освещении). М., 1886. 410 с.

3. Дауева Т.Т. Конфликты и миротворческие практики в осетинском обществе (конец XVIII – начало XIX в.) // Дис. на соис. уч. ст. к. ист. наук / Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова. Нальчик, 2017.

4. Дзлиева Д. М. Песни «Алай» в осетинской свадьбе: к проблеме генезиса и типологии // Фольклор: историческая традиция и современные полевые исследования. Материалы 4 международной научной конференции памяти А.В. Рудневой. 2012. С. 172-180.

5. Абаева Ф.О. Обрядовый текст института сватовства (минæвæртты æрвитыны æгъдау) у осетин // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2012. № 1. С. 264-267.

6. Гутиева Э.Ш. Формирование интеллигенции в Осетии: гендерный аспект // Современная методология гуманитарного исследования. Материалы III Всероссийской летней историко-филологической школы-семинара молодых ученых. 2008. С. 95-110.

7. Канукова З.В. Гендерные процессы в культуре провинциально-

го города на рубеже XIX-XX веков // В книге: V конгресс этнографов и антропологов России тезисы докладов. Редколлегия: Абашин С.Н., Лопуленко Н.А., Мартынова М.Ю., Соловьева Л.Т., Тишков В.А.. 2003. С. 347.

8. Есиев А. Обычное земельное право и право землевладения горных осетин терской области // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / сост. Л.А. Чибиров. Владикавказ, 2006. Кн.4. С. 375-391.

9. Кусаева З.К. Гендерный контекст обрядов инициации в мифо-ритуальных практиках осетин // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2011. № 4. С. 253-259.

10. Хадикова А.Х. Гендерная идентичность осетин как этнокультурный феномен: этноисторические характеристики и предпосылки формирования // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2011. № 3. С. 102-109.

11. Приговор осетинского народа. Владикавказ, 2011.

12. Магомедов А. Х. Общественный строй и быт осетин (XVII – XIX вв.). Орджоникидзе, 1974. 367 с.

13. НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1 Д. 58.

14. Пфаф В. Б. Народное право осетин // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1871. Т. 1. С. 178 – 220.

15. Борисевич К. Черты нравов православных осетин и ингушей Северного Кавказа // ЭО. М., 1899. №1-2. С. 225 – 265.

16. Клапрот Ю. Осетины в начале XIX в. // НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6.

17. ЦГА РСО – Алания. Ф. 280. Оп.1. Д.9.

**И.А. Бедоева,
кандидат исторических наук
(г. Владикавказ)**

О ТЕХНОЛОГИИ ПРИГОТОВЛЕНИЯ ВИНА У ОСЕТИН

В данной статье рассматриваются особенности приготовления осетинского вина (сæн), даётся подробное описание способов его употребления, его вкусовых качеств и отличительных признаков. Изготовление вина у осетин состояло из нескольких этапов: сбора и прессования винограда, получения и брожения сусла, фильтрации, выдержки и хранения. Для сбора винограда обычно использовали необходимый инвентарь и оборудования.

Ключевые слова: осетины, вино, технология приготовления.

This article discusses the features of cooking of Ossetian wine (sæn), provides a detailed description of the methods of its use, its taste and distinctive features. Production of wine in Ossetia consisted of several stages: collection and pressing of grapes, obtaining and fermentation of wort, filtration, aging and storage. For grape harvest usually used the necessary equipment.

Keywords: Ossetians, wine, technology of preparation.

Далёким предкам осетин искусство виноделия было известно со скифских времён [1, 66-68]. О способах изготовления вина в источниках недостаточно информации. Известно только то, что скифы пили исключительно чистое вино и считали его особенным напитком для выдающихся воинов [2, 28-29].

В научной литературе нет никакого намёка на то, что осетины когда-либо в прошлом занимались виноделием, хотя их предкам оно было известно с давних пор. Традиция виноградарства и потребление вина восходит к скифам; у древних греков существовало понятие выпить по-скифски. До татаро-монгольского разгрома виноградарство и производство вина были широко развиты и в древней Алании. Об этом свидетельствует наличие в осетинском языке название «сæн» и свидетельства средневековых авторов.

По сведениям французского монаха Вильгельма де Рубрука, путешествовавшего по Кавказу в XIII веке, аланам также было известно

вино. «Прежде чем добраться до Железных ворот, – писал он, – мы нашли один замок аланов... Там впервые нашли мы виноградные лозы и пили вино» [3, 19].

Аланы производили вино на плоскости, они познакомили с культурой виноградарства и виноделия соседей и передали им название «сæн». На Центральном Кавказе отсутствовали условия для занятия виноградарством, и вскоре вино исчезло из быта алан.

Вино было известно также европейским потомкам алан – ясам, которые получали его из винограда, яблок, груш и смородины, хранили «в погребах, обычно в деревянной емкости, в круглых, коротких и яйцеобразных, продолговатых бочках» [4, 169-170].

Общее название вина sæn у алан-осетин и кабардинцев свидетельствует о том, что до монголо-татарского разгрома, аланы производили его на плоскости, ознакомив с его приготовлением соседей, и передав им название сæн. На Центральном Кавказе, где произошло массовое заселение алан, условия для занятия виноградарством отсутствовали, и вино исчезло из их быта.

В Северной Осетии виноградарство и виноделие получили распространение лишь в Моздокском районе [5, 307]. Виноградные вина осетины-моздокчане приобретали как в самом Моздоке, так и в соседних русских казачьих станицах, в частности в Червленой, имевшей обширные виноградники [6, 125].

Природные условия кизлярских и моздокских степей позволяли здесь заниматься виноградарством ещё в очень далёкие времена. Исторические сведения о виноделии на Тереке относятся к концу первой половины XVII в. Древние племена, обитавшие в низовьях Терека и Сунжи, широко занимались виноградарством, о чем свидетельствуют сохранившиеся здесь дикие виноградники, которыми пользовались первые русские поселенцы – гребенские и терские казаки [7, 103].

В начале XIX века в пределах Терской области из местных сортов, разводившихся почти всюду на Тереке, особенно славились «кизлярки». Из них делали приятное кизлярское вино, из черного винограда делали неочищенное вино довольно плохого качества

– чихир. О нем, например, моздокские осетины-цайта говорили: «Уый сæн нæу, уый чихир у» (Да это же не вино, это – чихир). Тем не менее, это вино, наряду с «кизлярским» пользовалось широким спросом в городах и во многих торговых пунктах Терской области [8, 106].

На территории Южной Осетии, в его предгорной полосе, культура виноградарства существовала с древности, и осетины, поселившиеся в этих районах, переняли культуру виноградарства от соседнего грузинского населения. О состоянии виноградарства на территории Южной Осетии в начале XIX в., можно судить по сведениям немецкого путешественника Карла Коха: «Жители Цхинвала приблизительно в количестве около 2000, трудолюбивы и занимаются преимущественно разведением винограда и плодов, вследствие чего город окружён большим количеством садов. Разведение виноградных лоз не отличается от нашего; их или привязывают ствол за стволом и отдельным кольям, или же протягивают планку, к которой привязываются отдельные ряды» [9].

В советский период виноградарство получило дальнейшее развитие, охватив села Цхинвальского, Знаурского и Ленингорского районов и достигнув в этом немалых успехов. Достаточно сказать, что по данным 1957 года общая площадь виноградников в Южной Осетии доходила до 1000 га. В последующие 60 – 70-е годы XX века были созданы крупные совхозы, занимающиеся разведением винограда и виноделием. Вино в предгорной Южной Осетии, и среди осетин Восточной Грузии, оттеснило на второй план араку и пиво и стало их главным ритуальным напитком. Из Южной Осетии оно попадало и в горные районы Центральной Осетии. Как писал Б.А. Калоев: «Заккинцы с давних времен хорошо были знакомы и с виноградным вином, доставляя его сами или покупая у купцов, привозивших его в ущелье вьюками в бурдюках из предгорных сел Юго-Осетии и Грузии до начала зимы и закрытия перевалов» [10, 276].

Навыки к разведению виноградарства и виноделию не утрачены и у тех осетин, которые вследствие грузино-осетинского

противостояния на рубеже 80 – 90-х годов уже прошлого столетия стали вынужденными переселенцами и живут в Северной Осетии. Это подтверждается полевыми этнографическими материалами автора.

Каким же был процесс изготовления вина? Изготовление вина состояло из нескольких этапов: сбора и прессования винограда, получения и брожения сусла, фильтрации, выдержки и хранения. Виноград обычно собирали с августа по октябрь. Для этого использовали необходимый инвентарь и оборудования.

У осетин наряду с грузинами, имелись деревянные и известковые давяльни (сæндуцæн) с отверстием в нижней части, откуда стекал виноградный сок через специальную трубку, соединённую с деревянной крышкой кувшина с отверстием посередине [11], а также деревянные и жестяные котлы (груз. – геджа). В нижней части их имелось также отверстие, через которое стекал выдавленный виноградный сок [12]. Благодаря данному способу давки винограда ногами в давяльне, ветки и косточки не попадались в сусло, и вино получалось высокого качества. Если же в виноградный сок попадались грозди винограда, их тут же очищали.

Прессование винограда производилось также ручной дробилкой, в которой было два бороздчатых чугунных вала, вращающихся в разные стороны. Полученную массу после раздавливания винограда подвергали брожению. Бродящее сусло периодически помешивали, иначе гуща оседала на поверхности, высыхала, а вино могло скиснуть [13].

По окончании брожения виноградные выжимки (груз. – чача) снимали, а сок сливали в деревянные бочки или в глиняные кувшины, зарытые в землю (быркуы) [14]. Перед использованием их мыли с помощью щётки сделанной из коры вишневого дерева. В таких кувшинах вино могло храниться более 5 лет.

В дубовой бочке вино хранили и выдерживали, а глиняный кувшин, зарытый в земле, считали лучшим способом хранения вина, так как в нём поддерживалась нужная температура.

Когда гуща и остатки поднимались на поверхность или оседали на дне, вино периодически процеживали и вновь переливали

в глиняные кувшины или дубовые бочки до тех пор, пока оно не становилось совершенно чистым [11]. Готовое вино сливали и закупоривали в зарытых кувшинах, заранее прожжённых серой, чтобы оно не скисло [13].

По сообщению информанта Агрофины Джелиевой, если вино предназначалось для собственного потребления, воду и сахар в него не добавляли, а если оно изготовлялось для продажи, то примерно к 20 литрам виноградного сока добавляли 1,5 кг сахара, растворенного в воде [15].

Кувшины обычно зарывали так, чтобы горловое отверстие располагалось на уровне поверхности пола. Такие кувшины достигали объёма более чем в 1 тонну, а иногда их вес достигал до 500 – 700 кг. Самый маленький кувшин вмещал до 1 пуда вина.

Осетины-кахетинцы во время приготовления вина, с целью фильтрации сока, на дне давяльни клали плетёнки. В результате, выдавленный сок через деревянную трубку вытекал из давяльни в кувшин без примеси кожуры и зёрен винограда. Оставшиеся выжимки спустя сутки добавляли к суслу, перемешивали с выдавленным соком и оставляли для брожения. Выжимки придавали вину крепость, поэтому их бросали в выдавленный виноградный сок [12]. Брожение проходило в течение 7 – 10 дней в открытых или закрытых кувшинах с отверстием для выхода образовавшегося газа во время брожения. Бродящую массу обычно помешивали несколько раз в день.

Красные вина по окончании брожения снимали с выжимок и наливали в кувшины, герметически их закрывали крышкой, а белые вина оставляли на выжимках до зимы. В течение года вино 3-4 раза переливали при помощи больших емкостей [16, 173].

Для приготовления вина, предназначенного для долгого хранения, выдавленный сок сливали в кувшин и оттуда – в давяльню, на выжимки. Давильню закрывали досками и соломой и оставляли до окончания сильного брожения. В период брожения, продолжавшегося в зависимости от температуры воздуха 4 – 9 дней, сок выпускали в кувшины. В этом случае сок бродил на всём полученном количестве выжимок. При другом способе брожение

происходило прямо в кувшине, куда выливали сок и высыпали выжимки.

Прикрыв кувшин крышкой с отверстием, вставляли в это отверстие трубку из камыша или соломы для выхода газов, накрывали крышку толстым слоем глины. В некоторых местностях во время брожения кувшины закрывали также плотно, как и при хранении вина, считая, что углекислый газ всегда найдет путь выхода. Иногда для выхода газа вставляли трубки из соломы (сасуле) или прут, а потом замазывали глиной.

Во время бурного брожения кувшин открывали каждые 2-3 дня и мешали длинной мешалкой, погружая всплывшие на поверхность выжимки на дно кувшина. После бурного брожения перешедшее в состояние тихого брожения вино часто употребляли для питья под названием мачари. Для дальнейшей выдержки вина кувшин доливали до краёв, крышку замазывали глиной, а вино оставляли до весенней переливки. Весной кувшин открывали, вино осторожно переливали в другой кувшин [16, 173-174].

Выжимки от винограда (чача) которые оставались после изготовления вина, не выбрасывали, а гнали из них виноградную водку при помощи специального аппарата, выполняющего «работу по выгонке и конденсации спирта». Часто этот напиток делали из яблок [11] и на медовых сотах [17, 232].

Сырьё нагревали и подвергали брожению в течение 9 дней [15]. После окончания брожения массу без добавки воды и сахара переливали в котёл и плотно закрывали специальной крышкой.

Позднее в перебродившую массу добавляли растворенный в воде сахар [11] для наибольшей крепости напитка. Затем поджигали костёр, и начинался перегон. Чтобы содержимое котла не выплёвывалось, края котла смазывали тестом [15].

В перегоночном аппарате спирт испарялся, шёл по трубке, охлаждался, конденсировался и в виде жидкости попадал в посуду. Внутри трубы имелась спираль, через которую проходила охлажденная жидкость. Чем холоднее она становилась, тем лучше получалась виноградная водка – чача. Крепость её достигала 90 – 96%.

Разница между аракой и чачей состояла в том, что сырьём для

араки служили зерновые злаки, поэтому выпивка имела сильный запах (сивучего масла). Чача же изготавливалась из выжимок винограда, была заметно крепче и не имела такого сильного запаха [11].

---

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка (ИЭСОЯ). Т. III. Л., 1979.

2. Геродот. История в 9 кн. / Пер. и примеч. Г.А. Стратановского. Кн. 4. Мельпомена. Вл., 1991.

3. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в Восточные страны // Осетины глазами русских и иностранных путешественников (ОГРИП). Ордж., 1967. С. 13-20.

4. Калоев Б.А. Венгерские аланы (ясы): историко-этнографический очерк. М., 1996.

5. Народы Кавказа. Т. I. М., 1960.

6. Калоев Б.А. Моздокские осетины. М., 1995.

7. Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981.

8. Там же.

9. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева (НА СОИГСИ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 7. Л. 24.

10. Калоев Б.А. Осетины. Историко-этнографические этюды. М., 1999.

11. Полевой материал: Двалидзе Элиза Багратовна, 1949 г.р., г. Ардон, Ардонский р-н (уроженка с. Саване Сачхерского р-на Грузии), 2012.

12. Полевой материал: Джигоев Феди, 1936 г.р., г. Ардон, Ардонский р-н (уроженец с. Пона Лагодехского р-н Грузии), 2012.

13. Полевой материал: Авлохов Фридон, 1966 г.р., г. Ардон, Ардонский р-н (уроженец с. Цъицъканаантсеви Карельского р-на Грузии), 2012.

14. Полевой материал: Кочиев Вано, 1932 г.р., г. Владикавказ (уроженец с. Цамад, РЮО), 2012.

15. Полевой материал: Джелиева Агрофина, 1925 г.р., г. Ардон, Ардонский р-н (уроженка с. Летети Карельского р-на Грузинской АССР), 2012.

16. Соловьёва Л.Т. Напитки в грузинской культуре: повседневность и праздники // Хмельное и иное: напитки народов мира. М., 2008. С. 149 – 193.

17. Книга гастронома. Грузинская домашняя кухня. М., 2012.

Д. Х. Гуважоков,
магистр КБГУ им. Х.М. Бербекова
(г. Нальчик)

О ЗНАЧЕНИИ СИМВОЛА КРЕСТ В МИРОВОЗРЕНИИ ДРЕВНИХ ОБИТАТЕЛЕЙ КАВКАЗА

В статье рассматривается реалья креста как наиболее архаичный сакральный символ; описываются его форма и особенности деталей углов и центра, с применением словарных значений кабардино-черкесского языка; обозначается развитие символики креста и способы его стилизации в национальном золотошвейном ремесле адыгов.

Ключевые слова: крест, символ, свет человеков, золотое шитьё адыгов.

The article discusses the realia of the cross as the most archaic sacred symbol; its form and features of details of corners and the center are described using the dictionary meanings of the Kabardino-Circassian language; denotes the development of the symbolism of the cross and the ways of its stylization in the national embroidery of the Circassians.

Keywords: cross, symbol, the light of men, gold embroidery of the Circassians.

Для понимания путей развития человеческой мысли, искусства, обычаев, религий и мифологий чрезвычайно важно знать язык символов. В современном мире наблюдается всплеск интереса к символам. Многие считают это показателем возрождения духовных потребностей людей [5, 4].

В основе мировоззрения древнего человека лежат принципы мироощущения основ образования жизни на земле. К этим основам относятся вопросы, связанные с понятиями «что я вижу?», «чем я дышу?», «что я слышу?», «во что я верю?» и т.д. К тому же в процессе развития культуры человека стал вопрос о том, как можно изобразить природные стихии, например, воздух или свет, способны ли мы нарисовать воду? Культура народа заключается в его искусстве воспроизводить окружающую среду. Во всех частях света люди изображают окружающую среду в виде завитка или спирали, свет в виде луча (прямых линии или точек), воду изображают в виде волнообразных линии. Можно предположить, что такой же принцип лежит и в воспроизведении понятия человек в виде символа.

Так как автор является представителем Кавказской цивилизационной общности, попробуем описать искусство передачи мысли

через символы (рисунок, предмет, буквы, цифры и т.д.). Автор являясь носителем малокабардинского говора, кабардино-черкесского языка, на котором говорят кабардинцы, живущие в Малой Кабарде (Терский район Кабардино-Балкарской Республики), будет работать именно с этим ключом для раскрытия тайны древнего символа крест.

Крест является общим символом человечества. Его можно обнаружить в самых древних религиях, у самых древних цивилизаций: в Месопотамии, Египте, Китае и т.д. Формы креста разнообразны. Они отличаются и числом перекладин, и числом концов креста, и пропорциями [5, 165].

Для нашего исследования мы будем использовать древнейший символ креста медно-бронзового периода, изображенный в виде треугольников и четырёхугольника украшенный точечной орнаментацией (рис.1).

На адыгском языке слово крест пишется как *зэблэдза* [2, 128]. Само слово *зэблэдза* имеет в своей структуре числовое значение, *зэ* – один, *блэ* – семь раз, *дза* – означает откинутое, отброшенное.

При образовании кратных форм от названий чисел **зы (один)**, *щы* (три), *пл1ы* (четыре), *хы* (шесть), *блы* (семь), *пщ1ы* (десять) исходный гласный [ы] переходит в краткий гласный [э]: **зэ** (один раз), *щэ* (три раза), *пл1э* (четыре раза), *хэ* (шесть раз), **блэ (семь раз)**, *пщ1э* (десять раз). В смысловом варианте отображающая понятие один откинутое (умноженное) на семь, что в цифровом варианте выглядит 1х7 которая равна семи.

Так вот, в форме древнего изображения креста рис.1 лежат структуры форм треугольника-*щимэ* и четырёхугольника-*пл1имэ*. Для определения возможности выявить из этого симбиоза понятия человек *ц1ыху* раскроем его секрет. В слове *ц1ыху* слог *ц1ы* – *ц1у* означает «блестящий» [2, 556], *ху* означает «свет», от слов *нэху* – свет [2, 336], *хужь* – белый, светлый [2, 522]. Таким образом, слово человек имеет значение **блестящий свет. В качестве** точечной орнаментации креста предлагаем взять изображение и название кабардино-черкесского знака пшена «ху» [6, 162], которая воспринимается так же и в значении **свет**.

Для более подробного раскрытия этой проблематики обратимся к значению «человеческое поколение», на кабардинском языке оно пишется как *щ1эблэ* [2, 610], где первый компонент слова *щ1э*

означает – новый [2, 609], а второй рассматривается в значении *блэ-блэн-свет* [2, 47]. В итоге, мы имеем значение **новый свет**. Что оно нам дает? Слово «блэ» многозначно и оно является так же маркером для определения таких значений как *блэ*: змея, свет, семь раз, наряжай, занимайся вязью, плети, нанизывай, предплечье и т.д. [2, 47].

Число семь является ключом к определению, что человеческое поколение и сам человек считаются неким **светом**. Этому есть объяснения в определении СЛОВО в Библии: «В начале, было СЛОВО, и СЛОВО у БОГА, СЛОВО было БОГ. Все через НЕГО начало быть, и без НЕГО не начало быть, что начало быть. В нём была жизнь, и жизнь была **светом человеков**. И СЛОВО стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины» (от Иоанна. 5:1, 3,4).

Кроме того, интерес для данного исследования представляет понятие *свет людей*, который подтверждает наше мировоззрение о человеке, как о некоем свете. Одним из символов света – *блэ* – является число семь, так вот это число мы можем выявить из исследуемого нами изображения креста рис.1. Треугольник дает четкое определение числа три, а четырехугольник даёт определения для числа четыре, слагаемые три и четыре – дают нам желаемый результат, – семь!

Человеческое поколение полигамно, и имеет в своём воспроизводстве самку и самца. Слово самка *бзы* в древнем изъяснении состоит из слога *бы* означающее *дели* (разделение), и слово *зы* означающая понятие *один*. Словарное значение слово *бзын* – резать, кроить [2, 46] то есть *разделять*. Функциональное свойство самок заключено в способности воспроизводить себе подобных способом деления, – отделением плода от себя. Если значение *дели* имеет двойственную структуру, то оно образует числовое значение – два, прибавляя число *зы* – один мы получаем числовую идентификацию для женского пола три – *цы*.

Число четыре из понятия четырехугольник *пл1ума* имеет в своей структуре слог *л1ы* – что прямо означает муж, мужчина, супруг [2, 311]. Как мы видим наш ключ к разгадке древнего символа креста состоящего из структуры треугольников и четырехугольника раскрывает внутреннее содержания древних обитателей Кавказа, культура которых раскрывает детально в образе символа креста понятие **человек – свет**.

На рисунке 1, символ креста изображен таким образом что четырёхугольник – *мужской символ* находится всегда внутри треугольников – *женского символа*. Это обусловлено необратимой необходимостью условия **образования жизни**, то есть самец должен оказаться внутри самки, чтобы не прекращалось образования поколения *щ'1эблэ – новый свет*.

Более того, развитие искусства дает возможность использовать определенные значения изображений в комплексе с другими формами, имеющие разные значения. По нашему мнению, формы письменности зародились здесь на Кавказе в рисуночных образах, так называемого кавказского звериного стиля. Формы исследуемого нами символа креста можно обнаружить на предметах вооружения, амуниции, предметах быта и рис. 2,3,4,5.

Развитие культуры символов на Кавказе представлены в очень разнообразных стилизованных вариантах одного и того же символа. К примеру, нельзя не отметить формы стилизации *Золотого шитья адыгов*, корни которого прослеживаются по зафиксированным источникам с X века по сей день. [4, 206].

Сохранившиеся в Национальном Музее Республики Адыгея образцы золотошвейного искусства адыгов, наглядно демонстрируют нам формы стилизации символа креста в конце XIX начале XX веков.

Оригинальную форму стилизации треугольника и четырёхугольника мы можем увидеть на кисете-сумочке (*чысэ*) рис.6 [3, 94]. Треугольник сделан в виде сердечка, но понимать это следует в другом формате. Сердце находится в груди. Грудь женского пола являются символами плодородия с древнейших времен. Четырёхугольник сделан в виде удлинённых углов стилизованного креста. Такие же символы – сердечка и креста, но во внутреннем содержании, можно заметить на сумочке (*чысэ*) рис.7 [3, 95]. Нельзя не отметить, что оригинально выполнены и веер, и флажок (*жыыху* работы Хаджет Хапачевны Хунаговой). Здесь на месте треугольника стилистически обозначен трилистник, а четырёхугольник занимает среднее положение рис.8 [4, 99].

Далее наглядный пример развития стилизации мы можем обнаружить на рис. 9. Это изображения символа крест на чехле для подушки – *щхэнтэтебзэ* [4, 89]. Здесь мы видим в середине, четырёхугольник в круге, древнейший символ Кавказа. Секрет в том, что название

круга в адыгейском языке *хъурэ*, где присутствует слог *хъу* – означает **самец** [2, 549]. Стилизация треугольника в обозначении женского образа здесь выполнены в виде тройных трилистников, общее число которых двенадцать *пщык1ут1*. Здесь слог *пщы* – означает **царь**, а слог *к1ут1* – **женское начало**. Второй крест, в продольном плане, имеет трилистник в виде стилизованных конечностей *лъапэ* [1, 168].

Высочайший уровень золотошвейного изобразительного искусства мы можем так же рассмотреть на рис.10, это чехол для подушки *щхъэнтэтебзэ* [3, 88]. Здесь мы замечаем совершенно другой вид трилистника, – в виде удлинённых лап водоплавающих. В середине – четырёхугольник с внутренним содержанием в виде пятиконечного *тху* цветка. Секрет пятиконечности кроется в самом слове *тху*. Здесь адыгская словоформа «*ты*» означает *дай* – *дающий*, *ху* означает свет, в смысловом варианте **дающий свет**. Как отмечалось выше человек *ц1ыху* в адыгской традиции, как и в других цивилизациях, ассоциируется со светом.

Как мы видим на рисунках 6,7,8,9,10, отражены структуры форм стилизации исходного образца рисунка № 1, формы которых разные, а значения всегда остаются неизменным – человек свет.

С развитием человеческой цивилизации стали меняться и верования людей, но неизменным оставались принципы отражения в форме креста женского и мужского образов. Женский образ в большинстве своём, это Богоматерь, а мужской это сын Божий, в тайне рождения которого лежит свет – святой дух.

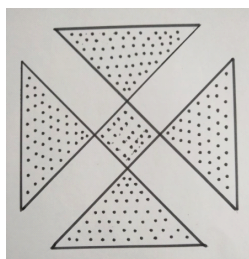

рис. 1

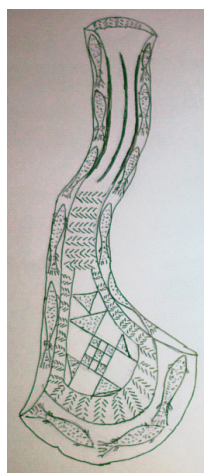

рис. 2

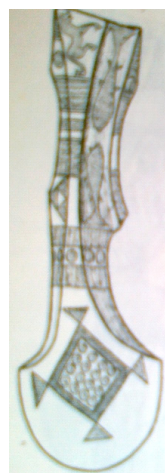

рис. 3

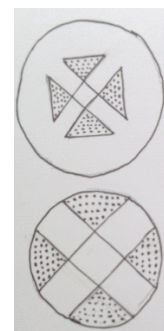

рис. 4

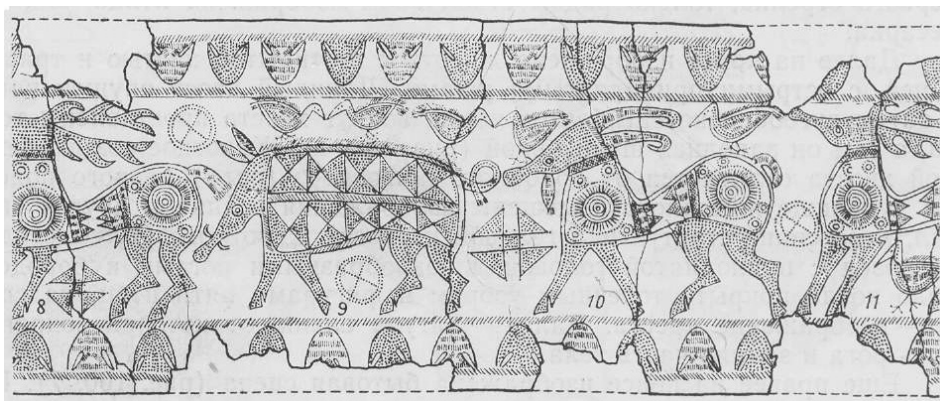
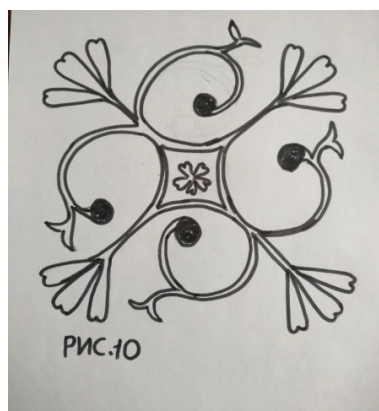
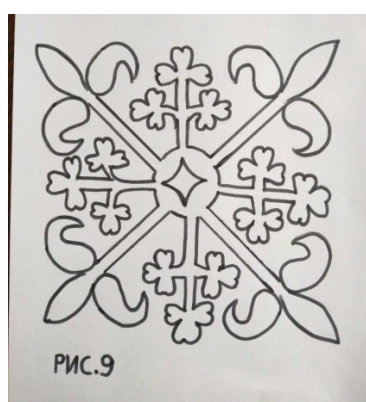
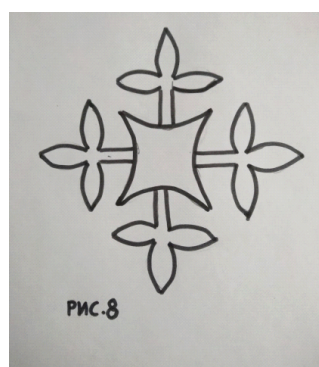
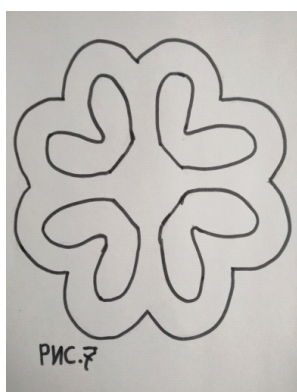
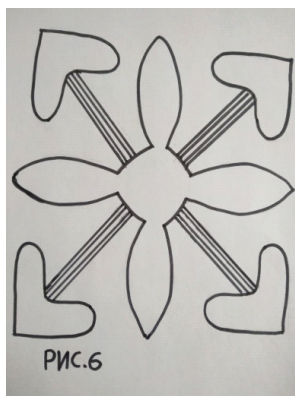

рис. 5

1. Abazov A. Ch., Guvajokov D. H. Ob izuchenii semantiki zverinogo stilya: funktsionalnoe naznachenie khudozhestvennoy bronzy protocherkesov [On the Study of the Semantics of the Animal Style: the Functional Purpose of the Artistic Bronze of ProtoCircassians] // Proceedings of the 2017 International Conference «Quality Management, Transport and Information Security, Information Technologies», IT and QM and IS 2017 8085786, с. 147-154.
2. Апажев М.Л., Коков Дж.Н. Кабардино-черкесско-русский словарь, под общ. ред д.ф.н. Бижоева Б.Ч – Нальчик: Эльбрус, 2008. 704с.
3. Иванокова М.М. Адыгэ Идэ. Золотое шитье Черкесов. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2018. 472с.
4. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X-XI вв. М.: Издательство восточной литературы, 1963. 270 с.
5. Рошаль В.М. Энциклопедия символов. М., СПб.: АСТ, Сова, Харвест, 2008. 384с.
6. Shomakhova Tatyana Massovna, Guvazhokov Dzhabrail Hamtakovich «Applied Sciences and technologies in the United States and Europe: common challenges and scientific findings»: Papers of the 7th International Scientific Conference (June 25, 2014). Cibunet Publishing. New York, USA. 2014. 244 p.

Т.Р. Загазев,
аспирант
НОЦ КБНЦ РАН
(г. Нальчик)

ПЕРЕЖИТКИ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДОВ У АДЫГОВ

Статья посвящена исследованию проблемы бытования в наши дни пережитков доисламских погребальных обрядов у адыгов. Сделана попытка комплексного рассмотрения вопроса с учетом письменных источников, археологических материалов, данных этнонимии. Показано, что, несмотря на смену религиозных верований адыгов, многие похоронно-погребальные обряды остались у них в неизменном виде.

Ключевые слова: адыги, пережитки, погребальные обряды, курганы, могила.

The article is devoted to studying of the problem of the remnants of the Adygheans burial rites in our days. The paper provides a comprehensive analysis of the problem taking into account written sources, archeological materials, and ethnonymic data. It is shown that despite the change of the religious beliefs of the Circassians many funeral rites remained unchanged.

Keywords: Circassians, remnants, funeral rites, mounds, grave.

На протяжении веков у народа в силу различных факторов формируется своеобразная культура, мышление, представления о роли человека во Вселенной, представление об этом и потустороннем мире. Традиционная культура, оказывающая огромное влияние на самосознание народа, начала ускоряющимися темпами вытравливаться глобализационными процессами.

В традиционных обществах относительно более стойкими к таким процессам являются свадебные и погребально – поминальные обряды. Даже при переходе народа к другой религии, что само по себе является длительным процессом, зачастую старые верования и мировоззрения подстраиваются под новые и начинают восприниматься как часть этого учения. Ярким примером являются пережитки позднесредневековых погребальных обрядов у адыгов.

Цель работы – рассмотреть некоторые позднесредневековые погребальные обряды адыгов и их трансформацию, наложение языческих верований на мусульманские обряды после массового принятия адыгами ислама. Мы не затрагиваем христианство по той при-

чине, что оно само по себе в чистом виде (не считая вкраплений на Северо-Западном Кавказе) по погребальному обряду не прослеживается в интересующем нас временном промежутке на территории расселения адыгов. Об этом в своей работе упоминал еще учёный и крупный специалист в области изучения адыгских курганов А.Х. Нагоев [1]. Смена погребального обряда, как правило, связана с изменением религиозных верований.

Самым ранним, известным нам, и полным, на наш взгляд, описанием погребального обряда адыгов в период позднего средневековья является работа итальянского путешественника и этнографа Джорджио Интериано, выпустившего монографическое описание Черкесии в Венеции в 1502 г. Вот как он описал этот процесс: «Похороны у них (черкесов. –Т.З.) совершаются очень странно. Когда умирают знатные люди, они устраивают в поле высокое деревянное ложе, на которое кладут мертвеца в сидячем положении, предварительно вынув у трупа внутренности, и здесь, в продолжение восьми дней, его посещают родные, друзья и подданные, которые приносят различные дары, вроде серебряных чаш, луков, стрел и других предметов. По обе стороны ложа становятся двое из числа наиболее близких родственников, пожилого возраста, каждый опираясь на посох, а над ложем по левую сторону стоит девушка со стрелой в руке, на стреле у неё развевается шелковый платок, которым она отгоняет мух от покойника даже в холодное время, длящееся большую часть года в этих краях. А лицом к мертвецу сидит на особом возвышении первая из жён и, не отрываясь, глядит на мёртвого мужа, но не плачет, потому что плакать считается постыдным, и так проводят они большую часть дня, вплоть до восьмого, после чего погребение совершается таким образом: берут очень большое дерево и от самой толстой его части отрубают в длину, сколько следует, затем раскалывают надвое, очищают и вынимают из сердцевины столько, чтобы поместилось тело вместе с частью принесенных даров, о которых говорилось выше. Затем, положив умершего в это углубление, складывают обе половины дерева [2] и несут к месту, предназначенному для погребения, где собирается большая толпа народа. Ему делают так называемую могилу, т.е. земляную насыпь, и чем важнее был умерший, и чем более имелось у него подданных и друзей, тем выше и больше насыпается этот холм; между тем самый

близкий из родичей собирает принесенные дары, все время раздает присутствующим, и чем более он любил и чествовал покойного, тем менее этих даров хоронилось с ним...

После похорон несколько раз в час, определенный для еды, коня умершего посылают в поводу с одним из слуг к могиле, и там он до трёх раз зовет покойника по имени, приглашая его прийти и разделить трапезу с родными и друзьями. И тогда, считая, что исполнили свой долг, пьют и едят в честь умершего» [3, 51-52].

В период позднего средневековья характерным для адыгов являлся курганный обряд погребения в деревянной колоде головой на запад с сопутствующими вещами. Курганы этого времени в основном были невысокие, до 1 м, с каменным панцирем и кромлехом. Есть предание, согласно которому покойному не рыли могилу, а, положив прямо на землю, обкладывали камнями и затем насыпали курган. Хоронили также в дощатой колоде без подбоя (лыхь) [4]. Интересно отметить, что в позднесредневековых адыгских курганах встречаются такие погребения прямо на материке, обложенные камнями и с возведенными над ними курганами [5, 17]. Свидетельство Дж. Интериано о том, что чем знатнее был человек, тем выше насыпался курган, подтверждается данными археологии. Как правило, погребения под самыми высокими курганами в позднесредневековых некрополях являются наиболее богатыми. По этому поводу интересно привести замечание относительно черкесов другого итальянца, монаха Доминиканского ордена Джованни Да Лукка, побывавшего на Кавказе в XVII в.: «В каждом жилище желали иметь святой воды, так что я снова и снова вынужден был благословлять. Когда я окончил это дело, князь попросил меня прочитать молитву над могилами погребенных, которые представляли собой множество холмиков. Я спросил, что означают эти холмики, и мне ответили, что под ними покоятся тела умерших. Затем меня повели к самому большому холму, в котором хоронили членов княжеской фамилии, и над ней я также прочитал молитву, начиная с «Прости меня, Господи», и другие молитвы в высоком тоне» [6, 135-136].

Сохранились предания относительно обычая возведения курганов покойному у адыгов («кхъэсей»). Так, в фольклорном архиве КБИГИ хранится предание, записанное со слов старожилы Шогенова Эльмурзы. На наш взгляд, будет уместным привести здесь этот ма-

териал: «В черкесском языке встречаются десятки инвективов с основной компонентой «кхъэсей»: чтоб [имущество] твое разобрали, словно поминальную еду, чтоб тебя обобрали, как кхъэсей». Если содержание первого выражения хорошо известно, то мало кто сумеет объяснить значение «кхъэсей». Слово это архаичное, и действия, совершаемые в связи с этим понятием, возникли в древние языческие времена. В ту пору в могилу умершего человека клали много ценных вещей. И люди во все времена раскапывали эти древние могилы с тем, чтобы извлечь оттуда захороненное добро. Существовало поверье, что захороненное в могилу умершего имущество способствует облегчению существования его души в загробном мире, что оно помогает ему «проживать» там достойную жизнь. И понятно, потому родственники ушедшего в мир иной тяжело переживали разорение могил. С тем, чтобы предотвратить подобные неприятные ситуации и сохранить имущество умершего, люди стали сооружать над могилами курганы. Курганы сооружались своими силами: кто мог, тот сооружал высокие курганы, кто был не в состоянии этого сделать, тот сооружал курганы меньших размеров. И когда говорят, что при раскопках кургана было обнаружено столько-то и столько-то добра, речь идет именно о том имуществе, что родственники умершего клали в могилу. И нет правды в том, когда говорят, что добро, лежащее в могиле, принадлежит джинам. Один человек не был в состоянии сооружать такие курганы. Курганы ставились общинными усилиями. Процесс сооружения курганов называли кхъэсей. А поминальную трапезу, что устраивали для них, называли кхъэсей хъэдэ1ус. В таких случаях забивали много скота. Вот откуда идет кхъэсей» [7].

Усопшему, по обычаю, могилу копают соседи и родственники, кроме членов семьи. После подготовки могилы для них специально готовили пищу, забивали барана и кормили на кладбище. Этот обычай называется «мащэт1гъашхэ». Сегодня, как и множество обрядов, его перенесли с кладбища во двор умершего. В наши дни участвовавшим в подготовке могилы людям ставится отдельный столик, и их кормят уже во дворе.

Из описания Дж. Интериано становится ясно, что после смерти знатного человека у адыгов приступали к неполной мумификации тела покойного с тем, чтобы оно в течение установленных восьми

дней не начало разлагаться. Видимо, мумификация не была ранее чужда адыгам и некоторым другим кавказским народам. В адыгском языке имеется понятие мумии и называется «хьэдэмыф», что можно привести ещё как дополнительный аргумент, лингвистическое свидетельство в пользу этого [8]. И в наши дни используют травы и вещества, чтобы тело не опухало и не портилось. Так по сообщению ряда респондентов старшего поколения (этнических кабардинцев), адыги ставили в миске под телом покойного соль, крапиву и другие, специально для этого собранные, растения чтобы оно не опухало [9]. Вероятно, это отголоски древнего обычая частичного или полного мумифицирования тела покойного. Удаление внутренностей умершего делалось в этих же целях, поскольку именно с внутренних органов и начинается разложение. Вообще бальзамирование к периоду позднего средневековья начало постепенно угасать.

С той же с целью – не дать опухнуть покойнику – на него кладут ножницы, что также является древним обычаем. Ножницы – один из самых часто встречаемых предметов адыгских женских погребений позднего средневековья. Н.А. Шафиев по этому поводу пишет: «Следует отметить, что обычай хоронить женщин, положив им на грудь ножницы, у некоторых кабардинцев сохранился как пережиток почти до наших дней». Это подтверждается этнографическим материалом. Видимо, куску железа, как и золе, придавалось при погребении какое-то символическое значение. Существование до недавнего прошлого этого обычая у кабардинцев подтверждают информанты Умар Сокуров (с. Жемтала) и Темиркан Бжихатлов (с. Заюково).

Согласно имеющимся материалам, обычай класть в могилу женщины ножницы постепенно изживался, однако не был забыт: вместо ножниц в натуре стали делать их изображение на надгробных памятниках» [10, 51-52]. Истинная смысловая нагрузка, которую несли ножницы, занимавшие особое место среди прочего женского инвентаря, утеряна. В наши дни ножницы применяются и относительно мужчин, не ассоциируя их уже с женской атрибутикой. Так, по сей день встречается, когда ножницы кладут на усопших, в том числе и на мужчин. При опросе нами старожилков они отвечали, что смысла не знают, и что так делали раньше. Часть старожилков говорила, что это делалось для предотвращения опухания тела, что, на наш взгляд, не соответствует истине, так как других

металлических предметов, применяющихся с этой целью, мы не наблюдали и подобной информацией не владеем. Ножницы клали на тело таким образом, чтобы кончики строго были обращены к ногам» [11].

Почитание курганов в древности и вера в их магическую исцеляющую силу, а также обряды, сопровождавшие их, перекочевали позднее и на мусульманские могилы шахидов, известных хаджи и знаменитых воинов.

Множество позднесредневековых обрядов, трансформируясь и переосмысливаясь последующими поколениями, дожили до наших дней. Большинство из них ныне воспринимаются как мусульманские. Вера в магическую силу намогильных сооружений – курганов – также со временем переносится на мусульманские могилы. Длительный процесс смены религий и их наслаивание на старинные обычаи неразрывно связаны и отражаются на похоронно-погребальных обрядах адыгов.

-
1. Нагоев А.Х. Средневековая Кабарда. Нальчик, 2000.
  2. Частыми находками являются железные скобы для сколачивания деревянной колоды (адыг. бэн1унэ) и крыши при археологических раскопках курганов того периода. Очень редко встречаются и медные ящики вместо колод, что объясняется, на наш взгляд, дороговизной их изготовления. Примечательно, что в народной адыгской песне-плаче об Адиюх поется: «...гъуаплъэ бэни удэслъхъэнут уэй си 1эдииху, гъуаплъэ бэни сэ симы1э...» (в медный гроб бы тебя я положил, Адиюх, да медного гроба у меня нет).
  3. Джорджио Интериано. АБКИЕА. Нальчик, 1974.
  4. Архив КБИГИ. Ф.12. Папка 3а, запись 1972. с. Н. Акбаш. Информатор: Тахушева Бабина Озировна, 1889 г.р.
  5. Фоменко В.А. Пятигорье в XV – середине XVIII в. Пятигорск. 2002.
  6. Аталиков В.М. Страницы истории. Нальчик, 1987.
  7. Архив КБИГИ. Ф.12. Папка 3, паспорт № 38. «Кхъэсей». Запись 1971. с. Н. Акбаш. Информатор: Шогенов Эльмурза. 83 года. Перевод с адыгского Табишева М.А.

8. К слову, само понятие «мумия» не присутствует в русском языке. Это слово было заимствованно ими, скорее всего, из греческого или византийского языка. В свою очередь, к европейцам это слово пришло из арабского языка. Сами древние египтяне именовали мумии «саху».

9. Полевые материалы хранятся в личном архиве автора.

10. Шафиев Н.А. История и культура кабардинцев в период позднего средневековья (XIV – XVI вв.). Нальчик, 1968.

11. Из личного фоноархива. Информатор Башлоева (Загазежева) Рая Галимовна, 1935 г.р. С.Жемтала.

М.Т. Худалова,
учитель
(г. Владикавказ)

О НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНАХ КУЗНЕЧНОГО РЕМЕСЛА В НАРТОВСКОМ ЭПОСЕ ОСЕТИН

В статье рассматривается семантическая и формальная структура терминов кузнечного ремесла в осетинских сказаниях о нартах. Определяется степень заимствованных и исконных слов в исследуемой области. Анализируются основные способы образования терминов кузнечного ремесла, обнаруженных в нартском эпосе осетин.

Ключевые слова: термин, терминологический элемент, кузнец, ремесло.

The article discusses the semantic and formal structure of the terms of the blacksmith's craft in Ossetian legends about Narts. Determined by the degree of borrowed and primordial words in the study area. The main ways of forming the terms of the blacksmith's craft discovered in the Nart Epic of Ossetians are also analyzed.

Keywords: term, terminological elements, blacksmith craft.

Статья посвящена терминам кузнечного ремесла (куырџ "кузнец", куырџадџ "кузница", куынц, дымгџуадџџнтџ "кузнечные меха", куынцгом (горнило), сџрын, сџрдын, џвсџрын "закалять", хџсџдарџџ "наковальня", џртыскџн "щипцы" (для углей), дџџбуг "молот", аркџау "клещи, џвзалы "уголь"), их семантической и формальной структуре.

Встречаются в эпосе термины, в составе которых выделяются специфические для них элементы – терминологические единицы. «Под терминологическими единицами понимаются слова, имеющие самостоятельное значение и входящие в состав простого... термина [1, 15]». Терминологические единицы кузнечного ремесла классифицируются на группы: *исконные, заимствованные и неясного происхождения.*

Исконные терминологические единицы, в свою очередь, делятся на:

1) термины древнейшего пласта осетинского языка. Проиллюстрируем.

Так, термин куырџ "кузнец" *nomen agentis* (отглагольное имя), где производящий элемент – корень *kur – "топить" восходит, по В.И. Абаеву, к *kur-ta – или **kur-tar-*, от "калить" [2, 610]. Ср. др.инд «*kūdayati*» "палит", "жжет" (из kurd-), арм. *k`rak`* (из *kur-ak) "огонь" [3, 462], которое могло быть заимствовано из ср. иран. *kurak (перс.

kūra “кузнечный горн” относится сюда же), **ст. слав.** *курити*, **русс.** *курить*, **слов.** *kùriti* “разжигать огонь”, **лит.** *kùrti* “топить”, “разжигать огонь”, **гот.** *haūri* “уголь”. **Ст. слав.** *кръчии*, **др. русск.** *корчий* “кузнец” (отсюда название Керчи, буквально “Кузнецк”). Немецкие учёные, А. Фик и Эрих Бернекер, предполагают связь данного слова с **др. инд.** *kar-* “делать” [4, 24, 384]. Что, по мнению В.И. Абаева, менее правдоподобно. Ср. *Уыдон – уæйгуытæ, авд дæр уыдысты куырдатæ* [5, 85]. – “Они – великаны, все семеро были кузнецами” (подстр. пер.)

Кузнечное дело рано дифференцировалось на несколько специальностей, названия которых представлены в осетинском языке старыми образованиями: *æфсæнгуырд*, или *куырд* “кузнец по железу”, *зæрингуырд*, “золотарь”, *æрхуыгуырд* “медник”, “лудильщик”.

Из осетинских народных ремёсел – *нæрвнæмæг* “скорняк”, *цыргъæнæг* “точильщик”, *цармыстигъæг* “шкурник”, *хъæддæсны* “столяр, плотник”, *нымæтуæрдæг* “валяльщик”, *тынуафæг* “ткач” и т.д. – лишь кузнечное дело сохранило старое, неразложимое наименование *куырд* “кузнец”.

Впервые в Нартиаде даются названия *сырья-металлов*. К примеру, *æвзалы* “уголь” возводится к иран. **zvalya-* ← *zvaryā-* (индоевропейская база * *gwel-*) и сближается с **др. инд.** *jval-*, *jvalati* “гореть”, “пылать”, *jvāla* – “пламя”, с закономерной метатезой *zv* → *vz* (ср. *yvzag*) “язык” из **hizvaka-* [2, 25] Ср. **татск.** *zuwol* “уголь” [3, с. 76]; **перс.** *zuvāl* “красный уголь”, “тлеющий уголь”, “головня” [6, с. 80]; **др. ирл.** *gúal*, **англ.** *coal*, “уголь”, “уголёк”, “каменный уголь”, **др. сев.** *kol*, **нем.** *Kohle* (кулæ) “уголь”, “тлеть” и даже “цементировать”. Термин используется в большинстве сказаний для закалки героев. Ср. *Дыуадæс уæрдонæ æвзалы сласут, уыдон бын баныгæнут мæн, æвзалымæ та саразут куынцытæ* [7, 311]. – “Привезите двенадцать ароб угля, закопайте меня под ними, а на уголь направьте меха” (подстр. пер.). *Батрадз ацыди æмæ залиаг кæлмытæ ныццагъта, схаста сæ Куырдалæгонмæ æмæ сæ æвзалы скодтой* [7, 75]. – “Батраз ушёл и истребил залийских змей, отнёс их к Курдалагону, и из них сделали угли” (подстр. пер.).

Термин *сæрын* (*сæрдын*) «закаливать», «делать стальным», «наваривать сталь». В эпосе встречаются оба варианта с семантикой “закалять”, иногда с краткими личными местоимениями и с предлогом *æнæ* “без”. Ср. *Батрадз Куырдалæгонмæ ссыди æмæ йын загъта: “Дæ*

хорзæх мын хуыцау раддæд, æмæ мæ байсæрд æмæ æндон куыд суон" [8, 22]. – "Батрадз поднялся к Курдалагону и сказал ему: "Да даст мне бог твою милость, закали меня, чтобы я стал стальным" (подстр. пер.). Батрадз загъта: "Уыдæттæй мæ нæ фæтæрсын кæндзынæ, фæлæ дæ курын æмæ мæ байсæр" [7, 74]. – "Батраз сказал: "Ты меня этим не испугаешь, но, прошу тебя, закали меня" (подстр. пер.). Хъомыл кæнын райдыдта уыцы хуызæнæй Батрадз. Æмæ йыл иу гыццыл азтæ куы рацыди, уæд æрхъуыды кодта: "Æз æнæ сæрстæй куы баззайон, уæд н'аййафдзынæн адæмы" [7, 70]. – "Таким вот образом начал расти Батраз. И когда немного подрос, то подумал: "Если я останусь без закалки, то не стать мне таким, как все" (подстр. пер.).

Технология закаливания, вызвавшая к жизни термин "сæрын" (сæрдын), заключается в накладывании стального слоя на нестальной предмет. Анализ названий стали в некоторых языках (осет. ændon < др. инд. *saṃdhāna* – "накладывание", "накладка", русск. уклад и др.) также указывает на данную процедуру [9, 73-74]. Заметим, что и археологические данные подтверждают древность этой технологии, ср.: "Уже в раннюю пору скифской истории мастера умели получать высокоуглеродистую сталь. С самого раннего периода... скифские кузнецы знали цементацию. Наряду с цементацией практиковалась «наварка стального лезвия на стальную основу» [10, 132, 134]. Ср.: *Байсæрдут мæ æндонæй* [11, 111]. — "Обмажьте меня сталью (букв.: закалите меня)" (подстр. пер.).

Варианты сæрын и сæрдын возводятся к *vi-sar – *u* **vi-sard-*. Ср. сак. *a-sal-*, *pa-sal* "мазать" [12, 25, 34], где *sal* – из *sard* – [13, 96].

Известно, что в немецком языке глагол «цементировать» и существительное «уголь» восходят к одной и той же лексеме – *kohlen*.

С кузнечным делом связан и глагол *дымын* "дуть", "выдувать", восходит к иран. *dam; *a* → *u* → *y* под влиянием губного [2, 382 – 383]; перс. *damidan* "дуть", "надувать", *dam* "дыхание", "дуновение", пам. язг *dam* – "надувать", "раздувать мехами" [14, с. 8]; а также др. русск. дѣму, дуги. Ближе всего лит. *dumiū*, *dūmti* "дуть", *dūmples* мн. "кузнечный мех" [15, 557]. Анализ данного слова даёт нам право отнести его к таким лексическим единицам, которые мы признаем терминами: они "стали таковыми, будучи вовлеченными в терминологию или терминосистему из сферы неспециальной лексики" [16, 28]. В эпосе он чаще всего употребляется с термином *куынц*

“меха”; ср. *Батрадз та куырдазмæ бахызт, æмæ йыл Куырдалæгон æнæхъæн къуыри фæдымдта* [7, 36]. – “Батраз вошёл в горн, и Курдалагон дул на него целую неделю” (подстр. пер.). Имеется в виду “дуть мехами”.

Чаще всего термин используется с вспомогательными глаголами *райдайын*, “начинать” и *кæнын* “делать”. Ср. *Куынцытæ саразут фæйнæрдыгæйты æмæ дымын райдайут æвзалы* [7, 311] – “Направьте со всех сторон меха и начинайте обдувать уголь” (подстр. пер.). *Ма’й фæххаста уæларвон Курдалæгонмæ. Авд кунцемæй имæ æмхузон æрдумун кодта...* [17, 691]. – “И понёс его к небесному Курдалагону. С семи мехов одновременно начал обдувать его” (подстр. пер.).

2. Собственно осетинские терминоединицы. Они образованы различными способами.

а) *Семантический способ.*

В одном из сказаний встречается синоним термину “*сæрдын*” “намазывать” (в значении *закалять*) – “*æвæрын*” “класть”; ср.: *Сывæрдта йыл æндон цъар æмæ йæ сырх зынг ыскодта, афтæмæй йæ денджызмæ нынтъыхта* [7, 36]. – “Положил на него стальной слой и раскалил его, в таком виде закинул его в море”.

б) *Словообразовательный способ.*

Эти терминоединицы “включают в себя на равных основаниях производящую основу, словообразующую морфему, слово в составе терминологического словосочетания...” [18, 107]. К примеру, *куырдадз* “кузница”, букв. “место кузнеца”; включает в себя “производящую основу – корень *kur – “топить”, словообразующую морфему -д – и слово *baza* “место”, Для сравнения – *kærdbazæ* “ножны”, а также *тудаз* “воск”. Ср. *Уæд нартæй иу Батрадз хуынди, ..., сæ хуыздæр уыд Нартæн, тыхджын лæг – байсæрдын кодта йæхи куырдадзы* [7, 66]. – “Тогда одного из нартов звали Батраз... он был лучшим из нартов, могучий человек – заставил закалить себя в кузнице” (подстр. пер.).

Термин *сæрдæггаг* состоит из следующих терминоэлементов: *сæрдын* “мазать” (восходит к образующему корню *sar* “мазать”,) + *аккаг* (достойный), букв. *достойный закалки*. Ср. *Тæригъæд мын æппындæр ма кæн, сæрдæггаг дын мызд дыууадæс туманы схастон* [7, 113]. – “Совсем не жалею меня. За достойную закалку я принёс тебе плату в двенадцать туманов” (подстр. пер.).

Термин *дымгæуадзæнтæ* “меха”. Образован *дат* от корня *дымгæ* “ветер”; далее его причастно-деепричастная форма на *-гæ* от глагола *дымын* “дуть” < **перс.** *dat, datā* “дуновение”, “веяние” + глагол *уадзын* “пускать, впускать” + элемент множественности *тæ* (букв. то, из чего нагоняют ветер). Ср. *Куырдалæгон загъта йæ искæйуæттæн*: “*Тагъд ут, цъус æвзалытæ йыл бакалут æмæ бадымут, тагъд басуджджен*”. *Уыдон ыл бакалдтой æвзалытæ æмæ йыл бадымтой дымгæуажæнтæ* [7, 17]. – “Курдалагон сказал своим помощникам: “Быстрее, закиньте на него немного угля и начинайте дуть – быстро сгорит”. Они закинули на него угля и подули на него *мехами*” (подстр. пер.). Данная лексема в эпосе выступает синонимом термину *куынц*. Встречается единожды в сказаниях и только на южноосетинском говоре.

Термин *æртыскæн* “щипцы для угольев” < **иран.** *āθr-us-kan – “чем копаются (*us-kan*) в огне (*āθr-*)”. Ср. **перс.** *iskana* “долото”, **согд.** *ʾskʼn* “инструмент для гравировки” [19, 192]. Ср. *Уæд цыппæрæм загъта*: “*Уыдонæй се`ппæтæй дæр хуыздæр æмæ тыхджындæр æртыскæн, артмæ чи бацæуы æмæ сырх зынг æфсæйнаг уырдыгæй чираласы*” [5, 106]. – “Тогда четвёртый проговорил: “Из них лучше и сильнее всех *щипцы* для угольев: они в огонь входят, и раскалённое железо оттуда вытаскивают” (подстр. пер.).

1. Заимствованные термины; среди них выделяем:

а) собственно заимствования. Термин *куынц* “меха”. Предполагается, что оно заимствовано из тюрск. *kunč, kunž* “голенище” (использовалось для разжигания угля). В эпосе встречается как в единственном, так и во множественном числе. Ср. *Уæйгуытæ нæ фидыдтой*: “*Чи хистæр у? Хъæсдарæг, куынц æви дзæбуг?*” [5, 121]. – “Великаны не сговаривались: “Что старше? Наковальня, *меха* или молот?” (подстр. пер.). *Уыдон сæм сарæзтой куынцытæ æмæ йыл æртæ иннæ боны фæдымдтой, ыстæй йæ денджызмæ аппæрстой* [7, 39]. – “Они на них направили *меха* и стали дуть на него последующих три дня, затем бросили его в море” (подстр. пер.).

б) термины с заимствованной основой, оформленные по правилам осетинского языка.

Термин *куынцгом* “горнило, горн” < *куынц* “кузнечный мех” + *гом* “отверстие, рот”. Ср. *Стæй Куырдалæгон дуртæ æрласта æмæ йæ цæвæрдта куынцгомы, дурты бын* [7, 7] – “После этого Курдалагон

привёз камни и положил его в горнило, под камнями" (подстр. пер.).

Термин *хъæсдарæг* "наковальня". Предположительно, от *лезг каş, цахур. qaş* "молот". Вторая часть исконная, от *dar* – "держать". Ср. *Уæд хистæр загъта: "Хъæсдарæггæй хуыздæр дзаума дзы ницы ис, уый тыххæй æмæ сæ ууыл хойынц"* [5, 106] – "Тогда старший сказал: "Нет вещи, лучше *наковальни*, потому что их на нём ударяют" (подстр. пер.).

2. Термины с не установленным происхождением.

Термин *аркъау* "щипцы". Ср. *Æмæ сæм рацыди Сырдон æмæ сын загъта: "...дзæбуг хуыздæр у æви аркъау?"* [5, 86] – "И вышел к ним Сырдон и сказал им: "...молот лучше или щипцы?" (подстр. пер.).

Термин *дзæбуг* "молот". Ср. *Уæд æртыккаг загъта: "Уыдонæй се`ппæтæй дзæбуг хуыздæр æмæ тыхджындæр..."* [5, 106]. – Тогда третий проговорил: "Из всех них *молот* лучше и сильнее..." (подстр. пер.).

Итак, приведённый материал подтвердил, что из осетинских народных ремёсел самое древнее – кузнечное дело, что лишь оно сохранило старое, неразложимое наименование *куырд* "кузнец"; что терминология кузнечного ремесла сохранилась в нарттовском эпосе; что среди терминов кузнечного ремесла выделяются исконные, заимствованные и неясной этимологии.

1. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы теории и методики. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961.

2. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка в 5-ти т. Т. I. М.: Наука, 1958.

3. Hübschmann H.. Etymologie und Lautlehre der ossetischen Sprache. Strassburg, 1887.

4. Fick A.. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. Изд. 4-е, Göttingen, 1891, 1894. I-II.

5. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. IV-æм чиныг. Дзæуджыхъæу: Ирыстон, 2011.

6. Ягелло И. Д. Персидско-русский словарь. Ташкент, 1910.

7. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. III-æм чиныг. Дзæуджыхъæу: Ирыстон, 2005.

8. Миллер В. Осетинские этюды. М., 1881.
9. Этимологические исследования по русскому языку. М., 1960.
10. Смирнов А.П. Скифы. М.: Наука, 1966.
11. Памятники юго-осетинского народного творчества. Цхинвал, 1929. I.
12. Emmerick R.E. Saka Grammatical Studies. Oxford University Press. London, 1968.
13. Bailey H.W. Indo-Scythian Studies: Khotanese Texts, vol. IV, 1960.
14. Андреев М.С. Язгулемский язык, таблицы глаголов. Л., 1930.
15. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка в 4-х томах. Т. I. М.: Прогресс, 1986.
16. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Изд. 4-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
17. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. II-æм чиныг. Дзæуджыхъæу: Ирыстон, 2004.
18. Даниленко В.П. Русская терминология. М.: Наука, 1977.
19. Benveniste E. Mission Pelliot IV. Textes sogdiens edites. Paris, 1946.

V. ФИЛОЛОГИЯ

Е.Б. Дзапарова,
кфн, снс СОИГСИ им. В.И. Абаева
(г. Владикавказ)

Н.Г. ДЖУСОЙТЫ – ПЕРЕВОДЧИК ПОЭЗИИ К.КУЛИЕВА НА ОСЕТИНСКИЙ ЯЗЫК

В статье проводится сравнительно-сопоставительный анализ осетиноязычных переводов Н.Г. Джусойты некоторых поэтических произведений К. Кулиева с русскими вариантами и текстами на балкарском языке с целью выявления наиболее оптимальных подходов к осуществлению перехода их из одной языковой системы в другую. Автором статьи прослежены особенности передачи лексико-семантических средств исходного языка, экспрессии стиха оригинала; особое внимание уделяется воспроизведению на переводящем языке поэтической символики.

Ключевые слова: художественный перевод, переводной текст, переводимый текст, первоисточник, образная структура текста, конкретизация, художественный образ.

The comparative analysis of Ossetian translations of some poetry works by K. Kuliev with Russian and Balkarian texts is in the article with the aim of identifying the most optimal approaches to the implementation of the transition of texts from one language system to another. The article's author carries up the features of the communication of the lexical and semantic means of the original language, the expression of the original verse; special attention is paid to reproducing poetic symbolism in the translated language.

Keywords: artistic translation, translated text, translatable text, primary source, figurative text structure, concretization, artistic image.

Художественное наследие известного осетинского писателя Нафи Григорьевича Джусойты не ограничивается поэзией, прозой, драматургией. Большой вклад внесен народным писателем Осетии в перевод произведений русской литературы, в демонстрацию на осетинском языке творчества национальных писателей. Поэзия из-

вестного балкарского поэта Кайсына Кулиева – один из предметов творческих изысканий Н. Джусойты. «Балкарская свирель» [1] – так называется сборник Джусойты, включающий переводы отдельных известных лирических произведений балкарского писателя, а также оригинальные стихи осетинского автора, посвященные поэту Кулиеву. В художественном издании переводы стихотворений подчиняются хронологическому принципу. Переводчик тщательно подошёл к выбору переводимых текстов. В поле зрения Джусойты поэзия балкарского поэта, посвящённая детям и родному краю. Сборник включает любовную лирику, военные стихи, стихотворения, в которых автор поднимает вопросы жизни и смерти, отражает трагедию балкарского народа – депортацию и др.

Общеизвестно, что при переводе произведений Кулиева на русский язык, поэт нередко сам выполнял «черновую» работу – делал подстрочный перевод с балкарского языка. И лишь затем профессиональные переводчики облекали стих писателя в красивый ритмический строй. Поэзию Кулиева на русский язык переводили Н. Гребнев, Я. Козловский, М. Дудин, О. Чухонцев, Е. Елисеев, Д. Голубков, Л. Шифферс, Д. Кедрин, Б. Ахмадулина, Д. Самойлов, Д. Долинский, Н. Тихонов, В. Сикорский, А. Старостин, Ю. Полухина, Д. Бродский, Ю. Нейман, Н. Кондакова, М. Зенкевич, Н. Столяров, Л. Шерешевский, Я. Аким, В. Звягинцева, М. Петровых, Я. Хелемский и др.

Для выявления стратегий перевода одних и тех же текстов мы попытались в своей работе провести сравнительно-сопоставительный анализ осетиноязычных переводов некоторых стихотворений Кулиева, выполненных Джусойты, с русскими вариантами, а там, где нам был доступен подстрочный перевод с балкарского языка, старались привлечь его.

Джусойты, будучи не только практиком художественного перевода, но и блестящим теоретиком, обращался к анализу творчества балкарского писателя в переводах. Так, в статье «Обманчивая прелесть „игры без правил“» анализирует стихотворение Кулиева «Лунная ночь» («Ай жарыкъ кече», буквально с балкарского языка «Лунная светлая ночь») в переводе Б. Ахмадулиной, указывает на недочёты русскоязычного перевода, в частности на несоответствия в переводе формальных особенностей стиха оригинала, на не совсем верное прочтение переводчиком смысла, заложенного Кулиевым в

образе «луны», отсутствие в русскоязычном варианте стихотворения образного контраста «ночь» → «лунный свет». В конечном итоге автор статьи констатирует подмену в переводе Ахмадулиной «психологической, нравственной и эмоциональной атмосферы подлинника» [2, 4]. Сам Джусоев требовал от себя и от других ответственного подхода в переводческой деятельности, исключая в своей основе «игру без правил» и «не ограниченный переводческий произвол» [2, 4]. При этом сам Джусойты не обходил стороной русскоязычные переводы и обращался к ним при переводе стихотворений Кулиева на осетинский язык.

Сборник «Балкарская свирель» открывают ранние стихотворения Кулиева, отражающие мир детей: «Мальчик и телёнок» – «Рæуæд æмæ саби», «Мальчики и козлята» – «Лæппутæ æмæ сæныччитæ», «Песня мальчика едущего на ослике» – «Лæппуйы зарæг къæлæуыл бадгæйæ». В сопоставлении с русскими вариантами выявляются способы воспроизведения Джусойты содержательной составляющей художественных текстов. В первом стихотворении «Мальчик и теленок» (в переводе – «Теленок и дитя») в переводах совпадает общая сюжетная линия, а вот образная структура в осетинском тексте усиливается за счет дополнительной цветовой гаммы:

В глазах у теленка	Йæ сау цæсты родæн
И небо, и солнце,	Цъæх арв æмæ ирд хур,
И щеки мальчишки,	Лæппуйы зыхъхъыр дзых,
И белые зубы	Йæ дзæнхъа дæндæгтæ

Коннотативное значение слов в осетинском переводе усилено за счёт ввода в текст дополнительной цветовой символики, изобразительных средств – эпитетов: «**чёрные** глаза теленка», «**голубое** небо», «**ясное** солнце», «**хрустальные** зубы». Как показывает подстрочный перевод, в стихотворении Кулиева данная символика отсутствует:

Жашчыкъ бузоуну кюнден	Мальчик на солнце
Толу уллу кёзлеринде,	В полных больших глазах телёнка,
Къараб туруб, кесини	Видит своё
Бетин, тишлерин кёред.	Лицо, отражение зубов.

Но это вряд ли можно, как представляется, отнести к переводческой ошибке Джусойты. Наличие ярких красок и светлых тонов, уловимое глазом осетиноязычного читателя, вполне характерно

для раннего Кулиева. По мнению авторов монографии «Фольклорно-философские и лингво-культурологические аспекты поэзии Кайсына Кулиева», за цветовой гаммой поэтических образов у Кулиева, за «словами, рисующими предметы видимого мира, стоит определённая гамма чувств к своей исторической родине...» [3, 118].

Во втором стихотворении «*Мальчики и козлята*» – «*Лæппутæ æмæ сæныччытæ*» в осетинском варианте по сравнению с русскоязычным переводом ярче отражена, на наш взгляд, ритмическая организация стиха:

*Мальчишки шумно ловят
Увертливых козлят
И ничего не видят
На свете, кроме них.*

*Йæ уд-йæ дзæцц лæппуйæн:
Тæлтæг сæныкк æрцахс,
Дæ хъæбысы йæ батух
Æмæ дзы фаг фæхъаз!..*

Перевод Н. Коржавина

и поэтому читатель не столь акцентирует своё внимание на выпадении в тексте рифмы (АВСВ), но отмечает в переводах разницу в смыслах последних двух строк. В русском тексте: «*И ничего не видят / На свете, кроме них*», в осетинском тексте переводчик строки интерпретирует так: «*Дæ хъæбысы йæ батух / Æмæ дзы фаг фæхъаз!..*» (с осет. «В своих объятиях его заверни / И вдоволь поиграй»).

Стихотворения, раскрывающие красоту горной природы, насыщены в переводах образной лексикой; природа в них оживлена, колоритна: «*Песня горной реки*» – «*Хохаг доны зарæг*», «*Первый снег*» – «*Фыццаг мит*», «*Табунщик*» – «*Рæгъаугæс*». Приведем следующий пример из стихотворения «*Табунщик*»:

*Реки горные шумят.
В скалах гром дробится.
С гор сорвался водопад,
Как самоубийца.*

*Хъуысы тагъд дæттæн сæ хъæр,
Нæй сын бамыр соммæ.
Фехста æхсæрдзæн йæ сæр,
Рындзæй далæ коммæ.*

Перевод Е. Елисеева

Богатство и яркость подобранных в каждом языке лексико-семантических средств позволили переводчикам по-своему отразить описываемый автором горный пейзаж. На субъективное восприятие переводчиком данного отрывка в русском переводе ссылается автор диссертационного исследования, посвящённого анализу поэзии Кулиева в русскоязычных вариантах, З.А. Кучукова. Исследователь указывает, что «в русском аналоге кулиевского стихотво-

рения «Табунщик» (переводчик – Е.Елисеев) встречается образ: «С гор сорвался водопад. Как самоубийца». Сверившись с оригиналом, убеждаемся, что о самоубийстве там речи нет. Иностранность образа очевидна, он рождён не воображением горца, а взглядом пришельца, связывающим высоту с опасностью смерти. Переводчик, желающий сохранить национальное своеобразие, должен смотреть на «живую действительность»¹, глазами автора, а не интерпретировать её по-своему, выбрав более интересный, на его взгляд, ракурс» [4, 19-20]. Переводчик осетиноязычного текста избежал излишней драматичности в описании горного водопада, но при этом сохранил метафоричность образа. Для убедительности приведем подстрочный перевод отрывка:

Слышен быстрых рек шум,
Нельзя им умолкнуть до завтра.
Бросил водопад свою верхушку
С выступа вон в ущелье.

Стихотворения военной поры составляют в сборнике цикл «Хæсты бонтæ» («Дни войны»). Значительная часть поэтических произведений – это воспоминания автора о матери и родном Чегеме. Зная не понаслышке о военных буднях, переводчик Джусойты максимально реалистично передает на осетинском языке состояние и поэтику души писателя. При этом эмоциональный фон строк в осетинском переводе, как кажется, выше, нежели в русском. Приведём пример обращения лирического героя к матери из наиболее яркого стихотворения указанного цикла «Тохы бон» (с осет. «День битвы»):

<i>Уæ, мæ сауцæст, мæ саулагъз Гыцци!</i>	О, моя черноглазая, моя смуглая мать!
<i>Кæд мæ адзал æрхæстæг, уæддæр,</i>	Если приблизился мой смертный час, все равно,
<i>Ды – мæ рухс бон, мæ зæрдæйы цин;</i>	Ты – мой светлый день, радость моего сердца,
<i>У дæ ныфсæй мæ хъару дывæр.</i>	От твоей веры моя сила удваивается.
	Подстрочный перевод

В переводном русском тексте название стихотворения звучит как «Перед боем», которое ближе, как кажется нам, соответствует содержанию текста.

¹ Здесь автор разделяет беспокойство С. Флорина, считающего «выход переводчика к живой действительности не только нежелательным, но и вредным» [5, 180].

Приведём соответствующую строфу в русском переводе:

*Черноглазая смуглая мать,
В час, когда я, быть может, умру,
Любо имя твоё повторять –
В нём я силу для битвы беру.*

Перевод В. Звягинцевой

Как видим, для усиления эмоциональности отрывка, автор осетиноязычного перевода использует междометие «Уæ!» – «О!». Вместо нейтрального по своей стилистической окраске слова русского текста «умру» в осетинском мы видим употребление экспрессивно окрашенного синонимичного выражения «адзал æрхæстæг» (дословно с осет. «приблизился смертный час» или «приблизилась неизбежная смерть»). Использование Джусойты данной идиомы в переводе, на наш взгляд, придает отрывку особую трагическую тональность, а также передаёт тяжёлое душевное состояние лирического героя накануне сражения. Разнятся в переводах отрывка и способ выражения третьей строки: «Любо имя твоё повторять» – «Ды – мæ рухс бон, мæ зæрдæйы цин» (с осет. «Ты – мой светлый день, радость моего сердца»). С вводом наречия «любо», характерного больше для народно-поэтического стиля, переводчик постарался приблизить русский текст к восприятию своего читателя. Осетиноязычный стих в переводе Джусойты более метафоризирован.

В русском переводе отсутствуют образы, которые использует Н.Г.Джусойты в своём тексте: «саг лæг», «сау зынг», «мады саударæг уд», «рагбонты хур» и т.д. Отсутствие некоторых из них отчетливо прослеживается в следующей строфе:

<i>«Я возрастила Кайсына, скажи. Быть свободным, как горный орел, Научила я сына-певца, Мной вскормленный, он смелость обрёл, Был он горным орлом до конца».</i>	<i>«Уый мæ лæппу Хъайсын уыд!»-иу дзур. «Уый мæ дзидзийæ схастон – цæргæс, Уыд, цæргæсы цъæхахстау, йæ хъæр! Саг лæг бафыста тохы йæ хæс, Кæд йæ сау зынг ныххорз и, уæддæр!»</i>

Перевод В. Звягинцевой

Расходится мысль в строках стихотворения «Ты ждёшь меня» – «Кæсыс мæм æнхъæлмæ»:

<i>Дорогая, как мысль о твоей седине, Как дыхание твоё, близка.</i>	<i>Фæуынын, цыма мæм фæтилыс дæ къух, Дæ сæры урс уайы мæ цæстыл.</i>

Перевод Л. Шифферса

Как видим, каждый из переводчиков по-своему акцентирует внимание своего читателя на художественных деталях. Рассмотрим фрагмент указанного стихотворения, насыщенный образной лексикой:

<i>Каждый камень гор для поэта – стих,</i>	<i>Поэтæн у алы дур сау хæхты стих,</i>
<i>Каждый выступ скалы – строка.</i>	<i>Нæртон рæнхъ – нæ кæмттæ æрфæнтæ!..</i>
<i>Сколько песен скрыто в тропах крутых,</i>	<i>У зарджыты зарæг цъæх айнаджы тигъ,</i>
<i>И поэмой течёт река.</i>	<i>Поэмæ – нæ дæттæ гуылфæнтæ.</i>

Перевод Л. Шифферса

Подстрочный перевод с осетинского:

Для поэта каждый камень – чёрных гор стих,
Чудесная строка – наших ущелий глубь (глубина)!..
Песен песня – серого утёса выступ,
Поэма – наших рек поток.

Как видим, вся строфа – развёрнутая метафора. Переводчик Джусойты находит выразительные средства для воплощения в переводном тексте образной структуры. Для этого вводит характерные эпитеты «сау хæхтæ» (чёрные горы), «цъæх айнагъ» (серый утёс), «нæртон рæнхъ» (букв. «нæртон» – «нартовская», здесь в значении «чудесная»), отсутствующие в переводе Л. Шифферса. В русскоязычном тексте удачно подобранные образные единицы языка – «камень гор – стих», «выступ скалы – строка» – не только подчёркивают красоту описываемой поэтом природы, но и наиболее достоверно передают душевное состояние лирического героя. С использованием подобных сравнений «Кулиев достигал отчётливости и выразительности раскрытия сложного психологического состояния лирического героя» [3, 127].

В каждом последующем стихотворении экспрессия стиха в осетиноязычных переводах усиливается за счёт восклицательных предложений, ввода олицетворений, сравнений («Гъеныр та æз дард ран дæн, Гыцци! / Нæзытæ къæс-къæс кæнынц мæ сæрмæ / Уады футтæй» («Ныхас мæ мадмæ» – «Говорю матери»); «Уæлхох ма зымæгон хъызт ниуы, кæуы» («Кæсыс мæм æнхъæлмæ» – «Ты ждёшь меня»)), художественных образов, в основе которых лежит чёрный (чаще всего как символ траура) или белый цвет: «сау бон» (чёрный день), «урс

æрфгуытæ» (седые брови), «сау кæрдæн» (чёрный платок), «урс дзыкку» (седые волосы), «сау изæр» (чёрный вечер), «сау сагъæс» (чёрная печаль), «сау сæр» (чёрная голова), «урс зачъе» (белая борода), «сау зынг» (чёрное пламя), «сау дуртæ» (чёрные камни), «сау кæмттæ» (чёрные ущелья), «сау хъыг» (чёрная скорбь), «сау нымæт» (чёрная бурка), эмоционально-оценочных лексем: «тугкалд» (кровавое пролитие), «сырдон тох» (звериный бой), «мæлæт» (смерть), «адзал» (смертный час; судьба; рок), «дзыназын» (стон), «æлгъыст» (проклятье), повторов, с помощью которых автор стремится сосредоточить внимание читателя («Таурæгъ капитан Сааняныл» – «Баллада о капитане Сааняне», «Авдæны зарæг зымæгон» – «Колыбельная песня зимой» и др.).

В остальных переводах Джусойты рисует образы, вполне передающие осетиноязычному читателю достоинства художественного слова Кулиева, мировоззрение поэта: «Иунæг бæлас» – «Одинокое дерево», «Цъуы зарæг» – «Я слагаю песню о тебе», «Дуры зарæг» – «Песня камня», «Цæугæдон, мæ рис, мæ хъыг мын ахæсс...» – «Унеси, река, печаль и горе», «Фæстаг бон» – «Последний час», «Бæлæсты аууон» – «В тени деревьев», «Маргъ къалиуыл æрбаддзæн» – «На ветку садит птица», «Дзурын ныййарæг зæххимæ» – «Говорю родной земле» и др. Символические образы в стихотворениях Кулиева – дерево, камень, земля, скала, река, гора, ветер, дорога, очаг, огонь, дом, птица (орел, ворон, журавль) – и в переводах Джусойты раскрывают художественный мир балкарского поэта, его философию жизни; отражают основные жизненные потрясения автора.

Трагедия, пережитая балкарским народом и поэтом самим в годы депортации, ярко показана через поэтическую символику в известном стихотворении Кулиева «Я был бездомным». В небольшом по объёму стихотворении автор отобразил стойкость и мужество лирического героя. Несмотря на оторванность от родной земли, герой Кулиева не отчаивается, не теряет веру в жизнь, в конечное воссоединение с исторической родиной. Блестящий сопоставительный анализ стихотворению в оригинале и в вариантах русскоязычного перевода дан З.А. Кучуковой [6, 253-281]. Проведя детальный анализ четырёх вариантов переводного русскоязычного текста, исследователь обнаруживает несоответствия в подаче переводчиками образа лирического героя, отражении образов-символов оригина-

ла, передаче его идейно-художественного замысла. Используя подстрочный перевод стихотворения с балкарского языка, мы проанализировали осетинский вариант, предложенный Н. Джусойты.

Оригинал:

*Юйсюз, жерсиз къалгъанны да сынадым,
Къара къанатлыланыча санадым
Къара кюнлени. Алай жулдузлагъа,
Танга, жауннга, кырдыкга, кыызлагъа,*

*Учхан къанатлылагъа да къууандым,
Акъ зыгъырдан чыкыгъан суудан да къандым,
Къара кюн да кёрдюм акълыгъын къарны.
Кюрешлери акъны бла къараны!..*

Подстрочный перевод с балкарского языка:

Почувствовал я, что значит остаться без дома, без
земли,

Как чёрных птиц я считал
Чёрные дни. Красивым (пестрым) звёздам,
Рассвету, дождю, траве, девушкам,

Летающим птицам я радовался,
Из белых песков вышедшую воду пил,
В чёрные дни видел белизну снега.
Борьба белого с чёрным!..

Осетиноязычная интерпретация стихотворения балкарского поэта выглядит так:

*Æгъæдзар лæг, уыдтæн мæ хъуырмаæ масты,
Зылди мæ сау бон, сау сынтау, мæ сæрмаæ;
Уæддæр нæ уыдтæн царды зынагъ хъастыл,
Æмæ нæ истон искæй цин æвзæрмаæ.*

*Мæ сау бонты дæр цин кæнын зыдтон,
Нæ уыд мæ зæрдæ салд, æгомыг, дурау, –
Кæд-уу мæ цæстæй сау суадон уыдтон,
Кæд-уу мæм бахудт искæй саби, хурау.*

Подстрочный перевод с осетинского языка:

Бездомный человек, был по горло в неприятности,
Кружился мой чёрный день, как чёрный ворон, над моей головой;

Всё равно не жаловался на трудности жизни,
И не воспринимал чужую радость за зло.

И в мои чёрные дни умел я радоваться,
Не было моё сердце замершее, безмолвное, как камень, —
Когда своими глазами видел чёрный родник,
Когда мне улыбнулся чужой ребенок, как солнце.

В осетинском переводе заметны несоответствия. Сравнивая его с русскими вариантами стихотворения в переводах С. Липкина, Д. Долинского, Я. Акима, Л. Шерешевского, перевод Джусойты по своему лексическому составу близок к тексту Л. Шерешевского:

*Я был бездомным, изнывал в беде,
Дни чёрные, как чёрных птиц, считая,
Но радовался всё же и тогда я
Вину и хлебу, песне и звезде.*

*И в чёрный день светлела вдруг душа,
Когда я видел, как бело от снега,
Как чист родник, искрящийся от бега,
И как чиста улыбка малыша!..*

Как и в переводе Шерешевского, не совсем верно, как представляется, соответствует идее произведения начало стихотворения у Джусойты: «Я был бездомным, изнывал в беде» – «Æгъæдзар лæг, уыд-тæн мæ хъуырмаæ масты...». Лирический герой, по замыслу Джусойты, сетует на жизненные трудности и неприятности. У Кулиева же герой стихотворения, наоборот, не отчаивается, мужественно переносит все невзгоды, не теряет надежду, по-прежнему радуется «звёздам», «рассвету», «дождю», «траве», «девушкам», «летающим птицам».

Отсутствуют перечисленные образы у Джусойты в строках:

<i>Мæ сау бонты дæр цин кæнын зыдтон,</i>	И в мои чёрные дни умел я радоваться,
<i>Нæ уыд мæ æрдæ салд, æгомыг, дурау,</i>	Не было моё сердце замершее,
	безмолвное, как камень,
<i>Кæд-уу мæ цæстæй сау суадон уыдтон,</i>	Когда своими глазами видел чёрный
	родник,
<i>Кæд-уу мæм бахудт искæй саби, хурау.</i>	Когда мне улыбался чужой ребёнок,
	как солнце.

Подстрочный перевод

Опущение образов оригинала в переводе Джусойты компенсируется вводом других: «*замершее сердце, безмолвное, как камень*», «*чёрный родник*». Речь идет о «компенсациях потерь» в переводческом процессе [7, 146-147]. Эту мысль развивает сам Джусойты: «Подлинник в переводном аналоге всегда что-то теряет в своих достоинствах и что-то обретает в виде компенсации за них. Кто не мирится с этим, тот вообще против переводимости, ибо потери неизбежны, – и тогда не о чем говорить» [2, 4]. Несомненно, в процессе перевода художественного произведения какая-то часть текста остается неизбежно потерянной. Как нам кажется, для Джусойты-переводчика первостепенной задачей было сохранение смысла целого, а не отдельных элементов стиха. И поэтому исходную информацию автор осетиноязычного текста интерпретирует так: «*Мæ сау бонты дæр цин кæнын зыдтон*» («В мои черные дни умел я радоваться»). Вводимые же Джусойты образы «*замерзшего сердца*», «*камня*», «*чёрного родника*», на наш взгляд, вполне характерны для творчества Кулиева и «органично сливаются с духом подлинника» [2, 4].

Замену родового понятия видовым мы наблюдаем при передаче Джусойты исходного образа в основе сравнительного оборота: «*Как чёрных птиц я считал, / чёрные дни*» – «*Зылди мæ сау бон, сау сын-тау, мæ сæрмæ*» («Кружился мой чёрный день, как чёрный ворон, над моей головой»). Конкретизация позволила переводчику частично отразить образ в переводе (птица → ворон), но ассоциации, связанные с зоонимом «ворон» у осетинского и балкарского читателя, могут быть как положительными, так и отрицательными. Балкарским народом ворон (особенно с белой отметиной) в большинстве случаев идеализируется [6, 263], а в мифах выступает спутником покровителя воинов и молнии Элии. О положительных и отрицательных качествах ворона в обрядово-мифологической поэзии балкарцев и карачаевцев пишет известный фольклорист Х.Х. Малкондуев:

«У древних тюрков ворон был тотемом. Видимо, с этим связано то, что у карачаевцев и балкарцев он символизирует доброе начало. Однако встречается и противоположная трактовка, т. е. иногда ворон может восприниматься как носитель зла... Помимо предвестника смерти, большой беды для общины, в обрядовых песнях чёрный ворон наделён и свойством распространителя страшных заболеваний» [8, 119; 174].

В представлениях осетин образ ворона (или вороны) также может иметь как отрицательную коннотацию [9, 63], так и положительную [10, 131-132]. Противоречивость образа вороны в мифологических представлениях осетин прослежена Ф.М. Таказовым. Исследователем рассмотрены разнообразные функции образа в мифах и легендах осетин: ворона воспринимается как вестник владыки загробного мира Барастыра, как медиатор между жизнью и смертью, демоническое существо, тотемическая птица, спасительница людей... [11, 31-32], [12, 107, 144]. Положительный образ ворона/вороны прослежен и в осетинской волшебной сказке [13]. Здесь ворон/ворона выступает как источник информации [14, л. 217-245], как вестник Бога [15, л. 49-57], как друг дочери Солнца [16, л. 3-8]. Но всё же чаще всего в фольклоре осетин ворон/ворона – носитель негативной окраски, связан с бедой, неудачей, смертью. И в переводе Джусойты, на наш взгляд, образ ворона осмысливается как отрицательный символ.

Разнится с оригиналом заключительная часть стихотворения в переводе Джусойты. У Кулиева в конце приводится антагонизм – «борьба белого с черным». Джусойты, следуя переводческому опыту Шерешевского, передаёт заключительную информацию подобным же образом: «*И так чиста улыбка малыша*» – «*Кæд-иу мæм бахудт искæй саби, хурау*» («Когда мне улыбался чужой ребенок, как солнце»). Как видим, вместо борьбы и сопротивления читателю в финале переводного стихотворения открывается оптимистическая перспектива. Об интерпретации Л. Шерешевским указанной строки З.А. Кучукова пишет: «„асимметричный“ мир подлинника выправлен и превращён в мир гармонии, безмятежности. Герою неведома закономерность борьбы двух противоборствующих начал, что и получило отражение в переводе: заключительная, «драмопримиряющая» строка туда не вошла» [6, с. 269].

Таким образом, проведя сравнительно-сопоставительный анализ некоторых осетиноязычных переводов стихотворений Кулиева с русскими вариантами, а местами и с первоисточником, мы рассмотрели основные переводческие решения, к которым прибегал Джусойты при отображении художественного мира балкарского писателя. Так, для Джусойты-переводчика характерна в большинстве случаев достоверность при отражении художественной дей-

ствительности оригинала, образное обогащение текстов, а местами и своя интерпретация смыслов. Благодаря кропотливому переводческому труду Н. Джусойты и осетиноязычному читателю стало доступно творчество Кайсына Кулиева на родном для него языке.

---

1. Кулиев Кайсын. Балкарская свирель. Стихотворения. Перевод на осет. яз. Н. Джусойты. Владикавказ, 2002. 198 с.

2. Джусойты Н.Г. Обманчивая прелесть «игры без правил». Перевод поэзии, поэзия перевода. [О стихотворении К. Кулиева «Лунная ночь» в переводе Б. Ахмадулиной] // Литературная газета. 1972. 22 ноября. С. 4.

3. Эфендиева Т.Е., Эфендиев С.И., Эфендиев Ф.С. Фольклорно-филологические и лингво-культурологические аспекты поэзии Кайсына Кулиева. Т. 7. Нальчик: Эльбрус, 2006. 296 с.

4. Кучукова З.А. Поэзия Кайсына Кулиева в русских переводах (к проблеме передачи национального колорита). Автореферат на соискание ученой степени канд.филол.наук. М.: ИМЛИ, 1992. 21 с.

5. Флорин С. Муки переводческие: практика перевода. М.: Высшая школа, 1983. 213 с.

6. Кучукова З.А. Онтологический метакод как ядро этнопоэтики: (Карачаево-балкарская ментальность в зеркале поэзии). Нальчик, 2005. 312 с.

7. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1983. 303 с.

8. Малкондуев Х.Х. Обрядово-мифологическая поэзия балкарцев и карачаевцев (Жанровые и художественно-поэтические традиции). Нальчик: «Эль-фа», 1996. 271 с.

9. Хетагурова Дз.К. Изображение патриархальной семьи в осетинской драматургии (пьеса А.И. Токаева «Белые вороны») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №10 (76): в 3-х ч. Ч.1. С. 62-65.

10. Сокаева Д.В. Миф о сотворении пива – птица на дереве (нартовский эпос, волшебная сказка, обрядовая песня) // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. 2012. № 1. С. 129-137.

11. Таказов Ф.М. Ворона в мифологии осетин // Апробация. 2015. №10 (37). С. 31-32.
12. Таказов Ф.М. Мифологические архетипы модели мира в осетинской космогонии. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ РАН и РСО-А, 2014. 210 с.
13. Сокаева Д.В. Указатель осетинских волшебных сказок (по системе Аарне-Андреева). Владикавказ, 2004. 106 с.
14. Бедняк // НА СОИГСИ (Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Аббаева). Ф. Фольклор. П. 67. Д. 11. Л. 217-245, зап. И.Т. Собиев (на дигорском диалекте).
15. Морской уаиг и семеро братьев // ИОФ (Из осетинского фольклора). С. 49-57. Зап. Г. Баев (на иронском диалекте).
16. Как мать губила своего сына // НА СОИГСИ (Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Аббаева). Ф. Фольклор. П. 120. № 306. Л. 3-8. Исп. Т. Мисиков, зап. З. Мисикова (на иронском диалекте).

А. Б. Бритаева,
кфн, снс СОИГСИ им. В.И. Абаева
(г. Владикавказ)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТЕМЫ «ВОЙНЫ И ДЕТСТВО» В РАССКАЗАХ В. МАЛИЕВА

Статья посвящена отражению темы «война и дети» в произведениях В.Г. Малиева. На материале рассказов «Три друга» («Æртæ æмбалы») и «Мой враг» («Ме знаг») писатель, раскрывая внутренний мир своих героев, рассматривает темы нравственного взросления, личной ответственности, войны и т.д. Внимание читателя акцентируется автором не на самой войне, а на высоких моральных принципах, которыми руководствуются его маленькие герои, на этическом выборе, который каждый делает в условиях тяжелых жизненных испытаний. Актуальность работы обусловлена отсутствием исследований по истории и проблемам осетинской детской литературы.

Ключевые слова: осетинская детская литература, тема войны и детства, проблема нравственного взросления, художественное осмысление проблемы, психологический портрет подростка, внутренний мир.

The article is devoted to the representation of the theme "war and children" in the works of V.G. Maliev. The writer, revealing the inner world of his heroes, reproduces the value-semantic orientation of personality development based on the stories of the "Three Friends" ("Ærtæ Æmbaly") and "My Enemy" ("Me'znag"). Considering the topics of moral maturity, personal responsibility, war, etc. The author focuses readers' attention not on the war itself, as such, but on the high moral principles that guide his little heroes, on the ethical choice that everyone makes in the face of difficult life tests. The relevance of the work is due to the lack of research on the history and problems of Ossetian children's literature.

Keywords: Ossetic children's literature, war and childhood theme, theme of moral maturation, issue's artistic understanding, teenager psychological portrait, inner world.

Тема детства – одна из вечных тем мировой литературы. Она актуальна и востребована во все времена и лишь интерпретируется по-разному в различные исторические отрезки времени. Детство, как одна из наиболее важных нравственных категорий, неизменно волновала художников слова, как зарубежных, так и отечественных. К ней обращались такие выдающиеся мастера, как Ч. Диккенс, М. Твен, Л. Кэрролл, Л.Н. Толстой, С.Т. Аксаков, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов, Д.Н. Мамин-Сибиряк, В.Г. Короленко, М. Горький и др. Не обошли своим вниманием представленную тему и исследователи

(М. Мид, И.С. Кон, М. Эпштейн, Н.М. Демурова, Н.И. Павлова, И.Н. Арзамасцева, С.А. Николаева и мн. др.).

Осетинская детская литература формировалась как неотъемлемая часть отечественной литературы и, естественно, что и в ней нашли свое отражение тема детства, тема войны и детства. «Краткий исторический экскурс в художественную практику русской и осетинской литератур», а также обстоятельный анализ образа детства в малой прозе на материале произведений С.З. Хугаева представлен в статье И.В. Мамиевой «Образы детства в рассказах С.З. Хугаева» [1]. Мы же обратимся к творчеству Васо Малиева, через творчество которого так же красной линией проходит тема нравственности и духовной, моральной чистоты. Это касается как «взрослых» произведений писателя, поэта, драматурга, так и произведений, если и не написанных специально для подрастающего поколения, то уж точно вошедших в круг детского чтения – это рассказы «Æртæ æмбалы» («Три друга») [2, 185], «Ме знаг» («Мой враг») [2, 166].

Судьба детей войны, тема войны и детства нашла отражение в творчестве многих осетинских писателей (В. Царукаев, Т. Бесаев, Т. Джатиев, В. Малиев, М. Дзасохов и др.). Война и дети... Синтез этих двух понятий противоестественен. Война лишает детства, заставляет рано взрослеть, травмирует неокрепшую психику... Герои перечисленных произведений В. Малиева – ребята, чье детство пришлось на военную пору, в полной мере ощутившие на себе все тяготы войны и сиротства. Эта тема была знакома автору не понаслышке: он сам относился к поколению мальчишек, чье детство опалила война. К окончанию Великой Отечественной войны Васо исполнилось всего лишь 8 лет, а это возраст, когда ребенок многое уже помнит, понимает, осознает. Да и тяжёлые послевоенные годы не могли не отпечататься в детской памяти.

Анализируя творчество С.З. Хугаева, И.В. Мамиева пишет: «Существенный аспект изображения детства у Хугаева – сфера общения сверстников. Мальчишеская дружба показана как естественная потребность детской души, как посильный для ребёнка способ противостоять злу, тяготам сиротской судьбы» [1, 98]. В полной мере эти слова можно отнести и к рассказам В. Малиева.

Тотрадз (Уайыг), Аца, Ахсар – герои рассказа «Æртæ æмбалы» («Три друга») – решили сбежать на фронт. Путь к линии фронта ста-

новится для персонажей В. Малиева дорогой взросления. Специфика восприятия детьми войны такова, что война для них – некое приключение. Они не осознают в полной мере весь трагизм войны, пока не сталкиваются с ней лицом к лицу. Детям свойственно желание скорее повзрослеть. Они проникаются заботами и тревогами взрослых, подражают им во всём: в речи, в поступках... Аца, успокаивая своего друга Тотрадза, получившего похоронку на отца, поучает друга, словно мудрый старец: «Хъыгæн дæр лæг хъæуы. Фæразын хъæуы» («И в горе нужно оставаться мужчиной. Нужно терпеть»); «дæ цæстытæ сырх сты, нæлгоймагыл кæуын нæ фидауы. Уый сылгоймæгты хъуыддаг у æмæ уыдон кæуæнт» («У тебя глаза красные. Не подобает мужчине плакать. Это женское дело, вот пусть они и плачут») [2, 188]. По-взрослому Ахсар просит прощения у Тотрадза после того, как они в дороге, желая подбодрить себя, запели песню: «Хатыр бакæ, Уæйыг. Æрдæбон Ацæимæ кæй зарыдыстæм, уый тыххæй. Сымахмæ зиан уыди, мах та...» («Прости, Уаиг, что мы недавно с Аца пели. У вас в доме похороны, а мы...») [2, 195]. Ахсар, который старше своих товарищей всего на пару лет, всячески подчеркивает свою «взрослость»: «достал обрывок старой, тщательно свернутой газеты, оторвал от нее четырёхугольный кусок, положил на камень рядом с собой, помял между ладонями высушенный тыквенный лист, насыпал его на бумагу. Аккуратно взял в руки, скрутил «папиросу», обслюнявив и склеив края. Он закурил с важным видом, выпустил изо рта клубы дыма и с видом знатока произнёс: «Зæрдæ куы рисса, уæд тамако дымын хъæуы» («Когда болит сердце, нужно курить») [2, 188].

В силу отсутствия жизненного опыта, герои Малиева не осознают и последствий своих поступков. По сравнению со своими товарищами, наиболее взрослым предстаёт перед читателем рассказчик, которого друзья называют Уаиг («великан»). Взрослым, зрелым можно назвать лишь того, кто чувствует ответственность за близких, родных, ответственность за совершаемые поступки. Конечно, мальчик хочет отомстить за погибшего отца, хочет прославиться так же, как тот тринадцатилетний герой, о котором писали в газете, но перед глазами неизменно встаёт лицо матери – бледное, почерневшее от горя, и сомнения в правильности задуманного одолевают ребенка. И все же победило желание не выглядеть трусом в глазах друзей,

которые убедили Тотрадза-Уаига, что односельчане не оставят мать одну в беде, да и она будет гордиться сыном, узнав, что он отомстил за смерть отца; вспомнился ему и Гаврош на Парижских баррикадах.

Образ ребенка-мстителя часто появляется в произведениях о войне. Таковым является, например, Саухал – герой повести В. Царукаева «Я вернусь на рассвете» [3, 22-25]. Осетинскими авторами созданы яркие, правдивые образы детей военной поры.

«Процесс формирования системы ценностных ориентаций сопровождается жизненными коллизиями, в которых детям приходится ориентироваться – или самостоятельно, или с помощью взрослого, или в соответствии с ценностными критериями, которые приняты в качестве эталона в конкретном детском сообществе» – отмечают Б.В. Кондаков и Т.Д. Попкова в статье «Художественный мир литературы и феномен детского мирознания» [4, 145]. Действительно, в судьбе детей немаловажную, если не определяющую роль играют встречающиеся им на жизненном пути взрослые, которые направляют, оберегают, наставляют. Встретились такие взрослые и трем друзьям – героям В.Малиева: милиционер на железнодорожной станции, следователь, старик, которому было поручено отвезти беглецов домой, – все пытались уберечь детей. Фронт подступал, и дети внезапно оказались лицом к лицу с войной, увидели смерть: на их глазах погибает солдат, затем следователь, который пытается их спасти. Рассказ заканчивается тем, как дети плачут над телом убитого следователя. Романтику войны и подвига развеяло запахом пороха и грохотом кононады.

Героям другого рассказа В.Г. Малиева «Ме знаг» («Мой враг») не исполнилось еще и по двенадцать лет, но они вполне осознают всё происходящее, Автор повествует о том, как война меняет людей, их мировоззрение, заставляет пересмотреть жизненные ценности. Вчерашний враг стал дорогим сердцу человеком для Астана, – одного из героев рассказа. «Психологический анализ конфликтных ситуаций не только помогает постичь сущность характеров и мотивы поведения маленьких героев, но и позволяет проследить за становлением их внутреннего мира», – пишет Л.Н. Савина [5, 187].

Автор не показывает своих героев однобоко: они не идеальны, не всегда ладят между собой, способны на ошибки, ссорятся, обижаются, но все это оказывается неважным, мелким, когда они объ-

единяются в желании восстановить справедливость – предать суду дезертира Тотыра и его сына Ламбега, который носит отцу-дезертиру еду в лес. Ребенок в этом возрасте – максималист и не признает полутонов, для него существует лишь «черное и белое», «свои и враги». Но жизнь вносит свои коррективы в их мировосприятие: ненавидимый обидчик Ламбег оказывается настоящим героем, по праву заслужившим уважение односельчан, а его отец – дезертир Тотыр – жертвой обстоятельств, больным человеком, запуганным и обманутым настоящим дезертиром и убийцей Баззе.

Автором тщательно отобраны речевые средства, вследствие чего создаётся ощущение живой интонации. Большое внимание автор уделяет психологическому состоянию своих маленьких героев – их метаниям, исканиям, сомнениям. Ребята решили выследить Ламбега, чтобы узнать, где прячется его отец. Это далось им нелегко: «Къутæртæ мæм цыдæр æнахуыр тæссаг æндæргты хуызæн кастысты, базмæлыдысты-иу, сæхи-иу нылхъывтой зæхмæ, кæннод-иу слæууыдысты сæ фæстæгтыл. Ныртæккæ... Ныртæккæ... Ныртæккæ... Сæхи мыл ныццæвдзысты... Мæ гæртт-гæртт цыди, мæ зæрдæ уæззау гуыпп-гуыпп кодта. Тас зондыл уæлахиз кæнын райдыдта, бирæ мæ нал хъуыди фæстæмæ æррайау хъæуырдаем ныййарц уæвынмæ. Фæлæ уыцы тасæй тыхджындæр уыди худинаджы азар... Хъуысти хъæды æнуд гуыв-гуыв. Кæцæдæр æрбайхъуыст, зæрдæ фæрчытæ кæмæй хаудта, ахæм æнкъард ниуын. «Балбирæгътæ!» Зынджы стъæлфæнау зæрдæ асыгъта ацы цыбыр хъуыды. Хурхыуадындзтæм ныццафта цыдæр судзгæ уылæн...» [2; 177].

Существенную роль играют детали, внутренние монологи героя, описания природы, которая будто вторит внутреннему состоянию главного героя, нагнетая тем самым напряжение. Предложения – короткие, обрывистые, обилие глаголов, передающих внутреннее состояние: страх, сомнение...

Анализируя рассказы В.А.Осеевой, И. Н. Арзамасцева и С.А. Николаева пишут, что «они отличаются реалистическим изображением народных характеров и атмосферы того времени, особой теплотой повествовательного тона. Межличностные коллизии отходят на второй план, на первом же – Великое противостояние, война и мир, война и дети» [6, 398]. Пронзительная достоверность характерна и рассказам В.Малиева, все его герои – родом из военного

и послевоенного детства, его детства. Сюжеты взяты из повседневной жизни ребят, которые ежедневно вынуждены оценивать, осмысливать нравственную сторону своих поступков и поступков своих сверстников, а также окружающих их взрослых. Взросление и становление героев Васо Малиева происходит в этнокультурном пространстве, поэтому в речи героев, в их взаимоотношениях чётко прослеживается поведение горца. Субординация между старшим и младшим настолько глубоко укоренилась в их сознании, что даже своего ровесника Бадзег, который старше их всего на несколько дней они отдают дань уважения: «Цыбыр дзырдæй, æмгæрттæ стæм, фæлæ уæддæр Бæдзег йæхи хистæрыл нымайы, исты хъуыддаг бахъуыд, зæгъгæ, уæд йæхи уынаффæгæнæг акæны. Мах дæр ын барæм, — кæд цыфæнды у, уæддæр нæ иу бон хистæр уæддæр у»; «...фæлæ дын Бæдзег искаемæ хъусы! Цыфæндыйæ дæр йæ фæнд атæры! Мах ын бæргæ бацамониккам йæ бынат, фæлæ та нæ зæрдыл æрбалæууы, иучысыл нæ хистæр кæй у... Хъуамæ алы ран дæр хистæр æмæ кæстæр уа, цард афтæ конд у, æмæ йын цы дæ зæрды ис?» [2, 166-167].

Ребята вынуждены самостоятельно принимать решение, делать выбор, находить ответы на сложные философские вопросы о смысле жизни, о нравственном выборе между долгом и чувствами, подвиге и предательстве... Они взрослеют, одерживая победу за победой над собой, над своими страхами, сомнениями. Как отмечает Л.Н. Савина, «в этом отношении любой конфликт несет в себе конструктивное начало» [5, 188]. Идея победы добра над злом – главная идея произведений прозы о детях и для детей, эта мысль утверждается В.Г.Малиевым через изображение противоречий, конфликтов, которые ранят людей, особенно юных.

Проблема самоутверждения ребёнка, его самоопределения рассматривается В.Г. Малиевым в динамике: из неуверенного в себе ребёнка каждый из его главных героев превращается в личность, которая не боится трудностей и способна отвечать за свои поступки.

«Литература о детстве и войне делает упор на трансформации характера, затронутого войной. Писатели рассматривают два варианта детской судьбы – нравственное сопротивление «войне» и глубоко драматическое переживание «войны» как злой силы для расту-

щей личности. Активно развивается такой ракурс темы, как отношение современных детей к событиям войны. Философию литературы о детстве и войне в целом можно обозначить как гуманистическую: через жизнь и восприятие ребёнка показать античеловеческий характер войн вообще» [7, 325].

Некоторые вопросы по исследуемой нами теме, были затронуты также и в других осетиноведческих трудах [8, 9].

В основе сюжетов произведений писателя заложен психолого-педагогический подтекст. Произведения Васо Малиева посвящены изображению мира детства в его взаимосвязи с другими мирами, развитию отношений в детском сообществе, проблемам нравственного взросления, и помогают постигнуть очевидные на первый взгляд постулаты: детство – это время, когда активно постигаются и формируются основополагающие жизненные ценности, мораль, нравственность, а война низвергает их.

---

1. Мамиева И.В. Образа детства в рассказах С.З. Хугаева // Известия СОИГСИ. 2016. № 19 (58). С. 95-104.

2. Малиты Васо. Гуйман. Уацау æмæ радзырдтæ. Орджоникидзе, «Ир», 1977. 264 с.

3. Бритаева А.Б. Внутренний мир подростка в прозе осетинских детских писателей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-3 (78). С. 22-25.

4. Кондаков Б.В., Попкова Т.Д. Художественный мир литературы и феномен детского мирознания // Вестник Пермского университета. 2013. № 22. С.139-148. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/hudozhestvennyy-mir-literatury-i-fenomen-detskogo-mirosoznaniya-statya-vtoraya> (дата обращения: 05.06.2019).

5. Савина Л.Н. Тема «Дети и война» в произведениях современной фантастики // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2015. №3(98). С.186-190. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tema-deti-i-voyna-v-proizvedeniyah-sovremennoy-fantastiki> (дата обращения: 05.06.2019).

6. Арзамасцева И.Н. и Николаева С.А. Детская литература. Учеб.

для студентов высш. пед. учеб. заведений / И. Н. Арзамасцева, С. А. Николаева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 576 с.

7. Артамонова В.В., Куликова И.М. Репрезентация темы «детство и война» в русской прозе второй половины XX – начала XXI вв. // Научный альманах. 2015. № 12-3. С. 320-326. [Электронный ресурс] URL: <http://ucom.ru/doc/na.2015.12.03.pdf> (дата обращения: 04.06.2019).

8. Кусаева З.К. Особенности циклической компоновки осетинских «Сказаний о Нартах» (Нарты Кадджытæ) 1989 года издания // Вопросы литературы и фольклора. 2014. № 7-2. С. 34-45.

9. Кусаева З.К. Мифо-фольклорные традиции в осетинской литературе // Фундаментальные исследования. 2013. № 4-4. С. 1005-1010.

Ф.О. Абаева,
СОИГСИ им. В.И. Абаева
(г. Владикавказ)

О НАЗВАНИИ ЛЮЛЬКИ-КАЧАЛКИ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

*Статья посвящена этнолингвокультурологическому анализу понятия **авдæн** обрядового родинного текста осетин. Функции данной культурологической реалии рассматриваются в междисциплинарном аспекте в контексте обрядов, в которых она участвует. Анализу подвергается как само слово **авдæн**, так и предмет **авдæн** «детская напольная деревянная точеная люлька-качалка». Приведён весь лексико-семантический ряд, относящийся к слову **авдæн**; предпринята попытка выявить характерные особенности устойчивых словосочетаний и выражений с обсуждаемой реалией.*

Ключевые слова: осетинский язык, отраслевая лексика, терминология, **авдæн**, лексико-семантическая группа, этнографизм.

*The article is devoted to the ethnological and linguistic and cultural analysis of the concept of the Ossetic ritual birthplace text – **the avdæn**, the traditional rocking cradle. In line with the interdisciplinary aspect of the study, the functions of this culture-specific item are considered in the context of the rites in which it participates. The word **avdæn** itself is also analyzed, as is the subject – a children's wooden floor-turned, rocking cradled. The entire lexical-semantic group that related to the word **avdæn** is given here. An attempt has been made to reveal the characteristic features of stable phrases and expressions in which the concept of **avdæn** is present.*

Keywords: Ossetic language, industry lexis, terminology, **avdan**, lexical-semantic group, concept, ethnografizm.

В этнографической лексике, в которую вошло и рассматриваемое нами культурно-маркированное понятие **авдæн**, находят отражение узкоспецифические черты, присущие конкретному этносу. Предлагаемое междисциплинарное исследование анализируемой реалии потребовало обращения к этнографическим особенностям предмета, а выявленное легло в основу анализа, как лингвосемантических особенностей, так и самого концепта **авдæн**.

Итак, осетинская детская точёная люлька-качалка **авдæн**. По описанию одних учёных, представляет собой «деревянную с перилами кроватку на поперечных полозьях в виде новолуния, на которых её и покачивают с боку на бок. Посреди нижней части кроватки имеется отверстие для костяной трубки, идущей сквозь

постель. Это приспособление даёт возможность ребёнку мочиться, не подвергаясь частым пеленаниям» [1, 291]. Другие этнографы дают более подробное описание данного предмета осетинского быта. *Авдæн* имеет форму «узкого продолговатого ящика, не очень грубого, с двумя полукруглыми ножками в виде полозьев, на которых её качают из стороны в сторону. С двух сторон ящика, наравне с ножками, возвышаются две решетки, соединённые между собой перекладиной, к которой привязываются игрушки ребёнка. Внутри люльки укладывается шерстяной тюфячок с дырочкой, в эту дырочку вставляют банку для собирания мочи. Для того, чтобы ребёнку мягче было лежать, а также для равновесия тела, на этот тюфячок кладут под туловище, под головой и ногами две мягкие подушки, а сверху их одеяльце – тоже с дырочкой» [1, 573]. Ребёнка укладывают в колыбель таким образом, чтобы ноги находились над банкой; между ногами вставляют *деревянную или костяную трубочку (сынпа)*, которая проходит в банку, и ребёнок не часто мочит свою постель. Уложив таким образом ребёнка, связывают ему руки и ноги отдельно двумя *свивальниками (авдæн-бæттæнтæ)*, которые оканчиваются *шнурками (алдымбыдтæ)* и, охватывая вместе с ребёнком и колыбель, завязываются на *перекладине (авдæны хъæд)* для того, чтобы ребёнок не выпал из колыбели во время качания. Причём, «от стягивания свивальниками остаются свободными голова, руки и ноги, отчего эти части тела у нас бывают больше. В первое время голову ребёнка крепко связывают платком, отчего почти у всех осетин бывают плоские лбы» [2, 573].

По О.В. Маркграфу, «... матери-туземки находят эту люльку удобнее всякой другой и, действительно, она для них удобна: отправляясь на работу (здесь имеются в виду сезонные полевые работы (выделено нами.–А.Ф.)), мать увязывает ребёнка в люльку, кладёт её на спину, накинув особую перевязь себе через плечо, и таким образом несёт нередко на дальние расстояния. Такие люльки готовятся дома» [3, 260].

Вышеприведённые выдержки из работ, кроме удобства для матери, обозначили также ценность, практическую направленность и специфику данного предмета домашнего быта осетин. Люлька-качалка является неотъемлемым компонентом их общественно-быто-

вой деятельности и одновременно маркером одного из первых и значительных инициационных моментов жизни человека.

Духовные составляющие концепта *авдæн* и особенности мировоззрения осетин, связанные с традиционной реалией быта, ярко прослеживаются в их паремиологическом фонде.

Заметим, что реализация концепта *авдæн* в осетинских пословицах и поговорках, относящихся к нему, удивительно интересна. Во-первых, отметим, что пространство, связанное с этим предметом, глубоко сакрализовано.

*Авдæн авдæн у. –
Авдæн афтидæй тæригъæд у. –
Авдæн калак-хъæу схæссы. –
Авдæн кæм ис, амонд дæр уым агур. –
Авдæн лæппутæй фидауы. –
Авдæн маст сафæг у. –
Авдæн ныфс дæттты. –
Авдæн узынæн зæрдæ хъæуы. –
Авдæнæй рахаудта. –
Авдæнæй чи рахауа, уый йæ сæр дурмæ хæссы. –
Авдæны ныфс лæджы куыстхъом кæны. –
Авдæны ныфсæй фидæн худы. –*

*Авдæны ныфсæн æмбал нæй. –
Авдæны фарн авдæй фылдæр у. –
Авдæны фарн стыр у. –
Авдæны фарнимæ абарæн ницæмæн ис. –
Авдæнбæттæн кæм вавййы,
уым чындзæхсæв дæр вæййы. –
Авдæнхъæдыл бахус. –*

*Авдæнхъæдыл чи бахус уа, уымæн йæ хъæбулы нæуарзгæ нæй [4, 25]. –
Сывæллон авдæны нæрсы
Сывæллонæн – авдæн [4, 45]. –
Сывæллонæн авдæн – ахæстон [5 21]. –*

*Лялюка создана для семерых.
Пустая колыбель вызывает жалость.
В колыбели взрачивается город-село.
Там, где лялюка, там и счастье ищи.
Лялюка-качалка мальчиками красна.
Лялюка-качалка беды изводит.
Лялюка уверенность, надежду дарит.
Чтобы лялюку качать, сердце нужно.
Из лялюки вывалился.
Из лялюки кто выпадет, тот голову свою о камень ударяет.
С опорой на лялюку человек трудоспособным становится.
С опоры на колыбель будущее улыбается.
Лялюка обнадеживает.
Фарн лялюки больше фарна семерых.
Фарн лялюки большой.
Ничто не сравнится с фарном колыбельки.
Там, где бытует обряд укладывания в колыбель, там и свадьбе быть.
Высох на ручке лялюки (т.е. долго качает колыбель).
Тот, кто на ручке лялюки высох, тот не может не любить своё чадо.
Ребёнок в колыбели растёт.
Ребёнку – колыбель.
Ребёнок в колыбели, словно в неволе (букв. колыбель для ребёнка – тюрьма).*

*Йæ иу уæхскыл – зырнавдæн,
Иннæ уæхскыл – цæргæ хъæу*
(Чындзæхсæвы зарæгæй) [5, 32]. –
Ногусджын – авдæнхæссæг [5, 35]. –
*Бæлæгъы бæттын æз нæ куымдтон,
хъулджын авдæн мæнæн нæ уыд* [5,
217]. –

*На одном её плече – точёная люлька,
на другом плече – жилое село*
(Из свадебной песни).
Молодожён – колыбель несущий.
В корыто-кормушку я не поддавался
завязываться, а точёной колыбельки у
меня не было (перевод наш.–А.Ф.).

Итак, приведённый нами паремиологический материал, связанный с концептом **авдæн**, объединён одной общей тематикой: значимость люльки как символа счастья и многочисленного потомства. Это, в свою очередь, подвело нас к значению деревянной люльки-качалки **авдæн** в жизни осетин: предмет был не только необходимой домашней утварью, без которой не могли обойтись в быту, но и, сакрализовавшись, стал частью духовной жизни народа, выражая **символику продолжения рода**.

Лексико-семантический ряд, относящийся к названиям основных частей **авдæн**, к обозначениям постельных принадлежностей, других компонентов, определён нами методом сплошной выборки из словарей осетинского языка [6, 7, 8, 9], из этнографической литературы [10, 11] и полевого материала.

Он составил следующую парадигму:

авдæн колыбель на полозьях;

хъæдын авдæн деревянная люлька-качалка;

къуымбил авдæнбæттæн шерстяной свивальник;

хуыссæнгарз простыня;

авдæныхъæд верхняя продольная полка люльки;

авдæны сæрхъæд верхняя круглая ручка люльки;

авдæны гобан люлечный матрац;

сыппа мочеотводная трубка из кости;

лæппуйы сыппа мужская мочеотводная трубка из кости;

чызджы сыппа женская мочеотводная трубка из кости;

сыппайы дурын мигæнæн глиняная банка, в которую отводилась трубка для мочи;

сывæдæг соска из рога коровы, подвешиваемая на верхнюю круглую ручку люльки;

авдæны къæлæттæ полозья люльки;

авдæнæмбæрзæн тонкое покрывало для люльки;

гæбына тюфяк с круглым отверстием в нём, подкладываемый в дно люльки;

сæрркаг гæбына верхний матрац люльки;

кæройнаг гæбына нижний матрац люльки;

авдæны баз подушка на живот;

фæтевзæ наматрацник;

æддаг цъар верхняя (внешняя) оболочка матраца;

чъылдымбаз подушечка для спины, которую подкладывали под ношу, в том числе и под люльку, когда переносили на спине;

авдæнгарзаг материал, предназначенный для заготовления предметов пеленания;

авдæны гарзæгтæ предметы для укладывания и пеленания ребенка в люлке;

авдæны бæстытæ свивальники;

авдæны бæттæнтæ свивальники;

авдæны алдымбыдтæ тесьма для затягивания свивальников;

авдæны фæрстæ бортики люльки;

авдæны хъултæ кольца колыбели (балясины);

авдæны къæцæлтæ палочки, за которые крепились (продевались концы) свивальники.

Нами выявлено, что

– большая часть понятий, связанных с осетинской традиционной люлькой-качалкой, образована с помощью терминообразующего форманта *авдæн-*, стоящего в родительном падеже – *авдæн(ы)*;

– термины, обозначающие материал, из которого изготавливалась традиционная осетинская люлька-качалка, составила особую группу слов:

- *тæрсхъæд* древесина бука;
- *æнгузхъæд* древесина орехового дерева;
- *кæрдо бæласы хъæдæрмаг* древесина грушевого дерева;

– причиной выбора определённого дерева для точения колыбели являлась вера в те или иные качества, которыми, как предполагали осетины, оно обладало;

– предпочтение отдавали древесине грушевого дерева, плодоносящие свойства дерева символизировали обилие потомства, или же орехового – как символа рода;

– отдельную группу составили термины оберегов люльки, а также ребёнка в колыбели. Центральным среди них является слово *цыргъаг*, букв. с *остриём*. В изголовье мальчика в люльку клали *æфсæн кард* железный нож, девочки – *хæсгард* ножницы, либо под тюфяк подкладывали *æфсæйнаг* кусок железа, или *æфсæн арх* железный гвоздь (сучок). Оберегом служили также *фаты æрттигътæ* наконечники стрел;

– наиболее безопасным местом пребывания новорождённого младенца в традиционном осетинском жилище считалась *авдæн*; она же становилась основным средством, с помощью которого ребёнок начинал осваивать окружающий его мир: колыбелька вводила его в пространство культуры того народа, к которому ребёнок принадлежал.

– некоторые аспекты проблематики, затронутой нами в статье, нашли отражение также в отдельных осетиноведческих работах гуманитарного характера [12, 13, 14, 15, 16, 17].

Выявленные особенности традиционной осетинской люльки-качалки, подвели нас к следующим выводам:

- *авдæн* – деревянная люлька-качалка – являлась первым земным локусом человека, защищающим и оберегающим его; колыбелька наделяла ребёнка жизнеспособностью и стойкостью, что отразилось на развитой лексико-семантической группе, связанной с колыбелью;
- большая часть терминов, относящихся к осетинской деревянной точёной люльке-качалке, образована с помощью слова *авдæн*, стоящего в форме родительного падежа – *авдæн(ы)*, словообразующего и терминообразующего форманта;
- отношение к данному предмету, нашедшее яркое отражение в паремиологическом фонде осетинского языка, обусловлено высокой сакральностью и глубоким почитанием рассмотренной нами локуса-реалии в народе.

1. Хетагуров К.Л. Особа. Этнографический очерк // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах: научно-популярный сборник / Сост., предисл., примеч., коммент. и указ. Л.А. Чибиров. Т. 2. Владикавказ: Проект-Пресс, 2016. С. 275–309.
2. Арчеков. Физическое воспитание осетинских детей // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах: научно-популярный сборник / Сост., предисл., примеч., коммент. и указ. Л.А. Чибиров. Т. 2. Владикавказ: Проект-Пресс, 2016. С. 572–573.
3. Маркграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства // Составлен по материалам, собранным А.В. Золотаревым и др. М., 1882. 332 с.
4. Хъазиты Мелитон. Ирон хæзна: æмбисæндтæ. 1-аг чиныг – Цхинвал: Цыкура – Дзæуджыхъæу: Орион, 2013. 352 с.
5. Гутиев К.Ц. Осетинские пословицы и поговорки. Орджоникидзе, 1976 (на осетинском языке). 352 с.
6. Миллер В. Ф. Осетинско-русско-немецкий словарь. В 3-х томах/Под. ред. и с доп. А. А. Фреймана. Л., 1927. Т. I.; 1929. Т. II; 1934. Т. III. 1730 с.
7. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.–Л., 1958. 655 с. Т. II. Л., 1973. 448 с. Т. III. Л., 1979. 358 с. Т. IV. Л., 1989. 325 с.
8. Толковый словарь осетинского языка: в 4 т./ Под общ. ред. Н.Я. Габараева. Т.1. М., 2007. 510 с.
9. Осетинско-русский словарь. 5-ое изд. Владикавказ, 2004. 540 с.
10. Айларты И.Х. Ирон фарн: Ирон адæмы цардыуаг æмæ æгъдæуттæ (Осетинский фарн: образ жизни и обряды осетин). Дзæуджыхъæу, 1996. 522 ф.
11. Каргиев Б. М. Осетинские обряды и обычаи. Владикавказ, 1991. 161 с.
12. Бесолова Е.Б. Отражение системы мировоззренческих знаний осетин в языке и его когнитивной структуре // Известия СОИГСИ. 2014. № 14 (53). С. 63-72.
13. Дауева Т.Т. Конфликты и миротворческие практики в осетинском обществе (конец XVIII – начало XX). Владикавказ, 2017. 226 с.

14. Дзлиева Д. М., Аланкуш С. Музыкально-поэтические особенности календарно-обрядового фольклора осетин // Известия СОИГСИ. 2017. № 25 (64). С. 160-172.

15. Гутиева Э.Ш. Осетинская интеллигенция в период пореформенной модернизации: историографические заметки // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2017. № 18. С. 15-21.

16. Канукова З.В., Гутиева Э.Ш. Городское пространство Северного Кавказа: Традиционная культура в условиях урбанизации (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Известия СОИГСИ. 2013. № 10 (49). С. 71-82.

17. Кусаева З.К., Таказов Ф.М. Этиологические мифы о происхождении небесных светил в фольклоре осетин // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-3. С. 77.

И.Н. Цаллагова,
кфн, снс СОИГСИ им. В.И. Абаева
(г. Владикавказ)

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ДИГОРСКОГО ДИАЛЕКТА
(на материале зоонимов и фитонимов)

В данной статье проведён словообразовательный и лексико-семантический анализ дигорской терминологической лексики (фитонимов и зоонимов). Выявлены структурно-семантические особенности зоонимической и фитонимической лексики дигорского диалекта осетинского языка, рассмотрена их словообразовательная структура.

Ключевые слова: осетинский язык, дигорский диалект, словообразование, терминологическая лексика, композит.

In this article, a derivational and lexical and semantic analysis of Digor vocabulary (phytonyms and zoonyms) is conducted. The structural and semantic peculiarities of the zoonymic and phytonymic vocabulary of the Digor dialect of the Ossetian language are revealed, their derivational structure is considered.

Keywords: Ossetian language, Digor dialect, word formation, terminological vocabulary, composite.

Формирование словообразования как науки началось еще в XIX в. Однако её основные понятия и проблематика были разработаны только в XX в. [Винокур 1959; Виноградов 1951; Смерницкий 1956 и др.]. На современном этапе в лингвистике существует огромное количество исследований в области словообразования и различных её аспектов. Но несмотря на это, значительное количество проблем остается нерешенным. Особенно это касается национальных языков малых народов, их диалектов и говоров.

Одним из актуальных вопросов современной лингвистики остается изучение терминологической лексики. К тому же особое внимание уделяется антропоцентрической направленности языка. Одними из специфических подсистем любого языка являются пласты лексики, которые служат для обозначения зоологических и фитонимических объектов. Зоонимы и фитонимы представляют собой информативную часть словаря любой этноязыковой общности [1, 92].

Зоонимы и фитонимы являются специфическим слоем лексического состава языка, так как они отражают особенности национальной культуры, нравов и обычаев, преданий и верований [2, 66]. Они отражают особенности человеческого восприятия окружающей действительности. Как любая подсистема, она сформировала внутри себя особые закономерности, что говорит о необходимости их глубокого и полиаспектного изучения. Этим обусловлен пристальный интерес исследователей к данной проблеме.

В данной статье мы рассмотрим некоторые особенности словообразования в дигорском диалекте осетинского языка. Иллюстрационным языковым материалом послужили дигорская терминология флоры и фауны (фитонимы и зоонимы), извлеченная методом сплошной выборки из доступных на сегодняшний день словарей [3].

В научной литературе существует два основных подхода к рассмотрению зоонимов. При первом подходе зоонимы определены, как нарицательные существительные, обозначающие зоологические объекты и имеющие сему «животный мир», а при втором подходе – зоонимы определяются как клички животных, что автоматически перемещает их в ономастическое пространство [4; 5; 6].

Существительные, называющие животных, образуют довольно пеструю группу лексических единиц, различающихся с точки зрения семантической и словообразовательной структуры, а также в плане функционирования и происхождения [7, 192].

В данной работе мы придерживаемся первого подхода, и рассматриваем зоонимы как существительные, служащие для обозначения животных как биологических объектов. Однако, даже в этом подходе следует отметить некоторые расхождения в терминологии. Так, в современных исследованиях для лексических единиц, обозначающих животных, применяются разные термины: зооним, зоосемизм, зооморфизм, зоометафора и т.д. Так, по мнению Е.М. Брославской, «...зоологические номены, употребляемые в прямых значениях, называют «зоосемизмами», а употребляемые в переносных значениях (применительно к характеристике человека) – «зооморфизмами» [8, 49]. По этому поводу мы придерживаемся мнения Н.В. Солнцевой: «...зооним – для прямого наименования, а зооморфизм – как метафоризированный зооним, характеризующий и оценивающий человека» [9, 25].

Названия растений являются отражением окружающей среды того или иного этноса. Растения привлекали к себе внимание человека всегда, так как играли важную роль в жизни, как животных, так и человека. Осетинская фитонимическая лексика прошла сложный путь формирования и занимает важное место в лексическом фонде осетинского языка [10].

Весь дигорский зоонимический и фитонимический корпус с точки зрения структуры ее единиц, можно разделить на три большие группы, простые, сложные и составные.

Простые зоонимы и фитонимы

К простым относятся одноосновные, однокоренные номены, которые в свою очередь, подразделяются на безаффиксальные и аффиксальные.

Безаффиксальные зоонимы: *арс* / медведь; *æнкъуæлхæ* / ящерица; *биттир* / летучая мышь; *гал* / бык; *гæбу* / клещ; *гир* / кабан, боров; *гъонцъæ* / улитка; *дæркъæ* / козленок; *дидин* / оса; *дзера* / название хищной птицы; *дзинга* / слепень, овод; *дзугун* / як; *калм* / змея; *куй* / собака; *къима* / стриж; *мæлгъæ* / соловей; *пил* / слон; *стай* / рысь; *маргъ* / птица, дичь; *саг* / олень; *тикис* / кошка; *цомахъ* / лев и т.д.

Безаффиксальные фитонимы: *æнгозæ* / орех; *æпхæ* / морковь; *гъæдиндзæ* / лук; *бадзикъи* / сорная трава; *баййа* / лекарственное растение от ран; *багъæ* / мальва, просвирняк; *биа* / айва; *монкæ* / лопух и т.д.

Существует статистика по наиболее проницаемым и по наиболее резистентным к заимствованию группам слов. С очевидностью зоонимы не относятся к последним: примеры проникновения иноязычных слов не только обозначения новых экзотических для языкового социума животных, но для домашних и одомашненных животных многочисленны в большинстве языков [1, 93].

Однако, мы хотим отметить, что данная группа характеризуется тем, что значительное количество словарных единиц, которые в неё входят относятся к древнейшему слою осетинского языка, т.е. входят в общеиндоевропейскую основу (*стораæ* / крупный рогатый скот, *гъог* / корова, *фус* / овца, *уæнуг* / бычок; *уæс* / теленок, *сæгъæ* / козел и т.д.). В словарной статье, посвящённой этимологической характеристике лексемы *арс* В.И. Абаев пишет: «...из трех крупных хищников, известных древнеиранскому миру, – волка, медведя и

лисицы – осетинский сохранил общеиранские названия для двух последних (*арс, рувас*), что касается *волка*, то иранское его название было вытеснено из бытового употребления под действием табу и сохранилось только в эпосе» [11].

Аффиксальные зоонимы: *æхсæрæг* / белка; *æхсинæг* / грызун; *дзæгъиндзæг* / сорока; *зæгъарæг* / барсук; *хелагæ* / змея; *къирттун* / малиновка; *лазунæг* / ехидна; *лацин* / кречет; *лæгъзой* / гладыш, водный клещ; *лæсæг* / лосось; *лигъзæг* / тля; *сæтойтæ* / слизни; *уасæгой* / кукушка; *уасæнгæ* / петух; *хъуррой* / журавль и т.д.

Аффиксальные фитонимы: *æхсирæг* / молочай; *болгой* / сурепка; *деденæг* / цветок; *гъæбесæг* / название лекарственного растения; *дзодзагæ* / пастушья сумка; *загъалаг* / название лекарственного растения от ран; *къабузæг* / голубика и т.д.

Самыми активными в плане деривационных процессов в словообразовании зоонимов являются суффиксы. При том чаще всего дигорский использует суффикс – *æг*, имеющий как отглагольные, так и отыменные образования.

Суффикс – *агæ* отглагольного употребления, от основы прошедшего времени, участвует в образовании причастия со значением постоянного свойства или действия [12, 113]. Скажем, лексема *хелагæ* / змея, образована путем присоединения к глагольной основе *хелун* / ползать суффикса – *агæ*, на выходе получается причастие со значением «ползающая», которая утвердилась в языке как номен, обозначающий «змею».

Суффикс – *ой* в осетинском языке, в обоих его вариантах, указывает на большую степень какого-либо признака или отсутствие чего-либо.

Сложные зоонимы и фитонимы

Сегодня в связи с процессами глобализации усиливаются интеграционные тенденции в культуре, науке и образовании. Семантические изменения, происходящие в лексике, затрагивают в основном периферию словаря, так называемый основной, словарный фонд изменяется медленнее. С этой точки зрения особый интерес представляют сложные слова (компози́ты), как входящие в класс лексем, наиболее активно пополняемый неологизмами; а также – различные разновидности сложения, являющиеся весь-

ма продуктивными способами синхронного словообразования языка [13].

Сложные слова образуются путем словосложения. Словосложение очень продуктивный способ образования имен существительных в осетинском языке. Пополнение словарного фонда происходит в основном с помощью сложных имен существительных, которые возникают с возникновением новых понятий и явлений в связи с изменениями, происходящими в общественной жизни [14, 115]. Зоолексемы и фитолексемы не исключение, так как группы сложных зоонимов и фитонимов самые многочисленные. Составной частью сложных слов могут быть как именные, так и другие части речи. По виду связей между компонентами сложные имена существительные бывают двух типов: соединительные и определительные. В соединительных – все компоненты равноправны в своем синтаксическом значении и независимы друг от друга. Данный тип слов не является распространенным в осетинском языке. Определительные сложные существительные характеризуются тем, что один из компонентов словосложения является определительным, а другой определяемым [14, 116].

К сложным зоонимам относятся двукорневые или многоосновные лексемы, которые подразделяются на собственно композиты и аффиксальные композиты. К собственно композитам мы относим слова, которые образованы путем присоединения двух основ, глагольных или именных. К аффиксальным композитам мы относим слова, в образовании которых кроме основ, учувствуют аффиксы.

Собственно композиты дигорских зоонимов и фитонимов образованы чаще всего по таким словообразовательным схемам:

Прилагательное + существительное: *æргъеугæф* / дельфин; *бораæмæлгъæ* / соловей; *боргарк* / самка тетерева; *дзугъургарк* / рябчик; *зæринсæр* / уж; *дæлсифæ* / трилистник; *гъунгунаæхсинцъæ* / абрикос, абрикосовое дерево; *борхуасгæрдæг* / пупавка; *бæзгинсифæ* / название растения и т.д.;

Существительное + существительное: *æхсæрцъеу* / воробей; *галбиндзæ* / овод; *галхæпсæ* / жаба; *нæзицъеу* / королек; *сайтангарк* / удод; *сайтанцъеу* / трясогузка; *донзæнгæ* / название съедобной травы; *гъунагæрдæг* / лишайник; *гæдиних* / ветреница; *гæдирехæ* / название лекарственного растения; *басгæрдæг* / петрушка, тимьян и т.д.;

Существительное + глагол: *гъадкъяуар* / дятел; *дзæхæрахуар* / медведка; *къабускахуар* / бабочка-капустница; *метгорцъеу* / зимородок; *донзай* / водоросль; *гæрзæхснæн* / корни свинороя; *къæфласгæрдæг* / аистник сорняк и т.д.;

Числительное + существительное: *дугонпон* / удод; *дугонпонцъеу* / удод; *дудæхъ* / дрофа; *æрзсифон*, *æртъæфуг* / тысячелистник; *æртитъæфуг* / клевер и т.д.

Из представленных групп к соединительному типу сложных слов относятся слова, образованные по модели существительное + существительное, остальные определительного типа.

Аффиксальные композиты: *æлхъевагæгалм* / удав; *гъосхелагæ* мокрица, сороконожка; *саугъосхелагæ* / сороконожка; *берæтъæфуг* / тысячелистник; *кудзихсирæг* / молочай и т.д.

Образование аффиксальных композитов зоонимической лексики чаще всего происходит путём сложения двух или более основ и суффикса – *агæ*.

Составные зоонимы и фитонимы

Составные зоонимические названия представляют собой словосочетания, состоящие из основного и определительного компонента, где последний указывает на отличительные особенности именуемого представителя животного мира. Например: *галаг-дæлдоройнæ* / бычок-подкаменщик; *къода уру* / хомяк; *сурхсæр хелагæ* / уж; *уæртгун хæпсæ* / черепаха; *удурни хъæбуза* / вид жука; *хæмпæли бордидин* / крестовник; *циллей зolkъæ* / шелковичный червь; *зæнхи тæрхъос* / кролик; *зæнхи хсæраг* / суслик; *дони ацц* / кулик; *дони гъог* / дельфин; *дони уæрццæ* / нырок пятнистый; *гъæди систæ* / клоп; *даргъдзог гæди* / тополь; *гогузи уедагæ* / название лекарственного растения от укуса змеи; *берæгъи гагатæ* / волчья ягода; *бабузи къах* / гусиная лапка; *æрци гъæдæ* / жидовник; *залми сифæ* / лопух и т.д.

Еще одной достаточно многочисленной группой композитов являются словосложения состоящие из зоонима и фитонима: *бæхсиндзæ* / чертополох; *берæгъзæнгæ* / зверобой; *бæхгæрдæг* / сорная трава; *галлискъæф* / клубника; *галсифæ* / алтей лекарственный; *гæбухъæдорæ* / клещевина; *берæгъхъæдорæ* / люпин; *кудзигага* / волчья ягода; *арсихсæра* / название какого-то дерева; *саггъæдæ* / жасмин и т.д.

Компоненты данных составных терминов находятся в падежных отношениях (первый компонент имеет форму родительного падежа), и они, безусловно, относятся к определительному типу, так как первый компонент уточняет, определяет второй.

Таким образом, зоонимическая и фитонимическая лексика дигорского диалекта осетинского языка представляет собой довольно значительный корпус номинаций, который в процессе своего формирования выработал определенные грамматические закономерности, хотя они чаще всего подчинены общим законам грамматики осетинского языка. Анализ зоонимов и фитонимов в морфолого-семантическом аспекте показал, что по своей структуре они подразделяются на простые, сложные и составные. Самой продуктивной моделью словообразования, безусловно, являются сложные зоонимы и фитонимы, иначе говоря композиты. В основном композиты-зоонимы и композиты-фитонимы состоят из двух компонентов, однако встречаются и многокомпонентные. Основными схемами словообразования являются: прилагательное + существительное, существительное + существительное, глагол + существительное, числительное + существительное, зооним + фитоним.

---

1. Гутиева Э.Т., Сатцаев Э.Б. Осетинская лексема БÆХ / ВÆН в этимологическом освещении // Известия СОИГСИ. Вып. 28 (67). 2018.

2. Гэн Юаньюань. Зоолексика в семантическом аспекте (на примере отзоонимных существительных) / Гэн Юаньюань, Г. Н. Плотникова // Научный диалог. 2018. № 4.

3. Дигорско-русский словарь. Сост. Таказов Ф. М. Владикавказ, 2003. 736 с.

4. Рядченко Н. Г. Из наблюдений над русской зоонимией // Русская ономастика. Одесса, 1984.

5. Рядченко Н.Г. Зоонимия как особый класс ономастической лексики. // Актуальные вопросы русской ономастики. Киев, 1988. 95.

6. Сталтмане В.Э. Зоонимы // Ономастическая лексикография. М., 1989.

7. Моргунов А.Б. К вопросу о лингвистической классификации зоонимов // Науковий вісник Мукачівського державного університету. № 20 (15). 2016.
8. Брославская Е. М. Этнокультурные особенности зооморфизмов в русском, украинском и английском языках [Текст] / Вестник МСУ, 2001. т. 4. № 6.
9. Солнцева Н.В. Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этносемантическом аспекте: Дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2004. 273 с.
10. Техов Ф. Д. Названия растений в осетинском языке. Цхинвали, 1979. – 176 с.
11. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.–Л., 1958. Т. II. Л., 1973. Т. III. Л., 1979. Т. IV. Л., 1989. Указатель. М., 1995.
12. Таказов Ф. М. Грамматический очерк осетинского (дигорского) языка. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2009. 164 с.
13. Маковей Р. Г. Интерпретация сложных слов в науке // Вестник ХНАДУ. 2007. №39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsiya-slozhnyh-slov-v-nauke> (дата обращения: 09.06.2019).
14. Грамматика осетинского языка. Фонетика и морфология. / Под ред. проф. Г.С. Ахвледиани. Т. 1. Орджоникидзе, 1963. 368 с.

Л. Ю. Гогичаева,
аспирант СОИГСИ им. В.И. Абаева
(г. Владикавказ)

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ
(«СЛЕЗЫ СЫРДОНА» Н.ДЖУСОЙТЫ, «ПЛАХА» Ч.АЙТМАТОВА)

В статье на примере творчества Нафи Джусойты и Чингиза Айтматова рассматриваются особенности функционирования библейских мотивов в отечественной литературе последней трети XX века. Типологическая общность произведений выводится из спроецированности эсхатологии отдельной человеческой души (Бостон, Сырдон) на перспективу космического апокалипсиса в целом. Делается вывод о разнообразности решения анализируемой проблемы в ракурсе духовной эволюции героя либо его неспособности принять мир во всей сложности и противоречивости.

Ключевые слова: мотив, романский замысел, эсхатология, апокалипсис, библейские ассоциации, идея-образ.

The article on the example of Nafi Dzhusoyty and Chingiz Aitmatov works considers the peculiarities of biblical motifs in Russian literature of the last third of the twentieth century. The typological similarity of works derived from sproetsirovat eschatology of the individual human soul (Boston, Syrdon) for the future space of Apocalypse in General. The conclusion is made about the diversity of the solution of the analyzed problem from the perspective of the spiritual evolution of the hero or his inability to accept the world in all its complexity and inconsistency.

Keywords: motif, novel idea, eschatology, Apocalypse, biblical associations, idea-image.

Как показывает само происхождение слова, эсхатология (от др.-греч. ἔσχατος — «конечный», «последний» + λόγος — «слово», «знание») – религиозное учение о конечных судьбах мира и человека. Различают два основных вида эсхатологии: индивидуальная, т.е. учение о загробной жизни отдельной человеческой души, и всемирная, т.е. учение о цели космоса и истории; со временем индивидуальная эсхатология стала частью всемирной.

Эсхатология христианства возникла на почве национально-иудейских представлений о Мессии и Его царстве, она исходила из того, что эсхатологическое время уже началось с выступлением Иисуса Христа («Мессии») [1, 726]. Эсхатология Нового Завета выра-

жает себя в многозначных символах и притчах. На уровне чувственно-наглядного мифа она часто содержит мотивы, общие для различных религий.

Основное внимание эсхатология сосредотачивает на решении вечных богословских проблем: мира и войны, радости и горя, жизни и смерти. Немалое место занимает и аспект, связанный с происходящими апокалипсическими процессами в мире. Загадочность эсхатологии, огромное количество зашифрованных смыслов и понятий являются благодатным полем для творческого воображения писателей и поиска ими ответов на вечные вопросы.

Прежде чем перейти к изучению темы конца света, занимающей немаловажное место в современной литературе, в творчестве Ч. Айтматова и Н. Джусойты в том числе, необходимо обратиться к первоисточнику – Священному Писанию.

Структурно Библия завершается книгой Нового Завета, самая таинственная из его составляющих – Откровение Иоанна Богослова, или Апокалипсис (др.-греч. – Αποκάλυψη του Ιωάννη, лат. – Apocalypsis Ioannis). Апокалипсические тексты, в большинстве случаев утраченные на языках оригиналов (еврейском или арамейском), известны в позднейших переводах на греческий и латинский. Известны переводы и на другие языки, сделанные представителями народов, чувствовавших потребность в обличении несправедливости и в вере в явление «новых небес и новых земель», позже обещанном христианством [2, 14].

Представление о конце света развивалось в религиозных учениях, философских концепциях и в произведениях мастеров литературы. Эсхатология может пониматься по-разному. Например, как «вселенский круговорот»: мир гибнет, а затем возрождается, чтобы снова погибнуть. Или как конец света вообще, когда в ходе глобальных катастроф гибнет все живое. Также в эсхатологии отражается ожидание апокалипсиса, который принесет избавление всем человеческим страданиям и печалям.

Библия всегда занимала особое место в судьбах народов мира, а эсхатологические мотивы нашли своё отражение в отечественной литературе. Они появляются, например, в творчестве Ф. Достоевского, К. Хетагурова, Л. Андреева, М. Булгакова и др. Мотивы христианства в произведениях современных авторов имеют сложный

синтез аллюзий на библейские сюжеты, символы и смыслы с элементами образной системы и ценностными представлениями, свойственными религиозно-эстетическому сознанию того или иного народа, носителями культуры которого они являются. К числу таковых мы причисляем знаковые произведения национальных литератур – романы «Слёзы Сырдона» (кн. 1 – 1979; кн. 2 – 2004) Н. Джусойты и «Плаха» (1986) Ч. Айтматова.

Необходимо отметить, что осетинское книжное слово берёт истоки в текстах христианских заповедей и молитвословий. Ярким свидетельством влияния православной духовной практики на зарождение осетинского письма является первая печатная книга «Начальное учение человеком, хотящим учиться книг божественного писания» (1798), а также уникальная миссионерская и религиозно-просветительская деятельность Ивана Георгиевича Ялгузидзе (1775–1830) [3; 4]. Христианские мотивы играли значительную роль в произведениях осетинской классики (А. Колиев, С. Гадиев, Р. Гаглоев, К. Хетагуров и др.). В советское время, в эпоху воинствующего атеизма, христианская тема оказалась под запретом либо осваивалась под углом зрения сатирического изображения. Ныне в художественном творчестве происходит возобновление интереса к раскрытию христианской сущности человека, к осмыслению религиозно-философских проблем бытия. Христианские сюжеты и мотивы осваиваются писателями в разных аспектах, получают различную художественную разработку.

Введение Ч. Айтматовым и Н. Джусойты эсхатологических мотивов в свои романы, безусловно, являлось смелым ходом. Примечательно, что предшествующий период творчества у обоих писателей был связан с деятельностью в области национальной художественной традиции, в случае с киргизским автором – достаточно далекой от христианской культуры. Обращение к евангельскому сюжету отнюдь не случайное явление в национальной романистике последних десятилетий: остросоциальная современность библейской легенды заставляет задуматься над сегодняшним значением вечных вопросов [5].

В романе Ч. Айтматова тема конца света – одна из ключевых. Даже название романа – «Плаха» – метафора, в которой заключен глобальный смысл. Плаха – это место, где не осталось ничего пре-

красного, все безжизненно, пусто. Герои произведения связаны неразрывными нитями с обществом и природой, связаны символикой плахи. Люди в романе убивают, губят природу, отнимают невинные жизни, которые не в силах сопротивляться насилию. Разными путями идут эти герои к своему лобному месту – трагедия рано или поздно постигнет каждого.

Тема апокалипсиса прослеживается во всех частях романа: конец света для волков, для человечества (экологическая катастрофа в перспективе), для жизни одного человека, чабана Бостона, изначально представленного как положительный пример («передовик-кулак») для остальных пастухов.

Бостон является центральным персонажем третьей части романа. С раннего детства на его долю выпало немало горестных испытаний, все в жизни доставалось ему тяжелым трудом. Он был честен и трудолюбив, жил в слиянии с природой, во всём полагался на здравый смысл. Героя, которому по его делам должно быть уготовано счастье, ждёт гнетущая судьба и жесточайшее наказание. Однажды местный бездельник и пьяница Базарбай похищает щенят волчьей пары Акбары и Ташчайнара, чтобы продать детёнышей. Спасаясь от разъяренных волков, вор прячется в доме Бостона. С того дня волки стали приходить в округу и нападать на людей. Как-то им удалость подобраться к дому Бостона, чабан, переживая за свою семью, был вынужден застрелить Ташчайнара, Акбаре удалось спастись. Спустя некоторое время волчица подкралась к его дому и выкрала полуторагодовалого сына – Кенжеша. Бостон схватил ружье и начал стрелять в волчицу, но промахивался, а Акбара убегала всё дальше. Но вот ему удалость попасть в неё, волчица упала, Бостон подбежал и увидел, что она лежит, еле дыша, а его сын уже мёртв. По роковому стечению обстоятельств, он стал убийцей родного сына.

В этот миг мир перестал существовать для Бостона. Для этого персонажа «весь мир... заключался в нём самом и ему, этому миру, пришёл конец. Его мир, невозобновимый, утрачен и не возродится ни в ком и ни в чем» [6, 220]. В приведённом отрывке – трагедия человека, не продолжившего жизнь своего рода в сыне и в памяти людской, оторвавшегося в силу страшных обстоятельств от людей. Обезумевший от горя отец разуверился в справедливости; разъя-

ренный, он схватил ружье и хладнокровно застрелил негодяя Базарбая, но это разве изменит всю чудовищность мира? Совершив три убийства, одно из которых осознанное, Бостон чувствует себя опустошенным внутри. Месть не принесла ему утешения, не уняла душевную боль, а только усилила её. Но в предсмертных словах пастуха присутствует и мысль об обретении новой гармонии с миром. Ему «...и хотелось и не хотелось жить. Вот как эти буруны – волна вскипает, исчезает и снова возрождается сама из себя» [6, 225].

Ч. Г. Айтматов на страницах романа «Плаха» создал собственный Апокалипсис, показал конец света для отдельной личности. Его персонаж самостоятельно вершит суд и расправу над человеком, что, по мнению писателя, является ложным шагом, поскольку, лишая жизни виновного, Бостон тем самым дистанцируется от человечества.

Типологическую общность с произведением киргизского писателя в раскрытии темы эсхатологии единичной души, спроецированной на апокалипсис всего человечества (в нашем случае – нартовского космоса), обнаруживает роман «Слёзы Сырдона» Н. Джусойты. События сконцентрированы, в основном, вокруг главного героя. Сложно не заметить, что главы в произведении расположены по принципу нарастания напряжения, как череда страданий, утрат, достигших апогея в эпизоде сотворения Сырдоном фандыра [7, 310].

Характер и взгляды героя лишены линейного развития: они формируются и изменяются в результате жизненных перипетий. «Человек, будучи личностью, с одной стороны, живёт в мире неких аксиом, которым сохраняет (или стремится сохранить) верность, а с другой – находится и остаётся незавершённым, открытым для новых впечатлений и переживаний, суждений и поступков» [8, 38].

Читая роман, можно убедиться, что автор создал собственную концепцию нартовской антропологии, основанной на смене традиционных для осетинских сказаний нравственных полюсов. В результате, Сырдон предстает не хитрым и коварным, как описывается в эпосе, а, наоборот, носителем всего светлого и доброго. С самого начала Н. Джусойты знакомит нас со средой, где вырос Сырдон, показывает отношение Нартов (а именно, рода Ахсартаггата) к нему,

их неприязнь и пренебрежение. На протяжении всего романа герой пытается понять, чем заслужил страдания, которые в обилии выпадают на его долю. Первая беда, которую предстояло пережить Сырдону – это убийство Сосланом его первенца, Хурафарна. Мучительно тяжело пришлось герою, ныло его сердце, было желание отомстить убийце. Показано и отношение к Богу, когда Сырдон говорит своей жене, Зарине, что Хуцау на стороне убийц, и возмездия от Него не приходится ждать.

Значимую роль в романе играет образ Гатага – отца Сырдона. Именно к нему приходит герой в те моменты, когда нуждается в совете и поддержке. Заветы Гатага сыну являются ориентиром в поисках жизненного пути. Сырдон помнил о наказах отца: принять свое горе, но быть начеку по отношению к врагам. Одно лишь утешение осталось в его жизни – трое сыновей, которых он должен уберечь от беды.

Спустя время случилась вторая трагедия: нарты, по возвращении с похода, в котором участвовал и Сырдон, разделили добычу поровну, но Хамыцу это не понравилось, и он посчитал нужным забрать себе долю Сырдона. Сырдон не смог согласиться с несправедливым поступком и вернул то, что ему принадлежало. Беспощадна была месть Хамыца, жестоко расправившегося с его женой и детьми.

Рухнул мир сына Гатага, оборвалась жизнь. Навзрыд плачет Сырдон по своим детям и жене, «одиноким волком воет». В глубине его души зреет песня-плач, но как ей вырваться наружу? Н. Джусойты через внутренний монолог героя показывает его душевное состояние: «Моё сердце опустело. Иногда мне кажется, что в нем не осталось ни любви, ни жалости, а лишь месть, и больше ничего, даже страха смерти нет в душе, так мне кажется. Как жить дальше?» [9, 278].

В данном отрывке, как и в романе «Плаха» Ч. Айтматова, показан отец, который не смог продолжить свой род, не уберечь семью от страшных обстоятельств. Но если в «Плахе» Бостон, не сумевши пережить постигшее его горе, расправляется с виновником своих бед, то с Сырдоном все по-иному. Он нашёл в себе силы обуздать жгучий гнев, убивать Хамыца не стал, но и от мести отказываться не был намерен. По старинным осетинским традициям, умершему по-

свящали коня, а Сырдон посвятил убитым детям Хамыца, оклеймил, принёс в жертву.

Взгляды Сырдона меняются под воздействием заветов его отца. Если изначально он жаждал пролить кровь своих врагов, то со временем подобные желания рассеялись, поскольку после смерти Хамыца и Сослана не почувствовал внутреннего умиротворения, а наоборот, не видел смысла дальнейшего существования: «Желал он увидеть гибель своих врагов, и довелось ему. И не осталось больше смысла жизни: для чего? Казалось, что отделился он от мира живых, но ещё не примкнул к миру мертвых» [9, 325].

Большую смысловую роль играет и совет Гатага своему сыну: «Иди и испытай... другого выхода нет... Испытай себя, чтобы сердце стало чистым, невинным, чтобы глаза начали яснее видеть, чтобы поумнел ты, ибо умом пока не блещешь, и вот тогда-то разум твой станет душевным, сердце начнёт видеть истину. Иди, испытай себя, сынок. Побори коварство и злобу души и распахни сердце своё для большой любви» [9, 267]. Отец учит его доброте, милосердию и выдержке, подводит к мысли о том, что нужно претерпеть свою личную боль и скорбь, чтобы жить во имя спасения нартковского рода-племени, нужно слагать песни – не на фандыре «прошлого», а на новом инструменте, который создает Сырдон – двенадцатиструнной арфе.

Ф. Ш. Алборов в работе «Музыкальная культура осетин» строение этого музыкального инструмента связывает непосредственно с сюжетом о гибели детей Сырдона: «Тело, то есть корпус арфы, – это рука юноши, струны – его волосы, а густой звук инструмента – слёзы и стоны скорбящего отца» [10, 152–155]. Исследователь К.М. Королев в своей «Энциклопедии символов, знаков, эмблем» объясняет, что арфа является связующей единицей между небом и землёй, олицетворяющей душевные страдания человека, звучание её наполнено напряжением и горем [11, 322]. О сакральной природе осетинской арфы говорится в исследовании В. Цагараева [12], «своеобычным кодом, генетической матрицей нартковского мира» назван Сырдонов фандыр в статье И. В. Мамиевой [13, 120].

В романе, как и в эпосе, семантика арфы имеет глубокое значение. Интересно отметить, что в эпосе нарты приняли в своё общество Сырдона именно после того, как он преподнес им фандыр; У Н. Джусойты данный эпизод отсутствует. Писатель, творчески пере-

работав имеющийся у него материал, по-своему интерпретировал и более детально описал создание фандыра, усилил трагедийную суть мотивационной сферы героя: «Долго размышлял Сырдон и придумал: к детской голове прикрепить приподнятую руку и натянуть струны. Основанием фандыра станут плечевая кость и рука. Возле плеча будет находиться испуганное лицо ребёнка. Прикреплённые к руке струны укреплены внизу фандыра. Но чаша мала, ведь струны должны быть больше, сильнее, иначе песню-плач не услышит никто» [9, 265].

Можно утверждать, что двенадцатиструнная арфа стала спасением в жизни Сырдона в тяжелое для него время. Фандыр, являясь символом горя и печали, одновременно освобождает душу от этой печали. Слезы, которые проливает герой во время игры на фандыре, это слезы очищения души. Музыка становится для него средством исцеления.

Тема «апокалипсиса» в рассматриваемых романах раскрывается в локальном (индивидуально-личностном) и общечеловеческом масштабах. Благодаря используемой в романе легенде о Христе, Ч. Айтматову удалось показать тип Иисуса, долженствующий пережить не одну эпоху. Его черты есть и в главном герое произведения, Авдии Калистратове, и в Бостоне. Это трагические личности, они погибают, но остаются нравственными победителями, не изменив долгу. Через посредство этих образов автор высказывает мысль о том, что трагедия во второй половине XX столетия разворачивается по древнему сценарию, в мире мало что изменилось со времени смерти Иисуса Христа. Как в далёком прошлом, так и в наши дни тот, кто несёт людям добро, погибает от их же рук, но вместе с тем смерть – это его выбор. Авдий, пройдя два испытания (суд в поезде и моюнкумской саванне), не отступает от своих принципов. Он приносит себя в жертву погрязшим в пороке в надежде, пусть и ценой своей жизни, пробудить Бога в людских душах [14, 124].

Цель героя не достигнута, и здесь возникает мотив страшного суда. Он соотносим автором с людьми, коими движет грех корыстолюбия, гордыни и стяжательства. Ради удовлетворения своих страстей они способны на ещё худшие прегрешения: вредительство, обман, даже уничтожение собственной среды обитания [6, 25]. Подобно библейским персонажам, они не могут и/или не хотят понять

всего цинизма и жестокости своих действий, всей их необратимости. Так, обречённые на массовое истребление сайгаки буднично именуются на сухом бюрократическом языке «незадействованными мясными ресурсами» [6, 22], а то, что автор романа называет «побою, достигшим апокалипсических размеров» [6, 24], лаконично охарактеризовано ими как «необходимость скорейшего вовлечения в плановый оборот упомянутых резервов в интересах края» [6, 25]. Сама история спасительной жертвы, вразрез традиционной трактовке, излагается автором языком современной публицистики – в одном стилистическом ключе с канцеляритом бюрократической прослойки общества.

Так или иначе, но посредством апокалипсических мотивов наиболее наглядно отображается главная философская проблема романа [15]. Именно в моменты, когда мироздание, кажется, ближе всего подошло ко дню Страшного суда, лучше заметно, что «Земля вращается как карусель кровавых драм... Так неужели карусели этой надо кружить до самого скончания света, пока вращается Земля вокруг Светила?» [6, 47]. По мнению Ч. Т. Айтматова, конец человечества может случиться исключительно по вине самого человечества.

Исследователем осетинской мифопоэтической прозы И. В. Мамиевой аналогично оценивается картина вселенной («износ космического начала на фоне активизации деструктивных сил») в первой книге романа Н. Джусойты. Учёный акцентирует внимание на том, что через образ главного героя автором проводится очень важная мысль о необходимости, даже перед угрозой глобального катаклизма, «служить этому миру, проходя через горнило предельных испытаний», дабы обрести надежду на преодоление надвигающегося небытия, на организацию основанной на законах красоты и совершенства жизни [7, 310].

Мотив персонального «конца света» звучит у обоих писателей на высокой трагической ноте. Зададимся вопросом: для каждого ли он может наступить? Судя по концепции Н. Джусойты, нет. «Апокалипсис» Бостона, героя Айтматова, который борется с абсурдом действительности, с судьбой насильственными методами [16, 46], трактуется, прежде всего, как утрата гармонии с окружающей действительностью и собственным внутренним миром. Сырдон же

Н. Джусойты, сполна изведавши страдания и боль утрат, находит в себе мужество и высокую мудрость, чтобы сохранить веру в светлые человеческие начала и через это обрести душевную гармонию. Суровые испытания выводят его к ощущению собственного единства с Вселенной, к достижению катарсиса. Более того, во второй книге романа Сырдон, можно сказать, выступает творцом нового мира. По верному наблюдению И. В. Мамиевой, значимыми элементами обрисовки этого акта созидания выступают библейские реминисценции и символика, аналогии с ветхозаветными персонажами: «Сырдон Н. Джусойты, подобно патриарху Ною, собирает вокруг себя “мирный элемент” нартового общества, чтобы спасти его от небесной кары. Подобно пророку Моисею, в течение ста дней ведёт приверженцев в обетованную землю...» [17].

Следует указать, что разрабатываемую нами проблематику, исследовали и в работах по осетинскому фольклору [18, 19].

Обобщая сказанное, можно заключить, что среди евангельских мотивов, не только играющих сюжетно-композиционную роль, но и несущих определённый философский смысл, тема конца света является одной из ключевых. Апокалипсическая проблематика, в каждую историческую эпоху воспринимавшаяся по-своему и актуальная на всем протяжении развития православной культуры, обретает в наши дни новые смыслы. Отзываясь на вызовы современности, заставляет искать пути усиления “конструктивных потенциалов” мироздания, способы нейтрализации разрушительных сил в человеческом обществе [5, 79].

И киргизский писатель Ч. Айтматов, и его осетинский собрат по перу Н. Джусойты поднимают в своих произведениях серьезные духовно-нравственные проблемы современного социума. Обрекая своих героев на тяжелые испытания, приводят их к духовному очищению и таким образом достигают своей основной задачи: интенсификации эмоционально-психологических механизмов воздействия на читательское сознание.

1. Философский энциклопедический словарь / ред. Л.Ф.Ильичев и др. – М.: Сов. энциклопедия, 1983. 836 с.
2. Донини А. У истоков христианства (от зарождения до Юстиниана) / под общей редакцией проф. И. С. Свенцицкой: Пер. с итал. М.: Политиздат, 1979. 157 с.
3. Чибиров Л. А. У истоков осетинского просвещения: Иуане Габараев-Ялгузидзе. Владикавказ: Осетия Полиграфсервис, 2016. 182 с.
4. Мамиева И. В. Иван Ялгузидзе (Иуане Габараев) – предтеча горского просветительства // Вестник ВНЦ РАН. 2018. Т. 18. № 3. С. 11–19.
5. Мамиева И. В. Функция бытийного в пространстве обыденности (Роман «Плоть от плоти» Б. Гусалова) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-3. С. 79. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=23692> (дата обращения: 11.05.2019).
6. Айтматов Ч. Т. Плаха: Роман. М.: Эксмо, 1987. 305 с.
7. Мамиева И. В. Мир нартов в пространстве художественной литературы // Нартоведение на рубеже XX-XXI вв. 2012. № 1. С. 304–318.
8. Хугаев И. С. Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы. Владикавказ: Ир, 2008. 562 с.
9. Джусойты Н. Сырдоны цахсыгтæ. Роман 2 чиныгæй. Дзæуджыхъæу: Ир, 2004. 655 с.
10. Алборов Ф. Ш. Музыкальная культура осетин. Владикавказ: Ир, 2004. 192 с.
11. Королев К. М. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М.: ЭКСМО; СПб.: Terra Fantastica, 2003. 524 с.
12. Цагараев В. А. Искусство и время: Очерки по истории визуальной культуры алан-осетин. Владикавказ: Ир, 2003. 463 с.
13. Мамиева И. В. Архетип сказителя в осетинском эпосе «Нарты» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 8-1 (38). С. 120.
14. Мироненко Е. А. Фольклорно-мифологический контекст художественной прозы Чингиза Айтматова : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 2002. [Электронный адрес] <http://diss.seluk.ru/av-filologiya/569713-1-folklorno-mifologicheskie-motivi-proze-chingiza-aytmatova>
15. Агеносов В. В. Роман Ч. Айтматова «Плаха». К проблеме во-

площения эстетического идеала в современном советском философском романе [Электронный адрес] http://www.laoshi2.ru/?page_id=1543

16. Мискина М. С. Фольклорно-мифологические мотивы в прозе Чингиза Айтматова : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004. [Электронный адрес] <http://diss.seluk.ru/av-filologiya/569713-1-folklorno-mifologicheskie-motivi-proze-chingiza-aytmatova.php>

17. Mamieva I.V. Ontological Motivation of the Myth-Based Novel in Ossetian Literature // Proceedings of the International Conference «Topical Problems of Philology and Didactics: Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences» (TPHD 2018). Part of series ASSEHR. Vol. 312.

18. Кусаева З.К. Мифо-фольклорные традиции в осетинской литературе // Фундаментальные исследования. 2013. № 4-4. С. 1005-1010.

19. Кусаева З.К., Таказов Ф.М. Этиологические мифы о происхождении небесных светил в фольклоре осетин // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-3. С. 77.

Т.А. Ёлборт
(г. Дзауджыхъæу)

ÆГЪДАУЫ ТЕМÆ ИРОН ФОЛЬКЛОР ÆМÆ ЛИТЕРАТУРÆЙЫ

В статье анализируются идеалы и обычаи, составляющие духовно-ценностную основу бытия осетин, рассмотрены механизмы отражения нравственно-этического опыта народа в фольклоре и художественной литературе. Особое внимание уделяется поэтической функции традиции как способа раскрытия внутреннего мира героя, решения проблемы его духовной и ментальной идентичности.

Ключевые слова: *обычай, традиция, мораль, художественное отражение, фольклор, поэзия, проза, изобразительно-выразительные средства*

The article analyzes the ideals and customs that form the spiritual and axiological basis of being deterministic, reflecting the moral and ethical experience of the people in folklore and fiction. Particular attention is paid to the poetic function of tradition as a way to reveal the inner world of the hero, to solve the problem of his spiritual and mental identity.

Keywords: *custom, tradition, moral, artistic reflection, folklore, poetry, prose, expressive means*

Ирон культурæйы адæмон æгъдæуттæ ахсынц сæрмагонд бынат, сæ уидæгтæ æххæссынц дард ивгъуыдмæ. Рæстæг куыд цæуы, афтæ æгъдæуттæй дæр цыдæртæ ивы, фæлæ сæ апп æнустæм у цардæгас. Фыдæй фыртмæ сæ лæвæрдтой, æмæ сын фарн æмæ цардæмондхастой семæ. Дис сыл кодтой фæсарæйнаг бæлццæттæ æмæ ахуыргæндтæ. Йæ рæстæджы академик Всеволод Миллер æмбисондæн хаста: «В осетинской сакле соблюдается этикет строже, чем в европейских раззолоченных палацках» [1, 79].

Адæмон æгъдæуттæ парахатæй нывгонд цæуынц ирон дзыхæй-дзургæ сфæлдыстады. Парахатæй сæ пайда кæнынц ирон литературæйы дзырды дæснытæ. Зындгонд куыд у, афтæмæй фольклоры хъæздыг æвæрæнтæ кæддæриддæр сæхимæ здæхтой ирон фысджыты цæстæнгас. Фольклоры бындурыл фыст æрцыд дзæвгар литературон уацмыстæ. Ирон фысджытæ адæмон æгъдæутты фæрцы равдисыц сыгъдæг национ нывтæ, цардыуаг æмæ характертæ. Бæркаджынæй сæ пайда кæнынц Плиты Грис æмæ Дзаболаты Хазби дæр. Грисы хæстон лирикайы ахсджиаг бынат ахсы æмдзæв-

гæ «Салдат». Уацмысы райдайæны уынæм, ирон фæсивæд Фыды-бæстæйы Стыр хæстмæ куыд цæуынц, уыцы ныв. Поэт хъомысджын ныхæстæй нывæнды поэтикон ныв, уым зыны бæлвырд уавæр. Æрдз æмæ хъæуы нывты уынæм адæмы хъысмæт:

*Уыдис мæйрухс, сæрдыгон æхсæв, хъарм.
Фæлæ уыд зæрдæ талынг æмæ уазал.
Нæ хуыссыд хъæу, фæлæ ныхъхъус куыддæр,
Рухс никæмуал сыгъд, æмæ къахт цæстытау
Уыдысты хъæуы рудзгуытæ мæрдцъынд.*

Дарддæр поэт нывæнды, адæм хæстонты куыд фæндараст кæнынц, уыцы нывтæ:

*Нæ фæдыл адæм хъæугæронмæ рацыд,
Нæдæр ныхас, нæ – худын, нæ – кæуын,
Æнæ уый дæр æмбæрста иуы иннæ:
Куы 'рцæуы фыд æгас дзыллæйыл, уæд
Сæргуыбырæй æмæ уæнтæбæрзондæй
Кæрæдзи 'нцой æнæдзургæ фæлæууынц.*

Хæстонты куыд фæндараст кæнынц, уым уынæм ирон адæмы цардыуаг æмæ фæтк. Поэты сфæлдыстад иртасæг зæгъы: «Фæндаджы истори байгом колоритон нывæй. Ам нæй патриотон митинг, ам нывæфтыдæй уынæм национ царды æууæлтæ. Поэты цæстæнгас цардæй фелвæста уæрæхформатон нывтæ»[2, 219]. Грис ам арæх-стджынæй спайда кодта ирон гаджидауы нысанæй. Фæсивæдæн сæ фæндаджы размæ ракувы куырыхон хистæр. Йæ ныхасы дзуры адæмы фæндиæгтæ æмæ сæ фæдзæхсы:

*– Цæут, мæ хуртæ... Уастырджи фæуæд
Уæ фарсхæцæг... Тых кæнынмæ нæ цæут,
Фæлæ цæут тыхгæнджыты ныхмæ...
Æгæдмæ-иу нын ма 'руадзут нæ сæртæ...*

Зæронд лæджы куывд у хуымæтæг, фæлæ хæссы арф мидис æмæ хъары зæрдæмæ. Паргом кæны кувæджы зæрдæйы ахаст хæстон фæсивæдмæ, хоны сæ «мæ хуртæ». Куры фæндаджы æмæ хæсты бардуагæй, цæмæй бæлццæтты йæ рахиз базыры бын бакæна. Амоны æвзонг хæстонтæн сæ балцы аххосæгтæ æмæ сæ тохы нысан. Уый фæдзæхсы, цæмæй тохы быдыры худинаг сæ сæрмæ ма 'рхæссой.

Гаджидауæй пайда кæны Дзаболаты Хазби дæр æмдзæвгæ «Къæсæры Уастырджидæ! Дæ рынтæ!..», зæгъгæ, уым. Æвдыст дзы цæуы ирон бинонты цардæй иу цау: фыд фæндараст кæны йæ фырт балцы. Ам Хазбийæн стыр ахъаз фæци йæ хъуыды нывæфтыд кæнынæн гаджидау. Бинонты хицау кувы Уастырджимæ, уымæн æмæ уый у Хуыцауы стырдар, каттджындæр, ахъаззагдæр минæвар арвæй зæхмæ. Куырыхон хистæры куывд хæссы арф мидис:

*Цæмæй дзы йе 'мбæлттæ хъæубæстæм
Хъæбулы арфæтимæ здæхой
Æмæ былысчылæй мæ фæстæ
«Сæгъæй сæныкк гуыры» нæ зæгъой!*

«Сæгъæй сæныкк гуыры», – ацы базырджын ныхас у адæмон æмбисонд. Поэт дзы пайда кæны, цæмæй бæлвырддæрæй равдиса кувæджы хъуыдытæ, йæ зондахаст, йæ бæллицтæ. Æмдзæвгæйы хъайтар тæрсы фидисæй, уымæн æмæ уый агайы адæймагæн йæ намыс, къахыр ын кæны йæ кад. «Худинаджы бæсты – мæлæт хуыздар», – дзырдтой-иу нæ фыдæлтæ. Уымæй тарстысты Нарты Тотрадзы мад, Æфхæрдты Госæма, Хазбийы Нана.

Дыууæ ракуывды дæр æвдисынц иухуызон мидис. Фæндон æмæ фæдзæхст. Гаджидау у ирон фынджы фидауц æмæ æвдисы адæмы зондахаст.

Рагон ирон æгъдауæй пайда кæны Плиты Грис йæ уацмыс «Фæндзæм хъама»-йы. Æххæст-иу æй кодтой, тохы быдырмаæ кæнæ та тæссаг балцы чи цыди, уыцы фæсивæд:

*Мысын: мадæн фырт лæууы йæ цуры,
Райдзастæй, зæрдæнкъардæй йæ хуры
Лæгтыдзуарыл афæдзæхсы мад...
Лæппу къулыл сау цухъхъа ныуадзы,
Кæрты хъама бæласы ныссадзы,
Ацæуы цъæх цинелы – салдат...*

Ацы æгъдау нæ абоны царды нæй, нæ баззад историйы дæр, фæлæ нæм æрхæццæ адæмон сфæлдыстады. Эпосы Нозы фырт Бæргъуын хæцы Нарты ныхмæ, уымæн цæдисон сты уæйгуытæ. Бæргъуын нæ ауæрдзы йæхи адæмыл дæр, мары. Нарты ныхмæ чи нæ цæуы, уыдоны, судзы сын сæ хъæутæ. Уæд йæ ныхмæ рацыд Дæргъæфсæры чызг – эпосы сылгоймаг хъайтар. Бæргъуынæй йæ

маст райсыны сæраппонд сарæзта хъæбатыр чызгæфсад. Уæйгуы-тимæ тохы заман æххуыс кæны Нартæн. Кадæджы уынаем хæстон уавæрты хъæбатыр чызгæфсад хъæды ард куыд бахордтой, уыцы эпизод:

*Цæттæ уыдысты хæстмæ, бырсынмæ.
Ызгæртæ скодтой, хотыхтæ райстой,
Сæ фæринк кæрдтæ уыдон ысластой,
Цъилы дæндæгтау сæ тулдзы ныссагътой,
Цыргъаджы комæй туг-ард бахордтой [3, 49].*

Кард бæласы ныссадзын æмæ афтæмæй ард бахæрын, æнæмæнг, уыди рагон ирон æгъдау. Ацы фæтк нысан кодта: цалынмæ арддæт-тæг йæ хæс сæххæст кæна æмæ уæлахизæй æрыздæха, уæдмæ йын йæ кард ничи рафтаудзæн. Бæлас дунейы мифты у æнусон царды æнæмæлгæ символ æмæ хъахъхъæны адæймаджы мæлæтæй.

Ирон фольклоры кард бæласы ныссадзын æмæ дард тæссаг бал-цы араст уæвын æмбæлы алы хуызты. Аргъау «Фаззæтты» Сауи æмæ Будзи кæрæдзийæ куы ахицæн вæййынц, алчи сæ йæ фæндагыл куы ацæуы, уæд сæ мусонджы астæуккаг цæджындзы ныссадзынц къулгард. Уымæй базондзысты: «...кæд сæ искауыл исты æрцæуа, уæд чердæм араст и, уыцырдыгæй фарс сызгæ уыдзæн; кæд-ма йын фервæзынæн исты амал уа, уæд-ма карды фарс ранæй-ран æрт-тивдзæн» [4, 192].

Нарты кадджыты Æхсæртæг денджызы бынмæ куы цæуы, уæд зæгъы йе 'фсымæрæн: «...мæнæ дин мæ циргъаг, кæд тоги хузæн изæр кæнун байдаи, уæд уой зонæ, æма мæнмæ æнгъæл мабал кæсæ». Ацы сюжетты уынаем, кардæн ис алæмæт æууæлтæ, ома, кард æмæ йæ хицау хъайтар сты æмуд, ис сын иу цард [5, 273].

Æнгæс мотив æмбæлы Гриммты аргъау «Дыууæ æфсымæры». Ам фыд амоны йæ фырттæн, кæд сæ кæрæдзийæ фæхицæн уой, уæд фæндæгтæ кæм баиу вæййынц, уым бæласы хъуамæ ныссадзой кард. Раздæр сæ бынатмæ чи æрбаздæха, уый кардмæ гæсгæ базон-дзæн æфсымæры хъысмæт.

Дунейы мифты кард дзаума нæу, фæлæ – удгоймаг, йæхи сæрмагонд номимæ. Зæгъæм, Зигфриды цырыхъ – Бальмунг, Ролан-ды цырыхъ-Дюрандаль, Артуры-Экскалибур, Нарты Батрадзы – Хъандзал-кард, кæнæ æндæр варианты Дзус-Хъара. Уыйимæ бирæ геройтæн сæ мæлæт у сæхи кардæй, æндæр сын тыхгæнæг тых нæ

кæны. Эпосы геройтæн кард лæвар кæнынц хуыцæуттæ, Сосланæн – уæларв Курдалæгон, Батрадзмæ Хуыцауы фондз лæварæй æрхаудта кард.

Куыд уынæм, афтæмæй стыр уыд æхсаргарды ахадындынад нæ фыдæлты царды. Йæ фæд ныууагъта адæмон сфæлдыстады. Уæрæх нывгонд цæуы ирон фысджыты уацмысты, уымæ Плиты Грисы æмдзæвгæты... «Кæуæг бæрз»-ы хъайтар Дæргъæфсæры чызгау цыргъаджы номæй ард бахордта æмæ йæ æвдисæндарау сæ кæрты бæласы ныссагъта. Æмæ ныр бæлас, «сыфтæртæй цæссыгкæлгæ», хъынцъым кæны, хъама фæстæмæ сласыны амал кæмæ нал æрхаудта, мады уыцы «зыбыты иунæг бындарыл». Æмдзæвгæ «Фæндзæм хъама»-йы идæдз сылгоймагæн хæсты быдырмæ ацыдысты йæ цыппар фырты. Йæ иунæг ныфсы таг-ма у кæстæр, фæлæ:

*Иу райсом йæ фырты мад нæ уыны, –
Рауад, бæласмæ фæкасти тагъд:
Цыппар егъау хъамайæн сæ быны
Фæндзæм дæр – хæрзчысыл хъама – сагъд!..*

Афтæмæй æгъдауы мидæг фыссæг равдыста ирон адæймаджы удыхъæд. Нæ фыдæлтæм фæдисы фæсте баззайын нымæд цыди тæппуддзинадыл, худинаджы гакк-иу сбадт ахæм лæгыл мыггагмæ. Æмæ Грисы æмдзæвгæйы суинаг гуырд дæр равдыста ирон намыс æмæ зондахаст. Уымæнкæд йæ азтæ нæма амыдтой, уæддæр фæдисы рæстæг нæ бамбæхсти, йæ хистæрты фæдыл хæстмæ фæраст и.

Ирон лæджы удыхъæд уынæм Плиты Грисы æмдзæвгæты цикл «Хохаг хъæу»-ы. «Ам лейтмотивон у хæст-цардхалæг æмæ æгъдау-цардараздæджы темæ» [6, 71]. Грисы хъайтар райста уац хæсты быдырæй, уым знаджы ныхмæ тох кæнынц йæ авд фырты. Лæг кæсын нæ зоны æмæ маенæ фæтæхы тæбæрттæй йæ бæхыл, тындзы, нæй йын æрлæууæн:

*Уынджы йын зæрæдтæ радтой æгъдау
Æмæ йæ хонынц сæ фæрныг хæдзæрттæм.
Не 'рлæууыд барæг: фынккалгæ бæхыл
Фатау æнæзилгæ размæ тæхы.*

Фæлæ æнæнхъæлæджы йæ размæ фæци æрыгон сылгоймаг, æмæ уæд барæг æрхызт йæ бæхæй, цалынмæ дондзау нæ фæаууон и, уæдмæ лæууыд, йæ сæр йæ риуыл æруадзгæ. Афтæ домæ фыдæлты

æгъдау, сылгоймагæн æмбæлгæ кад скæнын цавæрфæнды уавæры дæр. Уый уыд фидар фæтк ирон адæмы царды. Ацы уагæвæрд-иу чи фехæлдта, уымæн та-иу æхсæнад рахаста карз тæрхон.

Беджызаты Чермены «Мæсгуытæ дзурынц»-ы (æстæм таурæгъ «Туджы фæдыл») фæтуджджын сты дыууæ мыггаджы. Ныхмæ лæууыны рæстæг фехæлдтой фыдæлты æгъдау: амардтой мæсыгмæ донхæссæг сылгоймаджы. Уыйадыл ноджы стырдæр тæригъæд райстой сæхимæ: «Адæм сыл нытту кодтой æмæ загътой: «Кæрæдзи фæцæгъдут, æгъдаухал æнаккæгтæ» [7, 149].

Кæд сылгоймагæн æхсæнадон царды бартæ нæ уыд, уæддæр йæ кад уыд бæрзонд æвæрд. «Женщина пользуется большим почетом, чем мужчина; если они вдвоем идут рядом, то женщина идет справа; если с нею двое мужчин, то она идет между ними. Одно проявление женщины обуздывает буянов, останавливает и прекращает кровопролитие» [8,335], – фыста Къоста.

Æндæр уавæры нын æвдисы Дзаболаты Хазби, нæ фыдæлтæ сылгоймагæн куыд кад кодтой, уый. Æмдзæвгæ «Сылгоймаг»-ы уынæм ирон адæмы культурон цардæй иу уысм – хъазты эпизод, фæлæ ам сæйраг у сылгоймаджы кад æмæ намыс. Нæ фыдæлты цард афтæ арæзт уыд, æмæ чызг æхснадон цардмæ цæуаг нæ уыди. Йæ кары-иу куы бацыд, æрмæст-иу уæд араст фыццаг хатт стыр хъазтмæ æфсымæртæ æмæ сыхы лæппутимæ. «Танцы и участие в них были строго регламентированы своеобразными этическими правилами, обязательное исполнение которых не могло быть поставлено под сомнение кем бы то ни было» [9, 353]. Хъазты лæппутæ сæхи дардтой уæлдай æфсармджындæрæй, нæ уыд кафгæ-кафын уæлдай змæлдытæ кæнæн, чысыл фæзылд дæр-иу йæ фæстæ расайдта стыр бæллæхтæ. Хетæгкаты Къоста уый тыххæй фыста: «Двусмысленное слово в присутствии женщин, непристойная развязность с девушкой вооружает против провинившегося всю молодежь» [8, 358]. Ирон аив литературæйы уымæн ис бирæ дæнцæгтæ: Нигеры поэмæ «Бадилон симд», Коцойты Арсены радзырд «Фынддæс азы», Беджызаты Чермены «Мæсгуытæ дзурынц» (таурæгъ «Ахлæуаты чындз»).

Рагæй-æрæгмæ ирон адæмы царды иттæг ахсджиаг бынат ахста æмæ ахсы æфсарм, уый у нæ царды тæккæ ахсджиагдæр моралон миниуджытæй иу. Нывæфтыдæй йæ йе 'мдзæвгæйы равдыста Хазби:

*Тырныдтой рохбаст риутæ размæ,
Дымстæй хъæрзыдта къаба рындзыл...
«Цымæ кæй чызг у, уый ...кæй чындз у?..»,
Йæ фæдыл аивæй кæсгæйæ,
Фæлтæрдджын урсрихи зæрæдтæ,
Сæ къухтæн феуæгъдæй тæрсгæйæ,
Æнгом хæцыдысты сæ рæттыл!..*

Хумæтæг дзырдтæ, фæлæ нын поэт сныв кодта æнæхъæн æхсæнадон фæзынд бæлвырд æмæ цардæгасæй, ис ын сыгъдæг национ хуыз, æргом кæны ирон цардыуаг, ирон æгъдау, национ характер.

Нæ адæмы царды дыууæ ахсджиаг фæзынды – чындзхаст æмæ зиан – Плиты Грис равдыста æмдзæвгæ «Ирон æгъдау»-ы. Поэт æххæстæй сныв кодта ирон лæджы удыхъæд æмæ фарн. Хуызджын ахорæнтæй ранывæста чындзхасты нывтæ:

*Уыйбæрц адæм иу кæрты нæма уыд.
Йе сæм цас чындзхæсджытæ æрцыд!
Иу-сæдæ сæм барджытæ æрбацыд,
Иу-сæдæ та галуæрдæттыл уыд.*

*Симджыты бын зæхх цыма уынæргъыд,
Уæлдæф та сæ къæрцæмдзæгъдæй рызт;
Фынгыл адæм бадтысты рæгъ-рæгъы,
Кæхц, фынккалгæ, къухæй-къухмæ хызт.*

Дыууæ æвзонг уды сæ цард баиу кодтой, сæ циныл сын цин кæнынц адæм дæр. Фæлæ æнæхъæлæджы æрцыд æнамонд хабар, чындзхæсджыты æрцыдмæ амард фысымтæн сæ бинонты хуыздæр. Ам уынæм уазæджы æгъдау. Худинаг уыд фыдæлтæм уазæгæн æмбæлгæ æгъдау не скæнын [10, 12]. Поэты хъайтар бахауд уæззау психологон уавæры, йæ зæрдæйы цæуы карз тох: иуæрдыгæй уазæджы æфсарм, иннæрдыгæй мардæн хъæуы æмбæлгæ æгъдау скæнын:

*Ды, рæсугъд ирон æгъдау, хъæбæр дæ! –
Хорз фысым нæ равдыста йæ мард –
Загъта: уадз, нæ уазджытæн сæ зæрдæ
Ма кæна сæ цины бон æнкъард.*

Ахæм драмон уавæр ныв кæны таурæгъ «Уастырджи æмæ æртæ æфсымæры» дæр. Мад цæстæнгасæй æмæ уагæй дæр нæ равдыста уазæгæн, йæ лæппутæ æнæхъæлæджы кæй фæмард сты, уыцы

æнамонд цау. Таурæгъ «Æртæ тæригъæды» Бурæлдар ракодта фыдракæндтæ. Нæ йын хатыр кæны йæ хо дæр æмæ зæгъы: «Ауæй кодтай дæ иунæг хойы, нæ бавæрдтай уазæджы, амардтай сылгоймаджы...Æлгъыст фæу, æлгъыст!..» [11, 280]. Афтамæй Бурæлдар бабын ис.

Нæ фыдæлтæм уазæгхор фидиссаг æмæ æгад уыдис. Уазæджы æгъдæуттæ уыдысты уаз æмæ табуйаг. Плиты Грисы æмдзæвгæйы куырыхон хистæр æмбæлгæ æгъдау скодта уазæгæн дæр æмæ мардæн дæр. Бахъахъхъæдта фыдæлты фарн æмæ æгъдау.

Стыр бынат ахста нæ фыдæлты царды туг исыны æгъдау. Бæрæг фæд ныууагъта Нарты кадджыты æмæ ирон адæмон таурæгъты. Беджызаты Чермены уацау «Мæсгуытæ дзурынц»-ы (æстæм таурæгъ «Туджы фæдыл») Баймæт зæгъы: «Раджы адæмы царды мидæг туджы хъуыддагæй æнамонддæр хъуыддаг ницы уыди...Тугæн-иу йæ кæрон нал скъуыди, хызти фыдæй-фыртмæ, цалынмæ мыггаг мыгггаджы ныццагътаид, кæнæ сæ фæрныг адæм нæ бафидауын кодтаиккой, уæдмæ»[7, 148].

Нæ фыдæлтæ цыфæнды зынæй дæр æххæст кодтой тугисыны æгъдæуттæ, фæлæ уыцы иу рæстæг царды уыдис ахæм уавæртæ, лæгæн йæ бон фервæзын кæй фæрцы уыди. Зæгъæм, «кæй амардтай, уый худ ныккæнгæйæ, сæ къонайы рæхысыл аныдзæвгæйæ, кæнæ та, чи фæмард, уыцы лæппуйæн йæ мады риутыл былтæй баныдзæвгæйæ. Уазæг-марæг кæй хæдзары уыд, уыдон дзуапп лæвæрдтой йе 'дасдзинадыл» [12, 121].

Дзаболаты Хазбийы уацмысы уынæм, дыууæ туджджыны фæндагыл хæрхæмбæлд куыд фесты, уыцы уысм:

*Уый фæдтон æз
Уынгæг фæдыл мæ сæрмæ
Хæрхæмбæлд
тугисæг йæ туджджынимæ фесты.
Йæ бæх фæзылдта туджджын лæг æфсармæй
Æмæ йæхи-ма къæйрæбынмæ фехста.
Цæргæсау коммæ ратахт бæх æд барæг...*

Барадон, æхсæнадон уагæй марæг цасфæнды раст ма уыдаид, иууыл ныфсхаст æмæ хъаруджынаей, куыдфæнды ма хæцыдаиккой йæ сæрыл мыггаг, хæстæджытæ, зонгæтæ, уæддæр бирæ хæттыты æвзæрста мæгуыры бонтæ бафидауыны размæ. Иу æмæ дыууæ

хатты нæ бахаудаид туджджынты ахæсты, ныхæй-ныхмæ хъазуаты цæугæйæ. Хазби нын æвдисы туджджынты æнæхъæлæджы бафидыд. Тугисæг куы федта йæ туджджыны уавæр, уæд йæ фæдыл багæпп кодта цæугæдоны:

Зылдтæн æз афæдз марынмæ дæ фæстæ.

Фыццаг хатт сиу нæ къахвæндаг,

Фæлæ дын

Ныр дзырд дæттын:

Кæм дæм разынди уыйас

Ныфс æмæ 'фсарм,

Уым ис магныл хæсы фарн,

Æмæ цæуæм, æгас хæххон хъæуы раз

Зæгъын дæуæй

Æфсымæр!

Хуызджын æмæ нывæфтыдæй æвдисы дыууæ туджджыны бафидыд. Хазби ам фæлгъауы, иуæй, ирон царды æууæлтæ, иннæмæй, æнусон этикон домæнтæ.

Барахъты Гинойы радзырд «Цæр»-ы фæтуджджын сты Пхалæгаты Къомбох æмæ Тæхонты Мулдан. Къомбох куы фехъуыста, зæгъгæ, Мулдан фæмард ис, уæд ныккатай кодта. Йæ ныхæстæм гæсгæ йæ уый кæнæ маргæ акодтаид, кæнæ бафидыдтаиккой. «Ныр амард уый, баззадысты иннæтæ... Марын уыдонæн нæ бакомдзынæн, фидауыны тыххæй та мын уыдон нæ ратдзысты дзуапп. Æмæ бынтон бын куы бадæн...» [13, 233].

Ам зæрдыл æрлæууын кæнын æмбæлы, советон идеологи йæ райдианы нæ иуæй-иу æгъдæуттæ, знон æмæ абон кæрæдзиимæ фемных кæныны охыл, дызæрдыггаг куы кодта [14, 64], уæд куырыхон ирон фыссæг Нигер ахæм фæткимæ цæхгæр кæй не сразы ис. Уайдзæфгæнгæ, æмбарын кодта, фыдæлты хорз зондыл уæлæхох кæнын тæссаг хъуыддаг кæй у, ног цардарæзты дæр æгъдауы нысаниуæг тыхджын æмæ зынаргъ кæй у.

Адæмон æгъдæуттæ сæ алы фæзилæнтимæ нывгонд цæуынц ирон фысджыты уацмысты. Уыдон сты аивадон фæрæзтæ, ис сын хицæн сфæлдыстадон нысаниуæг æмæ поэтикон функцитæ. Æгъдау у адæймаджы миддуне æвдисæг айдæн. Уым разынынц æппæт æвæрццæг æмæ æппæрццæг миниуджытæ. Æгъдæуттæй

æвзæрынц æмæ фидар кæнынц адæмы менталитеты æууæлтæ, йæ удыхъæд, йæ этикон зондахаст, йæ удварн.

-
1. Миллер В. Ф. В горах Осетии // Русская мысль. 1881. кн. IV. С. 79.
  2. Джыккайты Шамил. Ныхасы фарн. Зонадон уацтæ æмæ эссе. Дзæуджыхъæу: Ир, 1996. С. 219.
  3. Нартæ. Ирон адæмы эпос. Сталинир, 1942. С. 49.
  4. Ирон адæмон аргъæуттæ. Т.1. Сталинир, 1959. С. 192.
  5. Мамиева И. В., Цоколаева Е. Х. Символ «мост / хид» в художественном сознании осетин // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2014. № 12. С. 272-285.
  6. Мамиева И. В. Хæсты темæ Плиты Грисы поэзийы («æртæфсыны» азты) // Гриш Плиев: поэт, драматург, переводчик. Владикавказ, 2014. С. 63-89.
  7. Беджызаты Ч, Хъуылаты С. Уацмыстæ. Дзæуджыхъæу: Ир, 1995. С. 148-149.
  8. Хетагуров К. Полное собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. Владикавказ: Ир, 2000, С. 335-358.
  9. Магомедов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе: Ир, 1968. С. 353.
  10. Бежаева Ф. Г. Концепты гостевого этикета уазæг – фысым в поэме «Фатима» К. Л. Хетагурова // Вопросы литературы и фольклора. 2017. № 9. С. 11-16.
  11. Ирон таурæгътæ. Орджоникидзе: Ир, 1989. С. 280.
  12. Габысаты Светланæ. Ирон таурæгътæ тудждджыны тыххæй // Мах дуг. 1991. № 5. С. 121.
  13. Барахъты Гино. Бæстырæсугъд. Дзæуджыхъæу: Ир, 1991. С. 233.
  14. Мамиева И. В. Кудзаг Дзесов: Очерк творчества. Владикавказ: Ир, 1990. С. 224.

VI. ПОЛИТОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

А.М. Янадамов,
студент ЧГУ

Б. Б.-А. Абдулвахабова,
кин, доцент ЧГУ
(г. Грозный)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЧЕЧНЕ В 1990-1994 гг.

В статье рассматриваются социально-экономические, общественные и культурные процессы в Чечне в начале 90-х годов XX века. Распад Советского государства и провозглашение независимых республик, изменения в общественно-политической ситуации и многие другие факторы, как внешнего, так и внутригосударственного характера привели к глубокому кризису жизнеобеспечивающие системы народов России, в особенности, чеченского.

Ключевые слова: социально-экономические процессы, Россия, г. Грозный, Чеченская Республика, Дудаев, жизнеобеспечивающие системы, общество, промышленная инфраструктура, предприятия, кризис.

The article discusses the socio-economic, social and cultural processes in Chechnya in the early 90s of the XX century. The collapse of the Soviet state and the proclamation of independent republics, changes in the socio-political situation and many other factors, both external and domestic, led to a deep crisis of the life-supporting systems of the peoples of Russia, especially the Chechen ones.

Keywords: socio-economic processes, Russia, Grozny, Chechen Republic, Dudayev, life-supporting systems, society, industrial infrastructure, enterprises, crisis.

В конце XX века Чечня и его жители переживали страшные потрясения: город Грозный и практически все населенные пункты были полностью разрушены, а его жители находились в экстремальной ситуации.

В последнем десятилетии XX века в Чечне установилась власть сепаратистов, завершившаяся военными кампаниями 1994-1996 гг. и 1996-1999 гг.

Череда экстремальных событий радикально поменяла социально-экономическую, общественную и культурную жизнь республики.

В этой связи особую актуальность представляет изучение общественно-политической, экономической ситуации в Чечне в период с 1991-1994 годов когда здесь к власти пришли радикальные силы, действий, других факторов, в том числе и внешнего характера, завершивших военные кампании 1994-1996 гг.. 1996-1999 гг. – период войн и разрушений, многочисленных жертв.

В Чечне накоплен уникальный политический опыт не только выживания в условиях распада общественных связей, но и восстановления государственных и общественных институтов с использованием традиционных духовных ценностей.

Сегодня заметен интерес среди исследователей к событиям переломной эпохи в жизни чеченского народа. Ценные сведения содержатся в работах Т. Музаева, который проанализировал общественно-политическую жизнь Чеченской Республики в интересующий нас период [1].

В двух изданиях сборника «Культура Чечни: история и современные проблемы», сборнике «Чечня: Право на культуру» имеются некоторые материалы по интересующей нас проблеме [2].

В сборнике «Чечня и Россия: общества и государства» особый интерес представляют статьи З. Берсановой, М.Сайдуллаева и др. [3], проанализировавших общественно-политическую ситуацию в Чеченской Республике в 1990-х годах. Исследователь З. Берсанова считает, что в период национальных катаклизмов происходит переоценка ценностей, и люди в таких ситуациях проявляют себя иначе, чем в повседневной жизни, здесь соседствуют героизм и благородство, цинизм и стремление нажиться [4, 222-250].

М. Сайдуллаев отмечает, что Чечня в середине 1990-х гг. из состояния бедности скатилась в беспросветную нищету к концу 1990-х гг. [5, 17].

В перечисленных работах рассматриваются отдельные проблемы общественно-политической жизни Чеченской Республики в исторической ретроспективе.

Ценные выводы и фактический материал содержатся в монографии А.А. Кадырова [6], в которой он отмечал, что чеченцы более 10 лет жили в экстремальных условиях, связанных с насильствен-

ным захватом власти; расколом общества по родовым и политическим признакам; жестким противостоянием с Россией; проявлением национализма в его крайних формах; борьбой за руководящее кресло; развалом экономики и социальной сферы; насаждением воинствующей идеологии и милитаристской психологии; разгулом преступности; превращением религии в инструмент политических игр; манипуляциями и интригами; хищническим и бездумным расхищении национальных богатств; свёртыванием системы образования, здравоохранения, культурного наследия; бездарной кадровой политики и, наконец, гражданской войной [7, 134]. Заметим, также, что публикации Д.Ж. Гакаева, В. Акаева, В. Гадаева и ряда других местных исследователей дают объективную картину событий 1990-2000 гг. в Чеченской Республике [8, 315-334; 9, 88-101; 10, 70-73].

15 августа 1990 года в г. Грозном состоялось учредительное заседание организационного комитета по созыву Чеченского общенационального съезда. В его создании приняли участие группа народных депутатов Чечено-Ингушской АССР, представители общественности г. Грозного, Ачхой-Мартановского, Веденского, Грозненского, Наурского, Сунженского, Урус-Мартановского, Шалинского, Шатоевского и Шелковского районов и чеченцев Грузии.

Анализ социально-экономической и политической жизни Чечено-Ингушетии, наиболее промышленно развитой республики на Северном Кавказе, показывает, что по социальному и духовному развитию, уровню материального благосостояния её населения, она значительно отстаёт от других регионов СССР. Неэквивалентный торговый обмен и неравноправные экономические отношения с центром, монокультурный характер экономики республики, концентрация основных промышленных предприятий в г. Грозном и отсутствие промышленной инфраструктуры на селе привели к тому, что безработица среди чеченского населения достигла очень высокого уровня [11, 35]. Нельзя сказать, что экономика Чечено-Ингушетии находилась до прихода к власти Д. Дудаева в сентябре-октябре 1991 года в хорошем состоянии. Ей были свойственны все симптомы депрессии, что характеризовали экономику Советского Союза девяностых годов двадцатого века. Только эти симптомы проявились в республике в более обнаженном виде, если не сказать катастрофическом.

Экономическая политика Чеченской Республики «Ичкерия» периода 1991 – 1999 годов полна противоречий. Условно данный период следует разделить на два этапа, поскольку вначале руководство республики получило довольно развитие народное хозяйство, где под воздействием рыночных преобразований в РСФСР необходимо было осуществить соответствующие реформы в экономике, а с 1996 года – руководству республики досталась разрушенная республика [12, 85].

Для управления народным хозяйством независимой Чеченской Республики «Ичкерия» был создан временный орган – Комитет по оперативному управлению народным хозяйством (КОУНХ) Чеченской Республики. Однако из ведения данного органа были выведены все важнейшие предприятия республики, а также он не располагал правом распоряжения стратегическими товарами, сырьём и продукцией. Согласно Указу президента Чеченской Республики от 16 декабря 1991 года, все предприятия и организации, специализирующиеся на добыче, переработке и реализации стратегических товаров, сырья и продукции (нефть и нефтепродукты, цемент, нефтяное и иное оборудование, сельскохозяйственная продукция) переподчинены были непосредственно президенту Чеченской Республики [13, 562 – 563]. В кризисные 90-е годы нефтяная промышленность республики сильно пострадала, а нефтеперерабатывающие, машиностроительные заводы республики были полностью разрушены, демонтированы, разворованы. Документация похищена или уничтожена, в то время как в Российской Федерации шёл процесс акционирования и приватизации предприятий НГК [14, 582].

Кризисное положение сложилось и в сельском хозяйстве. Развал колхозов и совхозов сопровождался расхищением имущества, свертыванием сельскохозяйственного производства, попытками стихийного раздела земли и передела его на основе родового и общинного права. Прежние формы хозяйствования были сохранены в основном лишь в северных районах (Притеречье).

Из умирающих чеченских городов начался стремительный отток населения: те, кто имел возможность, уезжали к родственникам в села, а многие просто покидали республику. В 1992-1993 гг. уходили предприниматели, так как власть однозначно давала понять, что заниматься экономикой она не намерена. Есть более

серьезная задача называемая «борьбой за свободу и независимость» [15, 254].

Конституция Чеченской Республики от 12 марта 1992 года содержала целый ряд статей (с 8 по 10), закрепляющих рыночные основы экономики. Так, например, статья 8 гласила: «В Чеченской Республике гарантируется экономическая свобода граждан и трудовых коллективов, разнообразие форм собственности и равные условия их правовой защиты. Исходя из общественных интересов, закон устанавливает пределы свободы экономической деятельности граждан и трудовых коллективов» [16].

Статья 9 объявляла о наличии частной и государственной собственности, о принадлежности природных ресурсов народу, о различных формах собственности. В статье 10 говорилось о защите частной собственности граждан, возможности функционирования частных предприятий и запрета или ограничения отдельных видов частнопредпринимательской деятельности в общественных интересах [17, 562-563]. В 1993-1994 гг. из Чечни выезжают управленцы, ученые, врачи, технические специалисты и политики, потерпевшие еще одно сокрушительное поражение в борьбе за власть. Появились первые чеченские политэмигранты, преследуемые режимом Д. Дудаева за свои политические убеждения, за участие в митингах и демонстрациях.

В большинстве национальных республик, где к власти приходит местная национальная элита, пытаются создать численный перевес «своей» нации, приглашая на постоянное жительство людей даже из других стран, как это было в Казахстане. Число чеченцев республики за годы правления сепаратистов не только не увеличилось, а уменьшилось в три раза. Новой власти того времени народ, в том числе сами чеченцы с их национальными интересами, были не нужны; им нужна «труба» нефтяная и власть [15, 264-265].

Указанные факторы самым плачевным образом сказались на социально-экономическом и культурном развитии Чечни, которая провозгласила независимую республику «Ичкерия» осенью 1991 года во главе с мятежным генералом Джохаром Дудаевым, все эти процессы подвели чеченский народ и республику в целом осенью 1994 года к полномасштабным жесточайшим двум войнам за одно десятилетие, в которых пропало без вести и погибло огромное ко-

личество мирного населения, не говоря о моральных и материальных потерях.

-
1. Музаев Т.М. Ичкерия. Руководство и политические структуры. М.: ООО «Панорама», 1997; Он же. Чеченский кризис-99. Политическое противостояние в Ичкерии: расстановка сил, хроника, факты. М.: ООО «Панорама», 1999; Этнический сепаратизм в России. М., 1999.
  2. Сборник научных трудов Академия наук ЧР и КНИИ РАН. Вып. 1. Нальчик, 2007; Культура Чечни: история и современные проблемы. М.: Наука, 2002; Культура Чечни: история и современные проблемы. 2-е изд. М: Наука, 2006.
  3. Гакаев Д.Д. Постконфликтная Чечня: анализ ситуации, проблемы реконструкции (политический аспект) // Чечня: от конфликта к стабильности. М., 2001.
  4. Берсанова З. Система ценностей современных чеченцев (по материалам опросов) // Чечня и Россия: общества и государства М., 1999.
  5. Сайдуллаев М. Экономические и социальные последствия чеченского конфликта: пути выхода из кризиса // Чечня: от конфликта к стабильности (проблемы реконструкции). М., 2001.
  6. Кадыров А.А. Российско-чеченский конфликт: генезис, сущность, пути решения. М., 2003.
  7. Кадыров А.А. Выбор пути. Грозный, 2003.
  8. Гакаев Д. Чеченский кризис, его природа и эволюция // Культура Чечни: история и современные проблемы. М., 2002.
  9. Акаев В. Х. Ислам в Чечне: традиции и современность // Чечня: от конфликта к стабильности (проблемы реконструкции). М., 2001.
  10. Гадаев В. Ю. Проблема духовно-нравственного развития современной чеченской молодёжи // История науки и техники. 2008. №3.
  11. В поисках пути. «Чечня 1990-1996 гг.», (сборник материалов общественно-политического движения «Даймохк»). М., 1996.
  12. Посткоммунистическая трансформация: опыт пяти лет. Сбор-

ник докладов. Институт экономических проблем переходного периода. М., 1996.

13. Экономика Чеченской Республики: коллективная монография / Академия наук Чеченской Республики / Под ред. С.С. Решиева. Грозный, 2013.

14. Конституционное и государственное строительство на Юге России: история и современность (2-е Кадыровские чтения). Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 10-летию Референдума 23 марта 2003 года и принятия Конституции Чеченской Республики (г. Грозный, 20 марта 2013 г.). Грозный: ФГУП «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2014.

15. Ибрагимов Муса, Ибрагимов Мовсур. Чечня: через круги ада. Войны, переселения и депортации чеченского народа. 2-е исправленное и дополненное издание. Грозный: Издательство ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», 2017.

16. Конституция Чеченской Республики Ичкерия от 12 марта 1992 года.

17. Экономика Чеченской Республики: коллективная монография / Академия наук Чеченской Республики / Под ред. С.С. Решиева. Грозный, 2013.

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

8-9 февраля 2019 года в рамках празднования Дня российской науки прошла Международная школа-конференция молодых ученых «Кавказ в его прошлом и настоящем: история, археология, культура», организованная СОИГСИ им. В.И. Абая и историческим факультетом СОГУ им. К.Л. Хетагурова. В работе школы-конференции принимали участие представители научного сообщества Северной и Южной Осетии, регионов СКФО.

С приветственным словом к участникам конференции обратились директор СОИГСИ, доктор исторических наук, профессор **З.В. Канукова** и ректор СОГУ **А.У. Огоев**.

«За более чем десятилетнюю историю школа-конференция стала узнаваемой и авторитетной площадкой для непрерывной коммуникации молодых ученых Северного Кавказа. Совместный проект создает благоприятные условия для актуальных научных исследований», – отметила директор СОИГСИ **Залина Канукова**.

Ректор СОГУ **Алан Огоев** поздравил ученых с профессиональным праздником: «Этот праздник учрежден как признание заслуг отечественной науки, ее важной роли в социально-экономическом развитии государства. Россия по праву гордится всемирно известными научными школами, выдающимися исследователями и новаторами. Благодаря их трудам приумножались богатство и мощь нашего государства, укреплялся его международный авторитет».

Работу школу-конференции продолжили мастер-классы ведущих ученых СОИГСИ: «Данные сфрагистики по истории алан» доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, заведующего отделом археологии СОИГСИ **Алана Ахсаровича**

Туаллагова; «Исторические взгляды А.Н. Кодзаева» доктора исторических наук, профессора, заведующей отделом истории СОИГСИ **Светланы Ахсарбековны Айларовой; «К проблеме этнорелигиозной самоидентификации современных осетин»** доктора исторических наук, старшего научного сотрудника отдела этнологии СОИГСИ **Султаны Гильмидиновны Кцоевой.**

В ходе двух рабочих дней школы-конференции молодые ученые представили результаты своих исследований в области истории, этнографии, филологии, социологии и политологии. На площадках форума были обсуждены этногенетические и этнокультурные процессы на территории Северного Кавказа в эпоху древности и средневековья; научное наследие выдающихся исследователей Кавказа; современные политические, общественные и культурные процессы в северокавказском регионе и другие актуальные темы.

*****

1 ноября 2018 года учащиеся 10-х классов МБОУ СОШ №43 г.Владикавказа посетили Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований в рамках культурно-просветительского проекта «Молодежь и наука».

Проект был инициирован Институтом как инструмент популяризации гуманитарной науки среди молодежи, приобщения ее к богатому научному и культурному наследию кавказоведения, алауноведения и нартоведения, стимулирования интереса к научно-исследовательской деятельности.

По традиции сотрудники СОИГСИ провели школьникам ознакомительную экскурсию по историческому зданию института, в научную библиотеку, научный архив, Мемориальный кабинет-музей Т.А. Гуриева, Научно-образовательный центр «Гуманитарий», этнографический кабинет.

Старший научный сотрудник отдела фольклора и литературы СОИГСИ, кандидат филологических наук **Залина Константиновна Кусаева** рассказала гостям о жизни и научной деятельности **Тамерлана Александровича Гуриева** (1929-2016) – одного из ведущих языковедов мира, ираниста, доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РСО-Алания, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, председателя Ассоциации ученых РСО-Алания, председателя Союза профессиональных литераторов, вице-президента общества дружбы «Россия – Индия», внесшего весомый вклад в развитие осетиноведения и нартоведения.

В научной библиотеке СОИГСИ гостям показали фонды Б.А. Калоева и В.И. Абаева, а также фонд редкой книги. Заведующая научным архивом СОИГСИ, кандидат филологических наук **Раиса Николаевна Абисалова** познакомила школьников с особенностями архивного дела.

В научно-образовательном центре «Гуманитарий» его руководитель, кандидат исторических наук **Эльвира Шамильевна Гутиева** подробно рассказала о деятельности центра, работе с молодыми учеными, о международных молодежных научных конференциях СОИГСИ и научном журнале «Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых», специально учрежденном для поддержки начинающих исследователей. Заметив интерес школьников к многочисленным дипломам и сертификатам на стенах центра, **Э.Ш. Гутиева** подробнее остановилась на работе Совета молодых ученых СОИГСИ, которые активно выступают на крупных международных конференциях, занимают лидирующие места, а также публикуют монографии и научные статьи в ведущих журналах. По словам **Э.Ш. Гутиевой**, подобные встречи с учащимися дают возможность провести своего рода профориентационную работу среди молодежи и развенчать стереотипы о «скучной» профессии научного работника и исследователя.

*****

25 апреля 2019 г. в конференц-зале СОИГСИ открылись Дни науки кафедры журналистики СОГУ им. К.Л. Хетагурова.

Мероприятие такого формата проводилось Институтом и факультетом журналистики СОГУ впервые. Однако, как подчеркнули в своих пленарных выступлениях директор СОИГСИ им. В.И. Абиева, доктор исторических наук, профессор **Залина Владимировна Канукова** и декан факультета **Фатима Сосланбековна Хабалова**, всестороннее взаимодействие академической науки с преподавателями и студентами гуманитарного профиля открывает серьезные перспективы.

Руководитель СОИГСИ, в частности, отметила, обращаясь к молодому поколению будущих профессионалов массмедиа, что интерес к научной журналистике в стране растет, о чем свидетельствует появление в медийном поле новых специализированных информационных проектов и ресурсов, направленных на популяризацию отечественной науки. Так, СОИГСИ, помимо ведения официального сайта и страниц в социальных сетях, активно сотрудничает с республиканскими и федеральными средствами массовой информации в различных форматах, ведет мониторинг освещения культурно-исторической тематики.

В 2017 году институт и главная республиканская газета «Северная Осетия» запустили уникальный культурно-просветительский проект «Алания от А до Я», в котором в научно-популярной форме публикуются актуальные исследования ученых СОИГСИ в области алановедения, нартоведения, иранистики. Проект вызвал большой интерес как в научных кругах, так и у массовой аудитории, которая ближе познакомилась с ведущими учеными-нартоведами и алановедами, посвятившими свою жизнь комплексному исследованию и сохранению богатейшего скифо-сармато-аланского наследия. Более того, к 100-летию юбилею газеты «Северная Осетия» все опубликованные в первый же год материалы проекта «Алания от А до Я», авторами которых стали **Людвиг Чибиров, Феликс Гутнов, Елена Бесолова, Алан Туаллагов, Руслан Дзаттиаты, Ислам-Бек Мар-**

зоев, Анзор Дарчиев и многие другие известные ученые-кавказоведы, были изданы отдельной книгой в подарочном оформлении, ставшей библиографической редкостью уже в первые дни. Автором предисловия к книге выступил Глава РСО–А Вячеслав Битаров. Издание также было презентовано на V форуме СМИ Северного Кавказа.

«Проект «Алания от А до Я» является ярким образцом успешного медиапродукта, который выполняет сразу несколько задач: популяризация академической науки, обоснованное противостояние историческим и культурным фальсификациям, ангажированным лженаучным исследованиям, количество которых неуклонно нарастает и агрессивно вторгается в общественно-политическую жизнь всего региона, – подчеркнула З.В. Канукова. – Мы живем в регионе с богатым этнонациональным составом и культурно-историческим наследием, которое заслуживает повышенного внимания СМИ. И в этой связи чрезвычайно актуальным является вопрос качества журналистских текстов на культурно-исторические темы, к которым нужно подходить с серьезными знаниями и высокой ответственностью. В свою очередь, научный коллектив СОИГСИ всегда готов помочь молодым журналистам делать качественный и исторически достоверный материал».

З.В. Канукова также рассказала студентам об истории СОИГСИ – старейшего гуманитарно-научного учреждения на Северном Кавказе, отмечающего в 2019 году свой вековой юбилей. В ходе пленарного заседания студентам удалось познакомиться и с ведущими учеными института: будущим интервьюерам охотно рассказали о своих структурных подразделениях, ключевых научных исследованиях доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом археологии СОИГСИ, заслуженный деятель науки РСО-А **А.А. Туаллагов**, доктор филологических наук, профессор, заведующая отделом осетинского языкознания **Е.Б. Бесолова**, доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклора и литературы **Д.В. Сокаева**, кандидат исторических наук, заведующий отделом фольклора и литературы **Ф.М. Таказов**, кандидат исторических наук, руководитель Научно-образовательного центра СОИГСИ «Гуманитарий» **Э.Ш. Гутиева**, заведующая Научным архивом СОИГСИ, кандидат филологических наук **Р.Н. Абисалова**.

*****

Старший научный сотрудник СОИГСИ Е.Б. Дзапарова приняла участие в проекте «Академический час» в Национальной научной библиотеке РСО-А

21 мая, в преддверии Дня славянской письменности и культуры, в отделе художественной литературы Национальной научной библиотеки Северной Осетии в проекте «Академический час» прошло мероприятие под названием «Поэтический венок: Коста Хетагуров – Пушкину, Ахматова – Коста Хетагурову», во время которого состоялся серьёзный разговор о переводческой деятельности в литературе, в котором приняли участие гости проекта – Елизавета Дзапарова и Фатима Найфонова. Встреча была приурочена к 220-летию со дня рождения А.С. Пушкина, 190-летию со времени его пребывания в Осетии и Владикавказе, 160-летию со дня рождения Коста Хетагурова и 130-летию Анны Ахматовой.

Елизавета Борисовна Дзапарова — старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиала Федерального государ-

ственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра Владикавказский научный центр РАН, кандидат филологических наук, лауреат Государственной республиканской стипендии имени Васо Абаева (2017), автор более 70 научных работ. Область её научных интересов – сравнительное литературоведение, теория и практика перевода, осетинское литературоведение. Её перу принадлежат монографии: «Харлампий Цомаев и православная культура Осетии» (Владикавказ, 2010); «Художественный перевод в осетинской литературе: проблема адекватности переводных текстов» (Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014); «Фольклор анатолийских осетин: сборник фольклорных текстов» / составители и авторы переводов Д.В. Сокаева, Е.Б. Дзапарова (Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015); работа «Лирические произведения для детей в переводе на осетинский язык К. Л. Хетагурова (сравнительно-сопоставительный анализ разноязычных текстов)» (Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 4) и др.

В выступлении Е.Б. Дзапаровой шёл разговор о переводе К. Хетагуровым стихотворения А. Пушкина «Ворон», а также рассматривалась передача национального своеобразия исходных текстов произведений Коста в переводах Анны Ахматовой, случаи использования в тексте частичных и полных слов-реалий, способы их передачи на язык перевода, выявлялись наиболее оптимальные решения для сохранения национального колорита переводимого текста. В частности, на основе сравнительно-сопоставительного анализа параллельных разноязычных текстов рассматривались способы транскрибированной / транслитерированной передачи, аналоговой замены, описательного и калькированного перевода рассматриваемых лексических единиц. В ходе исследования Е. Дзапаровой было установлено, что при использовании механического воспроизведения в переводе слов, отражающих национально-культурную специфику переводимого текста, и этнографического комментария достигается оптимальное переводческое решение поставленной цели. Проведённый ею для аудитории блиц-анализ текстов оригинала и перевода помог выявить степень семантической эквивалентности в переводе лексических единиц оригинала. На основе разноязычных текстов были определены адекватное отражение формальных осо-

бенностей подлинника (ритмической организации стиха), способы воссоздания в переводе прагматического значения переводимого текста, его стиливых особенностей, выявлены способы адаптации переводчиком исходного текста, приближения оригинала к новой воспринимающей культуре, как пример, приведены случаи использования в переводе национальных образов.

*****

30 мая 2019 г. в СОИГСИ им. В.И. Абаева состоялась встреча со стажерами отделов осетинского языкознания и истории Эминой Цориты (Emina Şahingöz) и Дидем Чатал Кылыч (Didem Chatal Kylych).

Эмина Цориты является докторантом Института лингвистики и культурологии при Франкфуртском университете им. Иоганна Вольфганга Гёте (Johann Wolfgang Goethe-Universität Frankfurt am Main). Тема ее исследования: «Ударение в осетинском языке».

Дидем Чатал Кылыч – докторант Эгейского университета в Измире. Тема ее исследования: «Хозяйственно-экономическая жизнь казаков Северо-Восточного Кавказа (с XVI по XIX вв.)».

Дискуссия по традиции проходила в теплом и конструктивном ключе, причем на нескольких языках одновременно. Стажеры показали себя зрелыми и глубоко заинтересованными исследователями. Переводчиком Эмины, представившей свой доклад на английском и немецком языках, выступила научный сотрудник отдела осетинского языкознания СОИГСИ **Эльмира Гутиева**, а Дидем, выступавшей на турецком языке, помогал турколог, ведущий научный сотрудник отдела источниковедения СОИГСИ, кандидат исторических наук **Георгий Чочиев**. Девушки также смогли пообщаться с учеными СОИГСИ на дигорском диалекте осетинского языка.

ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ. ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

ВЫП. 21, 2019

Научный журнал

Технический редактор — *Е.Н. Маслов*

Компьютерная верстка — *А.В. Черная*

Дизайн — *Е.Н. Макарова*

Подписано в печать 15.06.2019.

Формат бумаги 70×108 ¹/₁₆. Бум. 80 гр.

Печать цифровая. Гарнитура шрифта «Myriad»

Усл.п.л. 23,9. Тираж 100 экз. Заказ 53.

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. В.И. АБАЕВА –
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА «ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

362040, РСО-А, г. Владикавказ, пр. Мира, 10

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.

362002, РСО-А, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3

e-mail: rio-soigsi@mail.ru